

*Над чем работают,
о чем спорят
философы*

*Диалектическое
противоречие*

Политиздат

*Над чем работают,
о чем спорят
философы*

Диалектическое противоречие

*Москва
Издательство
политической
литературы
1979*

Диалектическое противоречие.— М.:
Д44 Политиздат, 1979.— 343 с.— (Над чем ра-
ботают, о чем спорят философы).

Книга представляет собой своего рода «круглый стол», творческий диспут ученых о диалектическом противоречии. Разделяя принципиальные положения диалектического материализма относительно природы и роли диалектического противоречия в развитии объективных процессов и научно-теоретического знания, участники дискуссии вместе с тем придерживаются различных точек зрения на взаимоотношение диалектического противоречия и формальной антиномии, на роль противоречия в генезисе научного знания и в сложившейся теории и др. Обосновывая свои позиции, авторы широко используют материал из истории естественных и общественных наук.

Д $\frac{10503-027}{079(02)-79}$ 162—79 0302020100 15.1
1М

ВМЕСТО ВСТУПИТЕЛЬНОГО СЛОВА

До сих пор в серии «Над чем работают, о чем спорят философы» выходили главным образом книги, в которых излагались взгляды того или иного автора, раскрывалось содержание его работы. В отличие от этого, данная книга, которую мы называем «круглым столом», объединила по моей инициативе десять его участников; они поставили перед собой задачу путем взаимной полемики выяснить содержание понятия противоречия, которым широко оперируют философы при изложении и разработке марксистской диалектики. Уже само ленинское (краткое) определение диалектики как учения о единстве противоположностей опирается в своей основе на понятие диалектического противоречия; можно смело сказать, что это понятие красной нитью проходит через самый фундамент всей марксистско-ленинской диалектики как логики и теории познания.

Разумеется, занимаясь уточнением названного понятия, участники нашего «круглого стола» не могли не затронуть и самого существа вопроса о том, как следует понимать и толковать диалектическое противоречие в качестве ядра материалистической диалектики. Поэтому спор о понятии противоречия неизбежно пере-

растал в спор о понимании самой материалистической диалектики, что как раз и отвечает задаче серии «Над чем работают, о чем спорят философы».

Следует отметить, что в советской литературе выявились прежде всего две основные трактовки понятия противоречия: одна — даваемая с позиций диалектики как диалектической логики, другая — с позиций формальной логики. Как и всегда, в данном случае в печати и устно высказано немало «промежуточных» («гибридных») взглядов. Но и среди сторонников каждой из двух названных концепций существуют свои оттенки взглядов, различные толкования, отклонения в ту или иную сторону при общности основных положений, разделяемых представителями той или другой концепции. Это порой затрудняет положительную разработку проблем материалистической диалектики и в особенности, конечно, разработку учения о диалектическом противоречии как об источнике всякого развития. Вместе с тем неясности и разногласия в толковании самого понятия «противоречие» осложняют проведение продуктивных творческих дискуссий в данной области марксистско-ленинской философии.

В нашей печати уже давно ведутся дискуссии, споры по вопросу о том, как трактовать понятие противоречия, как оперировать им в конкретном научном исследовании. Однако при этом различные точки зрения не всегда излагаются достаточно ясно, а иногда авторы вообще предпочитают уклоняться от ответа на прямо поставленные перед ними вопросы.

Отказ от содержательной аргументации, подмена ее утверждением лишь общих поло-

жений затрудняют правильную ориентацию в ходе той или иной дискуссии и приводят к искаженному представлению о подлинном смысле таких дискуссий, о их роли в развитии науки. Ведь речь идет о нахождении истины в результате аргументированной борьбы мнений, а это может быть достигнуто благодаря умело проведенной дискуссии, хорошо организованному обсуждению.

Нередко читателю бывает трудно следить за ходом дискуссии потому, что отдельные ее этапы (выступления ее участников), как правило, разобщаются между собой и во времени (печатаются не одновременно), и в пространстве (печатаются в различных изданиях).

Участники данного «круглого стола» стремились по возможности подробнее аргументировать свое понимание того содержания, которое вкладывается каждым из них в понятие «противоречие». Выполнению такой задачи помогла большая предшествующая работа, которая была проведена группой по теории диалектики, работающей с конца 50-х годов на общественных началах (руководитель Б. М. Кедров, заместитель руководителя В. А. Лекторский). Сотрудники этой проблемной группы решили выпустить в свет особым образом подготовленную коллективную работу, в которой каждый ее участник обязан был выполнить тройного рода условие: сначала изложить вкратце свой собственный взгляд на понятие противоречия; затем подвергнуть критике другие взгляды и прежде всего взгляды тех, кто участвует в данной работе; наконец, ответить на критические замечания по своему адресу, высказанные остальными ее участниками.

В итоге вся книга и приобретала характер типичного «круглого стола». В соответствии с этим определилась общая ее структура; она делится на две части: первая часть объединяет основные выступления всех участников «круглого стола», содержащие анализ диалектического противоречия, вторая часть включает дополнительные выступления большинства участников и их ответы на критические замечания, сделанные по их адресу в ходе предыдущих выступлений.

Цель данной книги — дать возможность читателям не только разобраться по существу в определенном конкретном вопросе материалистической диалектики, но и помочь им выработать умение вести научные споры, участвовать в научных дискуссиях. В конце книги подведены общие итоги проведенной дискуссии. Это сделано В. А. Лекторским, который мог выполнить роль своего рода арбитра, поскольку сам он не выступал в качестве участника дискуссии. Сделать конкретные оценки по существу выдвигавшихся и критиковавшихся точек зрения мы предоставляем самим читателям.

В этой книге мы хотели создать обстановку товарищеской беспристрастной критики. Тут уместно было бы напомнить слова Ф. Энгельса, сказанные 100 лет тому назад о «той беспристрастной критике, которая единственно достойна свободной науки и которую должен приветствовать каждый ученый, даже если она направлена против него самого»¹.

Академик *Б. М. Кедров*

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 260.*

Часть первая

**ОСНОВНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ
ВСЕХ УЧАСТНИКОВ
«КРУГЛОГО СТОЛА»**

**АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ
ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО
ПРОТИВОРЕЧИЯ**

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ПОЗНАНИЯ И ПОЗНАНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Б. М. Кедров

Противоречивый характер общего хода познания. Познание любого объективного противоречия протекает вдвойне противоречиво: во-первых, потому, что сам объект познания противоречив, во-вторых, потому, что всякий процесс познания всегда носит противоречивый характер.

Противоречивость процесса познания прежде всего обуславливается общим ходом человеческого, в том числе научного, познания. В чем же состоит этот его общий ход?

Согласно известным положениям материалистической диалектики, общий ход познания любого объекта имеет следующую направленность:

1. Сначала объект выступает перед субъектом как нечто непосредственно данное; в сферу познания включается только то, что поддается изучению в данном объекте непосредственно, без воздействия на него со стороны самого исследователя, т. е. путем *живого, непосредственного созерцания*, наблюдения, без прямого вмешательства субъекта во внутренние области изучаемого объекта, без нарушения субъектом целостности этого объекта. Это — первая ступень, или фаза, с которой начинается познание

любого объекта независимо от его специфической природы, его размеров, формы, внешнего вида, вещественного содержания и т. д. Человек осматривает попавший в поле его наблюдения объект и видит его таким, каким этот объект существует сам по себе.

2. Затем при наличии соответствующих возможностей наблюдатель превращается в экспериментатора, который применяет самые разнообразные приемы и способы воздействия на изучаемый объект с целью выявить его реакции на внешние воздействия для того, чтобы проникнуть во внутреннюю его сферу, в его сущность, скрытую от непосредственного взора исследователя. Наиболее полно эта вторая стадия выражается в *анализе*, т. е. в расчленении — физическом и мысленном — данного объекта на отдельные его части, на абстрактно выделенные его стороны, или «моменты».

В результате такого подхода предмет перестает существовать таким, каким он выступил перед взором исследователя первоначально, в своей исходной целостности. Теперь объект оказывается расчлененным, разрезанным на отдельные свои составные части, которые до тех пор находились во внутренней связи и во взаимодействии между собой. Однако такое искусственное расчленение осуществляется не бездумно, не произвольным образом, а в строгом соответствии с закономерностями образования, строения и существования данного объекта, с учетом того, каким способом его части связываются между собой внутри целого, не подвергнувшегося еще членению. В противном случае при расчленении из анализируемого объекта могут быть выделены не его действительные

части, а нечто совершенно другое, возникшее при его обработке.

Вот почему проведение анализа нельзя сравнивать с тем, как мясник разделывает тушу животного, руководствуясь лишь кулинарными соображениями. Аналогия может быть проведена здесь лишь с действиями анатома или хирурга. Точно так же нельзя сравнивать процедуру анализа с поступками ребенка, разбивающего часы о камень в намерении узнать их устройство. Но будет уместно сопоставить анализ с действиями часового мастера, который производит разборку часового механизма с целью выявить и устранить поломки в нем, дабы в точности восстановить его в исходной целостности.

3. Наконец, когда задача анализа выполнена достаточно полно и последовательно, перед исследователем встает еще более сложная в познавательном отношении задача — восстановить (физически или мысленно) изучаемый объект в его исходной целостности и конкретности, отправляясь при этом от данных предшествующего анализа. Это — задача *синтеза*, т. е. составления изучаемого предмета как целого из его частей. Синтетический подход вовсе не равнозначен рассмотрению предмета в его непосредственной данности и целостности. Синтез есть именно связывание, соединение частей, на которые перед тем был разложен данный объект, есть его восстановление в его исходном виде из его частей, но только после того, как эти части были уже из него получены. Поэтому синтез вообще немислим без предшествующего анализа, точно так же как и анализ без последующего синтеза не дает относительно завер-

шенного знания изучаемого предмета. «Без анализа нет синтеза»¹. Короче говоря, здесь имеет место диалектическое единство анализа и синтеза, их взаимопроникновение: «...соединение анализа и синтеза,— разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе»².

Таким образом, общий ход человеческого познания имеет трехступенчатый характер (обладает трехфазным ритмом): непосредственное созерцание, анализ, синтез. На каждой из этих трех ступеней познания могут складываться совершенно различные представления об одном и том же изучаемом нами объекте. Сначала они могут быть весьма туманными, неясными в деталях, расплывчатыми («диффузными»), поскольку объект не был еще, по сути дела, подвергнут строгому исследованию, а лишь витал перед глазами субъекта в своем «нетронutom» виде. Затем, когда посредством анализа начнется выделение отдельных сторон объекта, представления о нем станут приобретать все более абстрактный характер при полном или почти полном элиминировании того, что было присуще ему с самого начала,— его целостности, его конкретности. Впоследствии же, когда вступит в действие синтез, такая абстрактность начнет преодолеваться новыми представлениями все о том же объекте, причем все сильнее выступает его исходная конкретность, пока мы не научимся воспроизводить его из его частей таким же, каким он был нам дан с самого начала; более того, пока мы не научимся, зная его законы, изменять его в соответствии с нашими целями.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 41.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 202.

Отмеченный выше трехфазный ритм человеческого познания подробно исследован Ф. Энгельсом в его трудах «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Сюда же примыкают ленинские характеристики общего хода познания от непосредственных явлений к раскрытию сущности (законов, причин). Если учесть, что наибольшей конкретностью и целостностью обладает человеческая практика, то общий путь познания объективной истины выступает как путь познания «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике...»¹.

Это положение Ленин конкретизирует, когда пишет, что: а) познание начинается с живого созерцания, с мелькающих впечатлений; б) затем оно переходит к выделению отдельных сторон вещей и явлений — качественной и количественной, к их определению; в) далее оно проникает в сущность явлений, открывает их внутренние связи и стороны, скрытые от непосредственного наблюдения. Все это проверяется практикой, приходя через такую проверку к установлению объективной истины.

Трехфазный ритм человеческого познания отмечал и К. Маркс, характеризуя метод политической экономии. Движение научной мысли, согласно Марксу, а) исходит из конкретного (предмета), о котором, как о целом, складывается вначале хаотическое представление; б) затем оно переходит к членению этого целого, к выделению из него его отдельных, абстрактно понимаемых сторон и отношений, в результате

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152—153.

чего сам предмет исследования утрачивает свою исходную конкретность; в) после этого оно начинает идти как бы в обратном направлении, оно восходит от абстрактного к конкретному, причем в итоге всего этого движения конкретное (результат) выступает теперь уже не как хаотическое представление о предмете как о нерасчлененном целом, но как богатая совокупность с многочисленными определениями и отношениями. Поэтому в мышлении конкретное, по Марксу, выступает как процесс соединения, как синтез¹.

Отмеченный выше общий ход человеческого познания отражается в тех или иных категориях материалистической диалектики, которые характеризуют различные его стороны, фазы и разрезы. Сюда относятся прежде всего философские категории: целое и часть, сложное и простое, которые конкретизируются применительно к значительной области частных наук как понятия системы и ее элемента, структуры и ее компонента. Далее, сюда относятся категории конкретного и абстрактного, а также низшего и высшего, с помощью которых может быть охарактеризован мысленный процесс восхождения от абстрактного к конкретному, в идеализированной форме отражающий реальный процесс развития изучаемого предмета от низшего к высшему. Сюда относятся категории явления и сущности, непосредственного и опосредованного, с помощью которых схватывается общий путь человеческой мысли, направленный от явлений к сущности, от непосредственного знания к опосредованному.

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 46, ч. I, стр. 36—37.

Когда мы говорим о движении от одной ступени познания к другой, логически следующей за нею в ходе развития человеческого познания, то мы имеем в виду следующее важное обстоятельство: нередко такое движение мыслится и изображается как простое и полное отбрасывание тех представлений, которые сложились о данном объекте на предшествующей ступени познания. На деле все это обстоит гораздо сложнее, диалектичнее и противоречивее: на каждой ступени познания возникают относительно правильные, но неполные, а иногда и явно односторонние представления об объекте исследования; наряду с этим в возникающие представления нередко вносятся также и ошибочные моменты, искажающие образ данного предмета.

Поэтому при переходе к следующей ступени познания перед исследователем встает сложная, внутренне противоречивая задача: во-первых, очистить предшествующие представления от всего ложного, привнесенного в них субъектом (такая «очистка» осуществляется порой путем коренной, революционной ломки прежних представлений); во-вторых, вышелушить и сохранить все, что было в них относительно правильным, отвечающим той стороне изучаемого объекта, которая была раскрыта на предшествующей ступени познания; в-третьих, раскрыть новые стороны объекта, которые не удавалось раскрыть на предшествующей ступени познания, но которые более глубоко и полно характеризуют природу изучаемого объекта; в-четвертых, наконец, найти способ связывания того, что было правильным в прежних воззрениях, с новым знанием об объекте, достигнутым на более высокой ступени познания этого объекта.

Такое связывание достигается, например, путем истолкования предшествующего представления об объекте, исходя из новых научных данных; новые данные выступают в таком случае как теоретическое объяснение прежних представлений.

Процесс связывания прежнего знания с вновь достигнутым может включать в себя следующие стадии: а) сначала находится связь представлений, сложившихся на ступени непосредственного созерцания предмета, с представлениями, выработанными уже на более высокой ступени анализа того же объекта; б) затем на еще более высокой ступени познания — ступени синтеза — раскрывается связь новых представлений с теми, какие сложились ранее на ступени анализа; в) наконец, устанавливается непосредственная связь тех представлений, которые отвечают ступени непосредственного созерцания (как низшей ступени познания), с теми, которые складываются на ступени синтеза (как высшей ступени познания).

Все эти связи в результате их взаимодействия призваны показать, каков объект сам по себе, каким он существует вне субъекта и независимо от воздействия на него субъекта, но с учетом всего, что дало все предшествующее исследование этого предмета (от непосредственного созерцания и аналитического расчленения до синтетического воссоздания объекта в его первоначальной целостности и конкретности).

Изложенные выше рассуждения характеризуют общий ход человеческого познания в его логически чистом виде, очищенном от зигзагов мысли, ее забеганий вперед, отставаний или временных отклонений в сторону от магистральной

линии движения всего человеческого познания. Только в нашей абстракции, имея дело с чисто логическим построением, в котором логически обобщен, резюмирован и подытожен реальный путь истории человеческой мысли, можно говорить о какой-то чисто аналитической или чисто синтетической ступени познания. В реальной истории познания анализ всегда так или иначе связан с синтезом. Хотя этот последний на аналитической стадии выступает как подчиненный момент, но все же он присутствует всегда. Соответственно своему подчиненному характеру на ступени анализа синтез носит характер внешнего соположения (связывания) друг с другом частей, на которые целое (объект исследования) был разложен. В свою очередь, на следующей ступени — ступени синтеза — анализ становится подчиненным моментом по отношению к синтезу; теперь он проводится так, что целостность и конкретность изучаемого объекта при его аналитическом расчленении не упускаются из вида, а все время держатся мысленно в поле зрения; самый же анализ проводится при сознании, что его цель — подготовить последующий синтез и войти в этот синтез в качестве его «момента».

Отсюда следует, что при выяснении познавательной роли анализа и синтеза в истории науки и всей человеческой мысли вообще необходим сугубо конкретный подход, нельзя давать одни и те же абстрактные ответы на этот вопрос, не определив того, о какой конкретно исторической ступени познания идет речь: о той, когда доминировал анализ, а синтез выступал как подчиненный по отношению к нему момент, или о той, когда стал доминировать синтез, а анализ начал

переходить на уровень подчиненного момента, или же, наконец, о той, которая может рассматриваться как переходная между обеими предыдущими, т. е. как такая, когда анализ начал уже утрачивать свое доминирующее положение, а синтез еще не успел приобрести такое доминирующее положение, не успел еще подчинить себе анализ. В химии XVIII — начала XIX в., например, создалось такое положение, когда анализ хотя и занимал господствующее положение, но уже не мог обойтись без синтеза как своей противоположности.

Теперь рассмотрим, каким образом приведенный выше материал позволяет раскрыть избранную нами тему, т. е. раскрыть смысл соотношения: противоречивость познания и познание противоречия. В. И. Ленин писал в «Философских тетрадях», что процесс познания, в смысле движения, приближения субъекта к объекту, всегда идет (и должен идти) диалектически, противоречиво: отступить, чтобы вернее попасть, отойти, чтобы лучше прыгнуть¹. Движение познания через анализ к синтезу как раз и представляет собой подобное отступление, отход от целостности и конкретности изучаемого объекта к его расчленению и абстрактному толкованию его частей, что делается только для того, чтобы затем полнее и точнее познать объект именно в его целостности и конкретности (вернее попасть в цель, лучше прыгнуть вперед).

Именно это положение лежит в основе известного ленинского рассуждения относительно противоречивости процесса познания: мы не мо-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 252.

жем познать, смерть, отразить, понять изучаемый предмет, не остановив движущегося (т. е. не прервав его движения), не омертвив живого, не изолируя связанное (т. е. не разрывая его связей), не огрубляя, не упрощая действительность. Это касается не только всякого понятия, всякой мысли, но и ощущения¹.

В результате такого омертвления, огрубления, упрощения, прерывания движения возникают абстрактные представления об отдельных сторонах живых противоречий, об отдельно взятых противоположностях реальной действительности. Благодаря этому только и можно понять сущность изучаемых противоречий как образованных путем борьбы, взаимосвязывания и взаимостолкновений соответствующих (хотя и абстрактно понятых поначалу) противоположностей, но не как смутного, расплывчатого («диффузного») восприятия чего-то противоречивого без умения и возможности провести его строгое исследование.

Когда обе противоположности, составляющие в их единстве сущность данного объекта, изучены в абстракции порознь в результате остановки движущегося, омертвления живого, упрощения и огрубления результатов познания, наступает момент, когда на основе предшествующего исследования мысль человека оказывается способной связать обе эти противоположности воедино, оживить, восстановить разрезанное на части противоречие и тем самым вновь привести в движение то, что было остановлено, вдохнуть жизнь в то, что было омертвлено и убито.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 233.

Вот почему в остановке движущегося, в омертвлении живого и т. д. В. И. Ленин видел предпосылку к тому, чтобы раскрыть суть диалектики, поскольку только этим диалектически противоречивым путем, через абстрактные представления о расчлененном, развязанном, остановленном и омертвленном, мысль человека способна выработать конкретное знание о целостном, связанном, движущемся и живом. Другого пути к истине, кроме этого, нет и быть не может. «И в этом *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей»¹.

Ту же, по сути дела, мысль выразил Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», когда он объяснял, почему познанию *процессов* предшествует познание *предметов*, ибо для того, чтобы знать, как данная вещь изменяется (движется), надо знать, что она собой представляет, т. е. какая она есть, находясь в покое². Соответственно этому Энгельс с исторической точки зрения оценивал роль метафизического способа мышления, который явился предпосылкой и подготовкой более высокого диалектического способа мышления.

Из сказанного выше следует, что столь же противоречивым путем познается в качестве предмета изучения само реальное противоречие. Человек не может познать его как непосредственно данное. Ничего, кроме туманного, смутного («диффузного») представления о противоречии, непосредственно получить нельзя. Чтобы

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 233.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 302—303.

составить строго научное понятие о нем, необходимо расчленить его первоначально на две его противоположные стороны или части в их абстрактном виде, как разобщенные между собой — физически и мысленно. В 1871 г. Д. И. Менделеев отмечал это обстоятельство, говоря, что судьба нашей науки знаменательна тем, что вначале создаются крайние, взаимопротивоположные воззрения¹.

Только впоследствии на основе таким путем полученных знаний о реальных сторонах объективного противоречия можно в дальнейшем выработать научное понятие о противоречии как о единстве ранее уже познанных противоположностей (в их абстрактном виде).

Разумеется, приведение противоположностей к их единству не имеет ничего общего с эклектическим складыванием в кучу ранее сложившихся односторонних представлений о каждой из обеих противоположностей. Переход от прежних односторонних, абстрактных представлений об отдельных противоположностях, взятых нередко не только в изоляции друг от друга, но и в их абсолютном противопоставлении друг другу, как якобы нацело перечеркивающих одна другую, есть переход диалектический: он связан часто с коренной критической переработкой прежних односторонних концепций, абстрактных воззрений, с выработкой принципиально новой, диалектической по своему существу, концепции, качественно нового воззрения, в котором в корне преодолеваются односторонность и огрубленность прежних взглядов, основу ко-

¹ См. Д. И. Менделеев. Избранные сочинения, т. 2. М., 1934, стр. 206.

торых составляла та или другая противоположность, взятая сама по себе, в отрыве от другой противоположности.

Раскрытие единства противоположностей означает приведение их в такую глубокую, органическую, нераздельную взаимосвязь, когда обе противоположности становятся подвижными (негативными) по отношению друг к другу, способными проникать друг в друга и ускользают от каких-либо жестких разграничений. Только диалектика оказывается в силах отразить эту подвижность и негативность противоположностей, образующих их живое единство.

Ленинский фрагмент «К вопросу о диалектике» начинается именно с раскрытия противоречивости путей познания самого противоречия: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей... есть *суть*... диалектики»¹.

Эту *суть* диалектики, ее ядро В. И. Ленин и рекомендовал проверить историей науки. Детальное изучение с этой стороны истории физики, химии и биологии, как и всего естествознания, неоспоримо свидетельствует о верности ленинских положений, касающихся сути (или ядра) диалектики. Основной целью коллективного труда «О противоречиях в развитии естествознания» (1965) ставилась именно такая проверка сути диалектики (ее ядра) историей науки. Результат проведенного исследования полностью подтвердил сказанное выше относительно противоречия познания и познания противоречия.

Об аналитической ступени в развитии науки. Споры и дискуссии в области марксистско-ле-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 316.

нинской философии бывают существенно различного характера: иногда спорящие между собой стороны занимают противоположные позиции, а потому нахождение точек соприкосновения между ними оказывается весьма затруднительным. Таков, например, спор о том, существует ли одна логика в качестве особой науки, и тогда в качестве таковой признается лишь современная формальная, или математическая, логика (как это утверждают некоторые ее сторонники) или же признается также и диалектическая логика (как на этом настаивают представители марксистской диалектики). Попытки найти нечто среднее между этими позициями, придумать некую «гибридную» логику, эклектически соединяющую в себе обе логики — формальную и диалектическую, — ничего, кроме путаницы, на наш взгляд, внести не могут.

Точно так же спор о предмете марксистской философии, о предмете материалистической диалектики выявил крайние позиции: с одной стороны, это признание, что ее предметом служат «мир в целом», «бытие», общие законы природы и общества, без всякого упоминания о мышлении, а с другой стороны — признание, что ее предмет составляют наиболее общие законы всякого движения, всякого развития, совершающегося в природе, обществе и мышлении, и соответственно этому общие законы мышления, отражающего внешний мир (природу и общество).

В первом случае имеет место, так сказать, «онтологический» подход к вопросу, во втором — тот, который дан в трудах Ф. Энгельса и В. И. Ленина. И опять-таки между обеими позициями нет и не может быть ничего среднего, что соединяло бы вместе «онтологическую»

(неверную) и научную трактовку данного вопроса. Когда же делаются попытки эклектически смешать обе эти трактовки предмета марксистской философии, марксистской диалектики, то из этого в итоге опять-таки ничего, кроме путаницы, не получается.

Во всех аналогичных случаях споры и дискуссии неизбежно завершаются отвержением неверных воззрений, идущих вразрез с подлинной наукой, а также всякого рода эклектических попыток найти нечто среднее, якобы примиряющее крайние позиции.

Но иногда спорящие между собой стороны занимают в основном одинаковые позиции по тем вопросам, которые поставлены на обсуждение. Разногласия же касаются прежде всего толкования тех или иных сторон обсуждаемых положений и понимания способов их дальнейшей разработки. Но от этого споры и дискуссии не становятся менее интересными и менее острыми. Напротив, они приобретают более целенаправленный и, я бы сказал, более конструктивный характер, нежели дискуссии первого рода, так как речь идет в данном случае о выработке конкретных предложений, касающихся дальнейших путей развития марксистской философии.

Вот почему я с особой радостью готов обсудить с участниками данного «круглого стола» некоторые вопросы, относящиеся к теме «Противоречивость познания и познание противоречия». В частности, я имею в виду *Э. В. Ильенкова* и *З. М. Оруджева*, взгляды которых по многим принципиальным вопросам мне весьма импонируют. Однако сейчас я хочу остановиться на некоторых разногласиях, которые, как мне кажется, обнаружились у нас с *Э. В. Ильенко-*

вым по вопросу о характеристике общих путей познания, или, говоря точнее, о том, существует или нет особая аналитическая стадия в развитии науки.

Насколько я могу понять *Э. В. Ильенкова*, он отрицает наличие в развитии науки особой подготовительной стадии анализа, за которой следует переход к высшей стадии, где синтез диалектически соединяется и переплетается с анализом.

Характеризуя научный метод *К. Маркса*, *Э. В. Ильенков* пишет, что в способе восхождения от абстрактного к конкретному находят диалектическое единство такие «противоположности», как анализ и синтез, которые логика эмпиризма зафиксировала в их абстрактной противоположности друг к другу и потому превратила в безжизненные схемы. «Дело вовсе не обстоит так, — продолжает *Э. В. Ильенков*, — будто в научном мышлении сначала осуществляется анализ (и индукция), а уже потом начинается стадия синтеза и дедукции... Это чистейшая фантазия, отражающая, впрочем, историко-эмпирическую видимость, возникающую на поверхности познавательного процесса. Это лишь психологически оправдываемая схема»¹.

Из этих слов как будто вытекает, что в реальной истории науки анализ не предшествовал синтезу (точнее, синтезу, опирающемуся на анализ). Из дальнейших рассуждений *Э. В. Ильенкова* становится очевидным, что именно к такому умозаключению приходит автор. Он про-

¹ «История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа», М., 1971, стр. 256.

должает характеристику научного метода: «Анализ при этом совпадает с синтезом, вернее, совершается через него, через свою собственную противоположность, в каждом отдельном акте мышления (осмысливания). Анализ и синтез не протекают изолированно друг от друга, как это всегда получается при односторонне формальном понимании процесса теоретического мышления («сначала анализ — а потом синтез»). Ибо части целого (его абстрактные моменты) выделяются путем анализа именно в той объективно обоснованной последовательности, которая выражает их генетически прослеживаемую связь, их сцепление между собой, т. е. их синтетическое единство, и каждый акт анализа непосредственно представляет собой шаг по пути синтеза — по пути выявления связи между частями целого. Анализ и синтез (как и индукция и дедукция) не два разных, распадающихся во времени акта, а один и тот же акт мышления в своих внутренне неразрывных аспектах»¹.

Но ведь хорошо известно из истории науки, что, прежде чем начать синтезировать, т. е. связывать воедино разъединенные ранее части целого, ученые сначала довольно долго, многими десятилетиями, а то и веками, учились правильно анализировать вещи и явления, т. е. развязывать связанное, разделять, разлагать целое на его части, вычленять отдельные стороны из предмета исследования. Выходит, значит, что формула «сначала анализ — а потом синтез» не лишена в какой-то степени исторического и логического оправдания и ее нельзя так легко и просто сбрасывать со счетов, словно история

¹ «История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа», стр. 261.

науки всегда, во всех случаях свидетельствует лишь об «односторонне формальном понимании» данной проблемы.

Между тем *Э. В. Ильенков* подводит под свое отрицательное отношение к формуле «сначала анализ — а потом синтез» определенную логическую и гносеологическую базу. Он утверждает: «В науке дело ведь не обстоит так (хотя такое очень часто и случается), будто мы сначала бездумно аналитически разлагаем целое, а потом стараемся опять собрать исходное целое из этих разрозненных частей; такой способ «анализа» и последующего «синтеза» больше подобает ребенку, ломающему игрушку без надежды снова «сделать как было», чем теоретику.

Теоретический анализ с самого начала производится с осторожностью — чтобы не разорвать связи между отдельными элементами исследуемого целого, а, как раз наоборот, выявить их, проследить. Неосторожный же анализ (утративший образ целого как свою исходную предпосылку и цель) всегда рискует разрознить предмет на такие составные части, которые для этого целого совершенно неспецифичны и из которых поэтому снова собрать целое невозможно, так же как невозможно, разрезав тело на куски, снова склеить их в живое тело»¹.

Я согласен полностью с *Э. В. Ильенковым* в том отношении, что на стадии высшего синтеза (но лишь на этой высшей стадии научного познания) анализ действительно становится нераздельным с синтезом и осуществляется при мысленном удержании исходного предмета в

¹ «История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа», стр. 261—262.

его целостности, как «внутренне расчлененное целое...»¹.

Но так было в науке далеко не всегда. Теоретическое мышление каждой эпохи представляет собой, по словам Ф. Энгельса, «исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание»². Это касается и способности мышления осуществлять приемы анализа и синтеза. Способность осуществлять высший научный синтез, которая проявляется в процессе восхождения от абстрактного к конкретному, выработалась примерно к середине XIX в., причем проявляется она по-разному в различных отраслях научного знания, в зависимости прежде всего от степени их развития и от специфики предмета каждой из них.

Для того, чтобы такая способность к высшему синтезу в науке могла выработаться, потребовалось длительное время, в течение которого наука развивалась в рамках применения одного лишь или преимущественно одного метода анализа. Без этого невозможно было бы для мышления подняться на высшую ступень синтеза, осуществляемого в диалектическом единстве с анализом.

Задумаемся глубже над этим вопросом. Ведь синтез есть соединение частей, которые перед тем были выделены, вычленены, извлечены из целого (исследуемого предмета). Чтобы научиться их соединять снова между собой, причем соединять правильно, в соответствии с тем, как они соединяются реально в самом изучаемом

¹ «История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа», стр. 261.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 366.

предмете, нужно прежде всего научиться правильно выделять, вычленять, извлекать эти части из целого, которое они и составляют в своей совокупности.

А как же убедиться в том, что подобное их извлечение, или выделение, произведено правильно? Для этого в распоряжении науки имеется только один-единственный способ, только один-единственный путь: синтез, т. е. обратное восстановление исходного предмета из его частей. Если это удалось сделать, значит, анализ был проведен правильно.

Сошлюсь в качестве примера на химию. В средние века, в течение более тысячелетия, химия стояла на ступени алхимии. За составные части всех тел алхимики принимали отдельные свойства тел, которые были овеществлены, превращены в особые «субстанции» или «начала». Так, свойство горючести было превращено в «начало горючести» («серу», или «сульфур»), а свойство летучести — «в начало летучести» («ртуть», или «меркурий»). В эпоху Возрождения к этим двум «началам» ятрохимии присоединили третье — «начало растворимости» («соль»). Так возникло учение о трех «началах» (*tria prima*); оно гласило, что все тела обязательно состоят из названных трех «начал», и это «доказывалось» ссылкой на прямые опытные данные. Например, горение дерева трактовалось тогда как разложение тела, как его распад на свои составные части под воздействием огня в качестве «универсального анализатора» тел: пламя — это «сера», дым — это «ртуть», зола, оставшаяся после сгорания дерева, — это «соль». Значит, считалось «доказанным», что дерево состоит из названных трех «начал».

Такой взгляд опроверг Р. Бойль в 1661 г.; в своем «Химике-скептике» он писал, в частности, что если бы дерево действительно состояло из указанных трех «начал», то после его сгорания его можно было бы получить обратно в исходном виде путем воссоединения вместе пламени («серы»), дыма («ртути») и золы («соли»). Но этого никому не удалось добиться. На этом основании Бойль отвергал вывод, будто бы дерево состоит из «серы», «ртути» и «соли». Он писал, что только тогда можно говорить, что тело *A* входит в состав тела *B* в качестве его составной части, когда мы сумели его действительно ввести обратно в состав тела *B* после того, как выделили его из тела *B*. Все это означает, что для Бойля синтез служил проверочным критерием правильности проведенного перед тем химического анализа. Значит, здесь реально, в истории самой химической науки шел «сначала анализ — а потом синтез» в качестве проверочной операции. Вот почему, говоря, правда, о позднейшей химии, Ф. Энгельс писал: «Химия, в которой преобладающей формой исследования является *анализ*, ничего не стоит без его противоположности — *синтеза*»¹.

Но тем не менее период господства односторонне развитого анализа был научным, а именно первым периодом в истории собственно научного знания, в том числе и в истории естествознания. Если обратиться опять к химии, то первый период ее развития определится временем с момента начала превращения ее в науку Р. Бойлем до момента завершения этого процесса химиками Дж. Пристли и А. Лавуазье в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 542.

конце XVIII в. Весь этот полуторавековой отрезок времени был периодом аналитической химии; химический синтез не получил тогда еще заметного и самостоятельного развития и находился целиком в подчиненном положении по отношению к химическому анализу.

В конце отмеченного первого периода в истории химии были установлены действительные химические элементы, из соединения которых образуются и могут быть получены сложные вещества, как об этом писал Р. Бойль. Само понятие химического элемента как чисто аналитическое (как выражающее предел химического разложения сложных веществ) было приведено в соответствие с реальными химическими элементами.

На такой предварительной основе в XIX в. стало возможным дальнейшее движение химии вперед от односторонне аналитической стадии к теоретическому и экспериментальному синтезу. С этого момента и особенно в XX в. анализ в химии стал приобретать все более подчиненное значение по отношению к синтезу, хотя при вступлении в новые области исследования при всех обстоятельствах всегда сначала необходимо по-прежнему проведение химического анализа нового неизвестного еще вещества с целью выяснения его химического состава, а затем и его строения. Только после этого становится возможной постановка задач собственно синтетического характера.

Таким образом, задачи по преимуществу аналитического характера могут возникать в определенных областях современной науки в качестве подготовительной ступени к решению более сложных задач высшего синтеза. Однако

чисто аналитических исследований сегодня, как правило, уже не бывает, так как всякое такое исследование в современных условиях оказывается прямо или косвенно связанным с выполнением исследований синтетического характера.

Если рассматривать вопрос в историко-научном аспекте, то следует признать, что в течение определенного, достаточно продолжительного времени в развитии ряда наук четко выделяется в качестве первого их периода период аналитических исследований, который служит предпосылкой — исторической и логической — для возможности вступления в более развитый период, когда господствующим способом становится синтез в его диалектическом единстве с подготовившим этот синтез и продолжающим его готовить анализом. Поэтому, повторяю, формула «сначала анализ — а потом синтез» вовсе не представляется мне такой нелепой и упрощающей суть дела, а тем более «чистейшей фантазией», как это рисуется *Э. В. Ильенкову*.

Речь идет не только о химии. Биологическая наука начиналась также с разработки и внедрения аналитических приемов в изучение живой природы как в смысле развития анатомии растений, животных и человека, так и в смысле раздробления всего растительного и животного мира на определенные классы (отряды, семейства, роды, виды и т. д.). Весь процесс систематизации живых тел природы, равно как и неживых ее тел (горных пород, минералов, кристаллов), носил по первоначальному, до возникновения эволюционных теорий, сугубо аналитический, формальный характер.

Но эта формальная классификация, основанная на принципе резкого обособления различ-

ных классов изучаемых предметов природы друг от друга, а следовательно, на принципе анализа природы и ее явлений, и здесь оказывалась необходимой предпосылкой для позднейшего синтетического взгляда на природу, для признания всеобщей связи всех ее тел и явлений, их развития. Как во всех других случаях, так и здесь анализ, возникший сначала в науке, прокладывал потом путь к синтезу, а затем становился сам подчиненным моментом по отношению к синтезу.

В связи с этим я напомним известные слова Ф. Энгельса из «Анти-Дюринга». Говоря об общей картине явлений мира, Энгельс подчеркивал, что ее познание невозможно без знания тех частных, из которых она складывается. Но «чтобы познавать эти частности, мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности...»¹

Другими словами, чтобы познать целое, нужно познать части, из которых образовано это целое, а для этого нужно само это целое разрушить, что и достигается посредством анализа. «В этом состоит прежде всего задача естествознания и исторического исследования... Разложение природы на ее отдельные части, разделение различных процессов и предметов природы на определенные классы, исследование внутреннего строения органических тел по их многообразным анатомическим формам — все это было основным условием тех исполинских успехов, которые были достигнуты в области познания природы за последние четыреста лет»².

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 20.

² Там же.

Если так, то наличие аналитической стадии в развитии науки (а Ф. Энгельс говорит не только о естествознании, но в равной мере и об историческом исследовании) не выглядит уже столь мало оправданным событием, как это получается у *Э. В. Ильенкова*. Тем более странно звучит его ирония при уподоблении анализа ребенку, ломающему игрушку без надежды снова «сделать как было», что, дескать, не к лицу теоретику. Интересно было бы узнать, как мог бы игрушечных дел мастер смастерить заводную игрушку по известному образцу, если бы он не разобрал перед этим до последнего винтика попавший ему в руки образец? И не разобрал бы именно для того, чтобы потом собрать игрушку до конца, воссоединив снова все ее части вместе, т. е. «сделать как было»?

Здесь мы видим, что анализ есть действительно отрицание изучаемого предмета в его исходной целостности, но такое отрицание, которое, будучи диалектическим, представляет собой необходимый момент развития вещей, момент связи во времени различных стадий одной и той же развивающейся вещи. Такой научный анализ, как диалектическое отрицание, коренным образом отличается от простого разрушения, растаптывания, уничтожения целого, о чем пишет *Э. В. Ильенков*, приводя пример ребенка, ломающего игрушку, или того, кто попросту разрезает тело на куски, из которых невозможно «снова склеить их в живое тело».

Но спрашивается: разве это анализ? разве это не типичный пример метафизического отрицания, которое нацело прерывает начатый процесс развития, не давая ему возможности подняться на следующую, более высокую ступень?

Я имею в виду в данном случае процесс развития человеческого познания, развития науки, которая осуществляет анализ диалектически, так, что анализ подготавливает собой и делает возможным переход к синтезу в его единстве с анализом. В этом случае синтез выступает как второе отрицание (или отрицание отрицания) в данном процессе развития, возвращающее нас к познаваемому предмету в его исходной целостности и конкретности, но обогащенное всем, что дал предшествующий анализ, выступающий как первое отрицание.

Этот вопрос освещен, и, на мой взгляд, освещен правильно, в той же книге по истории марксистской диалектики, где помещена написанная *Э. В. Ильенковым* глава, с некоторыми положениями которой я выразил свое несогласие. Главу же об отрицании отрицания в этой книге написал *З. М. Оруджев*, который также является одним из участников нашего «круглого стола». В разделе «Отрицание отрицания как разрешающая форма движения противоречия и его конкретный результат» своей главы *З. М. Оруджев* излагает известную характеристику данного закона, согласно которой совершается переход от первоначального тезиса к антитезису, а это затем ведет к синтезу того и другого, как отрицанию отрицания¹.

При этом совершенно очевидно, во-первых, что тезис и антитезис выступают как аналитически отчлененные друг от друга, более того, как противопоставленные друг другу до тех пор, пока они не будут охвачены воедино последующим синтезом, а во-вторых, что здесь

¹ См. «История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа», стр. 223.

четко выявляется строгая последовательность, при которой первое отрицание (анализ) строго отделено и предпослано второму отрицанию (синтезу), выступающему как отрицание отрицания. Предыдущий раздел своей главы *З. М. Оруджев* заканчивает следующим рассуждением по поводу известных положений К. Маркса: «Здесь видна следующая схема применения рассматриваемого закона. Поскольку отрицание отрицания есть конкретный результат противоречивого развития предмета или явления, то он представляет собой синтез двух ступеней предыдущего развития. Что из предыдущих ступеней развития синтезируется — это можно предвидеть, ибо первая стадия (тезис) уже пройдена, а вторая (антитезис) достигла своего развитого состояния. Как осуществляется этот конкретный синтез, заранее предугадать нельзя. Это можно увидеть уже только в самой реальности»¹.

Итак, в одном месте книги один автор (*З. М. Оруджев*), по сути дела, признал, что синтезу предшествует стадия расчленения и противопоставления (следовательно, анализ) сторон изучаемого предмета, а в другом месте той же книги другой автор (*Э. В. Ильенков*) отверг подобный взгляд, объявив его тождественным наивному мнению ребенка, ломающего игрушку. Оба автора ссылаются на К. Маркса и его научный метод и дают его методу свою философскую интерпретацию.

Но вопрос становится более ясным и кажущееся противоречие устраняется, если ту харак-

¹ «История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа», стр. 222.

теристику взаимоотношения между анализом и синтезом, которую дает Э. В. Ильенков, связать лишь со стадией развитого синтеза, когда анализ приобрел уже подчиненное положение по отношению к синтезу. Это будет соответствовать в изложении данной проблемы З. М. Оруджев^{ым} тому, как если бы мы задались вопросом: а как происходит дальнейшее диалектическое отрицание на стадии уже достигнутого и уже осуществляющегося отрицания отрицания?

Для того чтобы не оставить какой-либо неясности в отношении своих собственных взглядов по данному вопросу, мне хотелось бы сформулировать главную мысль о том, что к самому понятию анализа необходим исторический подход. Другими словами, необходимо выяснить: в каких конкретных условиях применяется анализ, получил ли он уже достаточно полное развитие или находится еще в зародышевой стадии, а главное — какой степени своего развития достигла в данный момент его противоположность — синтез?

Для того чтобы хотя бы схематически, кратко представить различные фазы развития научного (и преднаучного) познания, я обозначу заглавными буквами развитые формы анализа A и синтеза S , а строчными буквами a и s соответственно их зародышевые формы. В скобки я буду заключать то, что находится в подчиненном положении к стоящему вне скобок и доминирующему на данном этапе, в данных условиях познавательному приему. В таком случае образуется следующий последовательный ряд эволюции анализа в его соотношении с синтезом в развитии научного (и преднаучного) познания:

$$a \rightarrow A(s) \rightarrow A + S \rightarrow S(A).$$

Здесь стрелка указывает переход от более низкой ступени познания к более высокой; стадия a отвечает преднаучной фазе познания; стадия $A(s)$ — развитому анализу, результаты которого контролируются зародышевым синтезом, что соответствует возникновению собственно научного познания; стадия $A+S$ — развитым анализу и синтезу, которые пока еще сосуществуют друг с другом, поскольку синтез уже вышел из прежнего подчинения анализу, но не успел еще подчинить себе этот анализ; наконец, стадия $S(A)$ — высшему синтезу, подчинившему себе анализ и выступающему в диалектическом единстве с ним.

Повторяю, это только схема, но она довольно хорошо показывает, как совершается в развитии науки переход от зачаточной формы анализа a до высшего синтеза $S(A)$, причем эта схема позволяет понять внутренний «механизм» действия отрицания и отрицания отрицания в ходе исторического движения человеческого познания. История химии позволяет заполнить эту схему конкретным историко-научным содержанием. В частности, стадия a в таком случае будет представлена алхимией и ятрохимией; стадия $A(s)$ — аналитической химией от Бойля до Лавуазье; стадия $A+S$ — химической атомистикой от Дальтона до Кекуле; стадия $S(A)$ — химией, начиная от Бутлерова и Менделеева, но особенно современной химией.

Я нарочно выбрал высказывания двух авторов, Э. В. Ильенкова и З. М. Оруджева, так как оба они являются участниками нашего «круглого стола» и приведенные мною высказывания прямо касаются вопроса о противоречивости познания и познании противоречия.

КАТЕГОРИЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ЕЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ

Г. С. Батищев

Самая очевидная функция критики состоит в том, что в ходе критического процесса выявляется ложность определенных представлений. Тем самым критика помогает уберечься от опасности впасть в заблуждения, присущие критикуемым взглядам. Правда, нельзя не помнить и о том, что никакие, даже самые блестящие, успехи в опровержении иных концепций в научном споре не дают одержавшему победу оппоненту какой-либо гарантии избавления от собственных настоящих или будущих заблуждений. Однако у критики есть и другие, менее очевидные и в то же время более существенные функции — творчески-поисковые, специфически исследовательские. Собственно диалектическое понимание места и роли критики в познании, да и вообще в духовной культуре отличается как раз тем, что оно четко выявляет и связывает с идеей содержательного противоречия именно творчески-поисковые функции критического процесса, благодаря которым происходит обогащение и углубление позиции самого критикуемого субъекта. Дело в том, что существует достаточно обширный класс проблем, решения по которым не находятся посредством только чисто позитивного исследования, без обращения

к критике. Тогда-то именно критика и может способствовать отысканию пути к истине, опираясь на анализ исторического опыта конфликтных взаимодействий между различными концептуальными тенденциями.

В истории диалектической мысли наблюдается ряд преемственно наследующих друг другу попыток ассимилировать поисковые функции критики сначала в составе диалогически организуемого размышления, затем внутри целостной и систематически построенной теории. Диалектическая мысль неотступно стремилась проникнуть в объективные основания, благодаря которым полемически конфликтующие точки зрения становятся необходимыми как предваряющие собой некую синтезирующую и снимающую их в себе более развитую идею. Но этот процесс мог быть плодотворным лишь в том случае, когда за противоречиями, формулируемыми в процессе критики, открывались и действительные, объективные противоречия.

Когда сегодня обсуждается проблематика, концентрирующаяся вокруг категории противоречия, причем подразумевается достигнутым и освоенным тот способ постановки проблемы, который свойствен марксистской концепции противоречия, уместно поставить вопрос: правомерно ли видеть в ориентации на анализ объективных противоречий в составе сложнорасчлененных систем теоретического знания нечто такое, что лишает почвы и делает ненужным взаимно критическое взаимодействие *между* такими системами? Иначе говоря, может ли поисковая функция критического процесса быть *полностью* ассимилирована в способе построения теории и превратиться в исключительно

внутреннее дело для теории? Или же, напротив, диалектика построения теории всегда будет лишь неполным выражением той более богатой диалектики, которая, опираясь на освоение природы и творчество истории, разворачивается как представленная в *социальном* (полисубъектном) характере человеческого познания (и не только познания, а и всей культуры)? И отсюда, следовательно, изображение объективных противоречий в теории должно быть ориентировано не на некое окончательное их исчерпание внутри самой системы знания, а на то, чтобы придать различным теориям внутреннюю способность положительно участвовать в никогда не прекращающемся и непрерывном процессе их взаимодействия.

Если верен этот тезис о полисубъектном характере познания, в противовес той моносубъектности, которая, например, в гегелевском панлогизме есть следствие того, что все атрибуты подлинной субъектности приписываются лишь одному единственному Субъекту — тому, который есть Субстанция, или Абсолют, — если, далее, верно, что противоречия существуют внутри теоретических систем и присутствуют во взаимодействии между ними, то все это относится также и к теории диалектики, в частности к концепции противоречия. Более того, это крайне существенно, как будет показано в последующем изложении, для раскрытия и осуществления мировоззренческой функции категории противоречия. Противоречие не может оставаться только тем, *относительно чего* теоретизируют, оно должно само присутствовать во всех реальных отношениях человека, пронизывать его сущность, пропитывать его духовность.

Когда говорят, что противоречие есть категория, тогда в марксистской диалектике подразумевают, что она есть органический сплав всеобщего и особенного, онтологического («закон объективного мира») и гносеологического («закон познания»). Другими словами, при этом подразумевают, что категорию противоречия нельзя свести *либо* только к онтологическому образу, *либо* только к специфически гносеологическому феномену, не имеющему объектно-содержательного наполнения и смысла. Однако совершимо ли снятие онтологизма и гносеологизма в диалектической логике как однажды — раз и навсегда — выполненный акт? Удастся ли препроводить эти односторонние концептуальные тенденции в исторический архив? Или это снятие вновь и вновь ставится на повестку дня, поскольку воспроизводится социально-гносеологическая почва для этих тенденций, а значит, и сами они, хотя и в модифицированном виде?

Диалектика противоречий, содержательно разрешаемых и содержательно воспроизводимых, противостоит, с одной стороны, узкорационалистическому воззрению, которое стремится к беспроблемному порядку, к установлению завершенной рассудочной правильности и унифицированной простоты в логике мира, с другой — иррационалистическому по своей тенденции воззрению, которое отвергает всякую гармонию и всякий порядок, не признает разрешимости проблем-антиномий и берет диалектику лишь в ее негативистской проекции, лишь как отрицательную диалектику. Первое воззрение из концепции единства и борьбы противоположностей берет лишь такие «противоположности», которые рассматриваются как сосуществующие без

противоречий, без антиномий, просто как крайние стороны *отношения полярности*. Таков *поляризм*. Второе воззрение согласно с диалектикой противоречий лишь в том, что всякое содержание внутри себя антиномично, при этом из идей противоречия берется только утверждение антиномий, представленных вне их разрешения и даже как неразрешимые принципиально. Таков *антиномизм*.

Когда мы подходим к проблематике диалектического противоречия только с точки зрения уже отодвинутого в прошлое историко-философского процесса, то поляризм и антиномизм предстают как исторически необходимые ступени и вместе с тем как концептуальные предпосылки, положительная роль которых исчерпывается тем, что они *сняты* в марксистской концепции противоречия. Однако это, казалось бы, окончательно выполненное снятие сегодня вновь и вновь становится актуальной задачей, во-первых, в ходе изучения философии, во-вторых, в творческих дискуссиях, посредством взаимной критики различных точек зрения по этой проблематике. В ходе изучения философии указанное снятие оказывается необходимым по той причине, что полноценное освоение и основательное критическое преодоление концепций-предшественниц навсегда остается надежным внутренним содержанием марксистской концепции. В творческих дискуссиях подобное снятие предстает как требующая новых решений задача благодаря тому, что действительные трудности и некоторые специфические особенности развития научного познания создают почву для воспроизведения если не «классического», старого поляризма или антиномизма, то некоторых

их аналогов или модификаций. При этом нередко обнаруживается, что аргументация, которой было достаточно для критического преодоления старых концепций поляризма и антиномизма, не может служить целям успешной критики их новейших модификаций. Более того, посредством выдвижения идей, аналогичных поляризму или антиномизму, сегодня могут формулироваться новые проблемы, значимые для развития самой диалектической логики.

Марксистская теория диалектики предлагает обоснованную анализом огромного исторического опыта всеобщую форму для всякого проблемного содержания — *универсальную форму проблемности*. Такова, как известно, именно категория противоречия. Однако эта форма не может сама по себе обрести статус в «стихийной» повседневности познавательной деятельности, подобно формам научного «здравого смысла». Не существует никакого автоматизма, который бы своим действием гарантировал торжество этой формы в человеческом мышлении. Более того, в развитии научного познания существуют такие факторы, которые весьма затрудняют адекватное осознание и сознательное овладение категорией противоречия. Эта категория хотя и пролагает себе путь в судьбах познания и культуры вообще, но подчас заслоняется от сознания обманчивыми и трудно осмысливаемыми *превращенными* формами проявления. Однако и в настоящий момент было бы ошибкой предполагать, что факторы, затрудняющие освоение и развитие категории противоречия, могут отмереть сами собой, независимо от положительной работы, направленной на их последовательное преодоление.

Поэтому необходимо теснейшим образом связать положительную разработку марксистской концепции категории противоречия с задачей критической — с критикой новейших модификаций поляристских и антиномистских тенденций. Обоснованность самого ответа на вопрос, что такое противоречие, оказывается *зависимой* от обоснованности и успеха в критике указанных тенденций. Это особенно существенно для раскрытия мировоззренческой функции категории противоречия. Овладевая этой категорией, субъект принимает ориентацию на познавательную и — шире — общекультурную *самокритичность*. Благодаря ей *конкретный историзм* имеет силу не только во всех сферах применения диалектической логики, а и в построении самой этой логики. Ибо такая логика может быть только открыто-творческой, а не раз и навсегда закрытой системой (логикой субстанциализма). Для нее нет и быть не может такого содержания — будь оно единичное, особенное или всеобщее, — которое бы было лишено проблемности. Никакое знание, никакая нравственность, никакая художественность не могут притязать на завершенность. Не могут притязать именно потому, что всякое действительное обретение, как бы оно ни возвышалось над обретениями другими или прежними, не только не знаменует собой достижения некоего «конечного пункта», но и гораздо сильнее вызывает к новому творчеству, вызывает не чем иным, как своими противоречиями.

Противоречие как центральная категория всей логики диалектико-материалистического мировоззрения только тогда поистине освоено субъектом, когда оно пронизывает собою, опре-

деляет и ориентирует все действительные отношения человека к миру. Это значит, что освоенное противоречие — это для него не просто знание о том, что мир всегда полон объективных противоречий, не просто способ, с помощью которого человек может так или иначе «считаться» с существованием противоречий вне его собственной сущности и только, но внутренне необходимый способ быть субъектом, быть человеческой личностью, посвятившей себя прогрессу.

Из сказанного понятно и то, что полнота мировоззренческой функции требует, чтобы категория противоречия (и, вероятно, не только эта категория диалектики) была целостно синтезирующей в себе познавательную культуру с нравственной и художественной, т. е. чтобы в ней было осуществлено взаимопроникновение этих трех сторон духовной культуры.

Представляются желательными следующие четыре предпосылки, или четыре предварительных условия, которые могли бы послужить, если будут приняты, сужению предметного поля дискуссии и вместе с тем дали бы своего рода возможную шкалу для измерения степени сближения или несближения различных точек зрения, соответственно тому, какая часть предлагаемых предпосылок принимается тем или иным участником дискуссии:

1. Если мы хотим обсуждать противоречие именно как философскую *диалектическую категорию*, то всякий приводимый аргумент должен быть философским, опирающимся на теорию диалектики или отвечающим ее духу. Аргументы, почерпываемые из какой-либо частной науки, подлежат либо философскому переосмысле-

нию, либо остаются не более чем материалом. Нельзя признать оправданным простое перенесение критериев из какой бы то ни было специально-научной области в диалектику и приписывание им значения критериев философских. Такова предпосылка *суверенности* диалектики внутри теории диалектики.

2. Если мы хотим обсуждать противоречие как выступающее в познании в качестве общественно-содержательной категориальной формы, то мы должны брать противоречие не в эмпирическом, а только в *теоретическом* контексте, т. е. не как некие произвольно взятые фрагменты знания безотносительно к теоретическим системам, а как принадлежащие именно содержательным теоретическим системам. Формальные языковые системы являются для диалектики тем же, что и эмпирический уровень, — лишь потенциальным материалом, подлежащим теоретическому осмыслению. Такова предпосылка *содержательной теоретичности*.

3. Если мы хотим обсуждать противоречие как присутствующее в знании и явно формулируемое, а не просто имеющееся в виду, то мы должны брать его в контексте только таких содержательных систем, в которых способ изложения включает в себя также и изображение логически очищенного способа исследования, т. е. того закономерного пути, на котором все понятия предстают шаг за шагом вырабатываемые субъектом, т. е. в их становлении, в их генезисе. Когда же способ изложения исключает генезис понятий, тогда в статизированном, так называемом готовом, знании не остается соответствующего места для сформулированных и в то же время не разрушающих структуру гото-

вого знания противоречий. Противоречиям нужен контекст знания как процесса. Такова предпосылка *процессирования*, или знания-процесса.

4. Если мы хотим обсуждать противоречие в его активной функции внутри познавательного процесса (и вообще в духовной культуре), то мы должны усмотреть необходимую взаимную связь между противоречием в его неразрешенной форме — в форме антиномии — и результатом разрешения противоречия посредством синтеза. Только при *обоюдной* связи между *истинностью антиномии* и *истинностью синтеза* противоречие как живое целое, как процесс выполняет свои функции. Когда же антиномия предстает лишь как достояние ложной теории, как, следовательно, *ложная антиномия*, тогда задача состоит в том, чтобы суметь разыскать за этой ложной антиномией ее истинную формулировку, т. е. освободить ее из плена заблуждения и очистить от всего того, что делает ее ложной. При совершении такой работы, конечно, может обнаружиться, что реконструированный путь к новой истине существенно отличается от суммы своих эмпирических проявлений. Но таково и есть требование логики историзма. Такова предпосылка *единства логического и исторического*.

Можно предполагать, что не все эти предпосылки покажутся приемлемыми для каждого участника дискуссии. Однако даже и в случаях их неприятия хотелось бы надеяться на то, что они пригодятся в ходе сопоставления точек зрения.

Перейдем теперь непосредственно к анализу поляризма и антиномизма. Поскольку цель та-

кого анализа здесь исключительно логико-проблемная, а не историко-философская, постольку предметом рассмотрения явится не совокупность исторически реальных модификаций поляризма и антиномизма, а *условные теоретические модели*, достаточно абстрактные и тем самым дающие нам в чистом виде нужные логические альтернативы. Иллюстрирующие примеры будут привлекаться только для того, чтобы выделить *крайние* случаи, обнажающие природу искомым логических альтернатив. От всего остального мы позволим себе отвлечься.

Прежде всего поставим такой вопрос: при каком отношении субъекта к знанию или при ориентации на какую природу знания возникает и воспроизводится почва для того, чтобы настоящие диалектические противоречия из познания «исчезли» и остались одни лишь поляриности? Это происходит тогда, когда мир знания предстает как самостоятельный, существующий вне познавательной деятельности, как мир знания не просто опредмеченного, но еще и овеществленного¹. С такой точки зрения, т. е. с позиции овеществленного существования результатов человеческой деятельности, схематическая формула развития познания такова:

Фонд готового
знания, доступ-
ного для ис-
пользования

Использование
научно-позна-
вательной ра-
бочей силы →

Конечный ове-
ществленный
адресат: по-
полнение фон-
да используе-
мого знания

¹ В данном тексте сохранен неудачный термин «овеществление». Вместо него следовало бы применять термин «овещнение». — См. «Проблемы теории культуры». М., 1977, стр. 93—96.

В сокращенном виде этой формуле можно придать следующий вид: *знание* → *субъект как средство* → *знание*.

Присмотримся к тому, каков специфический характер воплощения знания при этой ориентации, к тому, что здесь составляет конечный результат познавательной деятельности, или форму его бытия в качестве так называемого готового знания. Здесь важна форма *используемости* знания, форма его доступности для какого угодно применения *безотносительно* к саморазвитию субъективных сущностных сил. Все практически-действенное и созидательно-преобразовательное значение знания для человека сводится в этом случае к одной утилитарной приложимости, к объектно-вещной применимости знания. И поэтому знание обретает здесь форму, безразличную к тому, будет ли пытаться какой-либо субъект распределить таящиеся в знании понятийные смыслы в их движении, в их диалектической противоречивости. Это знание, по сути дела, адресовано не субъекту, а миру объектов, который берется внесубъектно и бессубъектно. Тот человек, который использует готовое знание, может, помимо акта утилизации, заняться еще и распределением. Он может, если того захочет, вникнуть в те процессы, которые необходимо воспроизвести, чтобы подняться до уровня творца и открывателя. А может и не вникать. Он может присвоить себе знание просто как информацию, может подняться до понимания, до убеждения — все это его собственное, так сказать, личное дело. Форма готового знания этому служить не призвана и к этому не направлена.

Овеществленная форма тем и отличается, что в ней не представлены и не должны быть представлены те содержательные процессы, в которых предмет знания шаг за шагом последовательно *развернут* познавательной деятельностью и изображен именно *деятельностным* движением, его перерабатывающим, его реконструирующим в понятиях. Вместо знания-процесса, удерживающего внутри себя все возникающие в нем результаты, мы имеем здесь знание-результат, оторванный от процесса и противопоставленный ему, результат, несоизмеримый с процессом. Поэтому даже истинность знания приписывается ему не как идеально воспроизводящему предмет процессу, а как статизированной «картине». Кроме того, следует иметь в виду, что помимо деятельного характера из знания изымается при таком подходе его культурно-историческое содержание, его связи с мышлением нравственным и художественным, его духовная наполненность и многомерность. Форма овеществления делает знание всего лишь безразличной «знаково-терминологической» *вещью*.

Такая специфическая организация знания, существенно обедняющая его содержательность, воспитывает особую *разновидность* того способа мышления, который известен в марксистской теории диалектики под названием мышления *рассудочного*. Это последнее способно постигать диалектические противоположности *только* как лишенные противоречивости, сосуществующие друг с другом полюсы. Это значит, что рассудок не видит в отношении между полюсами ничего кроме внешнего проявления, за которым скрыто единство взаимопроникающих

противоположностей. Рассудок останавливается на отношении полярности как на чем-то само-довлеющем. Он подмечает:

а) взаимное предположение полярных крайностей, т. е. их обязательное сопричастие и сопровождение друг другом, их непрременную корреляцию;

б) взаимное исключение их друг другом, их взаимную инородность и отмежеванность друг от друга, их антиподный характер.

Ничего большего за этим отношением рассудок не усматривает. Для него этим исчерпывается вся «диалектика противоположностей».

Выразительный пример доведения тенденции выдавать отношение полярности за последнее слово самой гибкой диалектики дает нам американский «органицист» А. Бам. Здесь мы сталкиваемся со своеобразной попыткой реформировать рассудочное мышление, приспособить его к сложным условиям научно-технической революции. Как известно из истории познания вообще и из истории философии в особенности, сильной стороной рассудка всегда была его жесткая определенность, его *не-гибкость*, т. е. своеобразная, пусть ограниченная, строгость. Однако стремление рассудочного мышления к жесткой определенности обычно приводит к тому, что обнаруживается граница этого способа мышления — негативно фиксированные антиномии.

Рассудок не может положительно признать антиномические характеристики в составе знания и найти им место в нем, но он по крайней мере постоянно их обнаруживает и тем самым вносит свой посильный вклад в постижение диа-

лектики. Отсюда и возникла идея так реформировать рассудок, чтобы он больше не способствовал открытию антиномий. Для этого пришлось сделать рассудочные абстракции принципиально нежесткими и тем самым допускающими самое широкое приспособление. Это, так сказать, логика *универсальной приспособляемости* и гибкой изворотливости мысли, логика рассудочно-эклектической «микстуры», приготовляемой из всевозможных полярных крайностей, каждая из которых берется в соответствующих конкретной ситуации дозах. На место мучительных проблем приходит всесторонний учет полярных характеристик.

В качестве именно такой логики А. Бам предлагает для всеобщего использования и употребления именно логику полярностей, которую он именуется также «органической», или «диалектической», логикой. При этом он сулит ей в будущем «фундаментальную роль». Вся суть ее в учете взаимности, взаимодействия и дополнительности полюсов. «Я рассматриваю полярность,— пишет А. Бам,— как ключевое понятие в раскрытии органической логики»¹. Что собой представляет это «ключевое понятие», лучше всего видно из его применения самим же автором. Тезис «Человек делает историю», таящий в себе столько проблем, берется им как объект для всестороннего учета наряду с противоположным тезисом: «История делает человека». «Каждый из этих двух противостоящих друг другу взглядов, часто толкуемых ошибочно,— как противоречащие один другому —

¹ А. Bahm. *Organicism: The Philosophy of Interdependence*. «International philosophical quarterly», vol. VII, 1967, p. 265.

выражает некоторую порцию более сложной истины»¹.

Дело, видите ли, в порционном сочетании крайностей, откуда и проистекает всепримири-тельная и всеоправдывающая гармония всего со всем. Разве это не подходящее мировоззрение для того, что К. Маркс называл «профессорской наукой», для деятельности в пределах роли кафедрального эрудита, излагающего конфликтующие истины «порциями»?! Видимо, поляризм дает самые широкие удобства для конформистского отношения к миру, для сглаживания реальных проблем в гибком схематизме невинных рассудочных обобщений.

Непосредственным оппонентом и антиподом поляризма, правда антиподом лишь на той же самой почве, выступает *антиномизм*. Антиномизм вырастает из неприятия рассудочных овеществленных форм цивилизации и настроений типа «философии беспочвенности». Под овеществленными формами, под формами беспроблемности он обнаруживает напряженное бореие смыслов, внутренний разлад, внутреннюю дисгармонию, полную неразрешенных противоречий. Его позиция — это позиция глубокой уязвленности этими проблемами-противоречиями и принятия их в качестве достояния личностного бытия. Но чисто негативное противостояние рассудочным формам, или антирассудочность, накладывает на эту позицию печать негативной зависимости от отвергаемых форм. Поэтому в том живом творческом процессе, в котором противоречия непрестанно разрешаются и воспроизводятся заново, антиномист видит не сам про-

¹ A. Bahm. *Organicism: The Philosophy of Interdependence*. «International philosophical quarterly», p. 276.

цесс как целостное движение, поглощающее формируемые им результаты, а лишь абстрактное, как бы застывшее состояние.

Конечно, всякое действительное разрешение проблем всегда означает одновременно и их обновленное воспроизведение, равно как и открытие новых, ведущих творчество вперед. Антиномист видит в этом воспроизведении только то, что для личности проблемы всегда остаются, т. е. что мир для нее тем не менее остается миром проблем, несомненно неисчерпаемым. Поэтому *неразрешенность* предстает перед ним как *неразрешимость*, а противоречивость — как непреодолимая антиномичность, как безысходная озадаченность. Он останавливается, как замороженный, перед миром проблем и лишь созерцает или переживает состояние иррациональной саморазорванности. Таково мировоззренческое умонастроение и С. Кьеркегора, и многих предшественников современного экзистенциализма, и «трагических» и «негативных диалектиков», и некоторых культур-антропологов.

Для антиномизма чем противоречивее знание, тем оно истиннее, ибо тем адекватнее выражен в нем скрытый трагизм бытия. Поэтому он не способен дать никакой творчески-конструктивной ориентации человеческому мышлению, зажатому в тисках действительных трудностей. Он может только оправдывать нагромождение противоречий и их иррационализацию, их превращение в средство для односторонне негативной критики рассудка, в средство отвержения вместо диалектического снятия. Это делает антиномизм бесплодным: он оказывается пригоден лишь как дающий пищу эстетическо-

му и морализирующему нарциссизму, хотя бы и в превращенной форме самобичевания.

Однако с точки зрения диалектики у антиномизма по сравнению с поляризмом есть свои преимущества. Там, где поляризм усматривает всего лишь вне друг друга существующие полюсы-крайности, выступающие как разные сущности (дуализм сущности), антиномизм вскрывает внутреннюю антиномичность, пронизывающую как единую сущность всякого объекта, так и каждый наделенный самостоятельностью и внешним бытием полюс. За симметричным противостоянием внешних противоположностей он открывает проблемную напряженность, в которой находятся тезис и антитезис, не поддающиеся разведению по различным (хотя бы и коррелятивным) «сферам влияния». Но антиномизм не развертывает логики противоречия, логики его генезиса, его процессирующего и разрешающегося характера. Ибо для постижения последнего необходимо развертывание *истины как процесса*.

Из всего проведенного анализа следует, что верно понять природу категории диалектического противоречия можно, только беря ее в неразрывном единстве с ее мировоззренческой функцией, на основе адекватного ей отношения человека к миру (как природному, так и социальному) как к миру, полному проблем, или как к действительности, освоение которой неотделимо от ее непрерывной проблематизации. Вместе с тем мы видим, что развитие теории диалектики не имеет по сути дела ничего общего с искусственной «диалектизацией» структур овеществленного знания или с реформированием рассудка.

Кстати сказать, по-видимому, именно с попытками так или иначе «диалектизировать» рассудочное мышление связаны многие так называемые конфликты между диалектикой противоречий и формальной (а также математической) логикой — конфликты, возникающие из некомпетентного изложения либо диалектики, либо формальной логики, либо и того и другого одновременно.

Действительные споры возможны и необходимы не между философией и этой специальной наукой, а лишь между различными философскими истолкованиями проблемы противоречия или каких-то ее аспектов.

Решающее значение в подходе к обсуждаемой проблеме имеет верная расшифровка того, что такое истина-процесс. Перейти от знания-результата к знанию-процессу — это вовсе не значит обратиться к предварительным стадиям исследовательской деятельности в противовес отработанным, завершенным результатам или отказаться от доведения познавательных усилий до высших итогов. Речь идет не о ранних стадиях исследования, хотя и их ценность нуждается в известной реабилитации, правда, лишь с точки зрения наипозднейших результатов, а, напротив, о продолжении познавательной деятельности до такого целостного результата, до такой системы знания, которая сама организована внутри себя по законам процесса и которая представляет и развертывает логически очищенный творческий путь выработки каждого понятия. Там и только там уместны и, так сказать, естественны диалектические противоречия, выступающие как движение от антиномии к ее разрешению, к синтезу.

Истина-процесс, в свою очередь, предполагает, что знание опредмечивается как условие развития общественного человека, а не как лишь утилитарное «пособие» (средство и материал для приложения). Объективные противоречия берутся как ничем не заменимые основания, образующие для субъекта проблемные ситуации, т. е. те условия, в которых только и могут быть реализованы его способности, в частности познавательные. Противоречие в данном случае предстает движущим началом развития всех человеческих сущностных сил. Схематическая формула развития познания с этой точки зрения такова:

<p>Субъекты, которым для развития их сущностных сил необходимо новое знание, включая объективных противоречий</p>	→	<p>Прогресс проникновения деятельности в предметы, реальное и идеальное их освоение</p>	→	<p>Адресат познавательной деятельности: субъекты с более высокой познавательной культурой</p>
---	---	---	---	---

Сокращенно эту формулу можно выразить так: *субъект* → *познание* → *субъект*.

Обоснованный анализ проблемы противоречия не может не приводить к той философской проблематике, которая касается субъекта. Ведь подлинный субъект никогда не является только гносеологическим, а тем более в перспективе всестороннего и целостного развития каждого человека.

ПРЕДМЕТНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ И ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ «ОБРАЗ»

Ф. Ф. Ваккерев

При обсуждении логического аспекта проблемы противоречия обычно выделяются два типа противоречий: диалектические и формально-логические противоречия в мышлении.

В целях конкретизации понятий диалектических противоречий мышления необходимо проводить дальнейшее расчленение, выделяя противоречия — «образы» объективного (предметного) противоречия и противоречия познания, которые ничьими образами не являются, а принадлежат к внутренней, специфической стороне развития познания. К последним относятся противоречия между теорией и новыми фактами, противоречия, обусловленные неполнотой теории, противоречия между конкурирующими теориями и т. п. Логический статус этих противоречий более или менее очевиден и не вызывает каких-либо особых разночтений.

Наиболее дискуссионным выступает вопрос о природе противоречия-«образа» и его отношении к предметному противоречию и к закону непротиворечия формальной логики.

В обширной литературе по проблеме противоречия содержится множество различных дефиниций диалектического противоречия. И мы поступили бы не лучшим образом, если бы

начали с того, что прибавили к ним еще одно определение. Более правильно будет начать с рассмотрения тех категорий, с которыми непосредственно связана категория противоречия и через которые она явно или неявно определяется.

Для большинства дефиниций диалектического противоречия в качестве общего следует указать определение его как отношения. Нельзя не согласиться с тем, что диалектическое противоречие представляет собой определенный класс отношений, а именно реальных динамических, а не статических отношений типа «больше», «меньше», «равно» и т. п.

Поскольку реальное отношение не существует вне соотносящихся вещей, то можно говорить о сторонах отношения. Противоречие выступает как *динамическое отношение* таких сторон. Слово «динамическое» здесь означает, что речь идет не о простой пространственной рядоположенности сосуществующих сторон, а о том, что между ними происходит активный обмен энергией (в неживых системах), энергией, веществом и информацией (в живых системах). Иначе говоря, динамическое отношение выступает как взаимосвязь, точнее, как взаимодействие (взаимовлияние, взаимоизменение и т. п.). Противоречие теперь определено как взаимодействие сторон (вещей).

Естественно, что на этом нельзя остановиться, так как еще не выяснен специфический тип взаимодействия, характерный для диалектического противоречия. Можно утверждать, что природа взаимодействия определяется прежде всего спецификой взаимодействующих сторон. И поэтому следующий шаг состоит в определении этой специфики.

Среди ряда признаков, характеризующих специфику сторон противоречия, наиболее существенны следующие: а) стороны противоречия предполагают, обуславливают друг друга; б) вместе с тем они исключают, отрицают друг друга. Именно поэтому стороны противоречия являются противоположностями, а само противоречие выступает как взаимодействие противоположностей. Наиболее распространенным может считаться следующее определение: противоречие — такое отношение между сторонами, свойствами, тенденциями предмета, когда они взаимно предполагают и взаимно отрицают друг друга¹. Можно ли остановиться на этих определениях (что делают некоторые авторы) и считать, что в них раскрыта сущность диалектического противоречия? Думается, что этого нельзя делать, ибо существует еще ряд ограничений.

Прежде всего в приведенных определениях не решен вопрос о характере пространственно-временного отношения между противоположностями — вопрос, который нельзя обойти при анализе сущности предметного противоречия.

Очевидно, что необходимое условие актуального противоречия состоит в одновременности существования противоположностей, так как без этого невозможно взаимодействие между ними. Менее очевиден ответ на вопрос о характере их пространственного отношения. Подход к диалектическому противоречию с этой стороны приводит к такому выводу, что не всякое отношение противоположностей можно рассмат-

¹ Одним из первых такое определение противоречия дал М. Розенталь в книге «Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса» (М., 1955).

ривать как диалектическое противоречие. Вряд ли имеет смысл, например, характеризовать как диалектическое противоречие ситуации типа: два человека тянут веревку в противоположных направлениях (школьный пример, иллюстрирующий третий закон ньютоновской механики). Здесь имеются и взаимодействие, и противоположности (противоположно направленные силы), но физики говорят только о том, что действие вызывает противодействие, равное по силе и противоположно направленное, но не о диалектическом противоречии, и поступают, на наш взгляд, совершенно правильно. Хотя бы потому, что действие и противодействие — не одновременные процессы: вначале возникает действие, которое порождает противодействие. Ничего не меняет то обстоятельство, что в определенный момент времени между действием и противодействием возникает контакт, ибо действие до него уже существовало в качестве самостоятельного процесса (с точки зрения теории близкодействия).

Другим основанием для того, чтобы не относить подобные примеры к противоречиям, служит пространственная раздельность сторон взаимодействия. По Гегелю, характерная черта противоречия заключается в том, что каждая противоположность в себе (а не рядом) содержит «свое иное», свое собственное отрицание. Этот момент неоднократно подчеркивался классиками марксизма-ленинизма. Как известно, Ф. Энгельс один из основных законов диалектики определил как закон взаимного проникновения полярных противоположностей, а В. И. Ленин писал, что *«диалектика»* есть учение о том, как могут быть и как бывают (как стано-

вятся) тождественными противоположностями, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга...»¹. Двумя строками ниже В. И. Ленин поясняет, что это определение он дал, «читая Гегеля». Понятия «взаимотождественность», «взаимопроникновение» противоположностей означают в данном контексте пространственную их совмещенность, нераздельность в противоречии, вследствие чего противоположности правильнее определять не как стороны противоречия, а как взаимопроникающие противоположные моменты, тенденции, процессы — короче, как противоположности в едином. Пространственная раздельность свойственна, на наш взгляд, лишь внешним формам проявления и существования противоречия (и здесь имеет смысл говорить о «сторонах» противоречия), но не сущностному его уровню.

Таким образом, приведенное выше определение диалектического противоречия как отношения взаимопредполагающих и взаимоотрицающих противоположностей может быть еще более конкретизировано.

Во-первых, для определения противоречия в узком значении (внутреннего противоречия) недостаточно указания на «взаимное предположение, обусловливание»; в нем реализуется более острая форма единства противоположностей — их взаимопроникновение. Противоречие, следовательно, выступает как отношение отрицания взаимопроникающих противоположностей в едином (в вещи, процессе).

Во-вторых, поскольку в таком противоречии противоположности пространственно совме-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 98.

ны, постольку имеет смысл говорить не просто о противоречии между сторонами, элементами одной вещи, а о противоречивости вещи самой себе, о ее самопротиворечивости. Тем самым противоречие в более узком и специфическом значении может быть отнесено к определенному классу рефлексивных отношений — оно выступает как отношение вещи к самой себе, причем как отношение самоотрицания, как *самоотрицательность* вещи.

Нам представляется, что подход к диалектическому противоречию как самопротиворечивости, самоотрицательности предмета позволяет дать ему наиболее «динамическое» определение и раскрыть внутреннюю связь между противоречием и самодвижением. В этом случае противоречие определяется не только как отношение, но и как *процесс* (процессуальное отношение), ибо отрицательно относиться к себе, отрицать себя — это значит находиться в постоянном беспокойстве, в состоянии изменения, вернее, самоизменения, самодвижения. По Гегелю, «внутреннее, подлинное самодвижение, *побуждение* вообще (стремление или напряжение монады, энтелехия абсолютно простой сущности) — это только то, что нечто *в самом себе* и его отсутствие, *отрицательное его самого* суть в одном и том же отношении. Абстрактное тождество с собой еще не есть жизненность; оттого, что положительное есть в себе самом отрицательность, оно выходит вовне себя и начинает изменяться»¹. По отношению к противоречию самодвижение выступает, по Гегелю, как его «изображение», «наличное бытие»².

¹ Гегель. Наука логики, т. 2. М., 1971, стр. 66.

² См. там же.

В. И. Ленин в «Философских тетрадах» подчеркивает в своем конспекте «Науки логики» мысль Гегеля о том, что самодвижение является изображением противоречия, его наличным бытием, а в другом месте замечает, что «движение есть противоречие»¹.

Нам представляется важным с целью более «динамичного» понимания существа диалектического противоречия дополнить известное выражение «противоречие есть источник, двигательная сила самодвижения» формулой: *противоречие есть сущность самодвижения*; самодвижение — это существующее противоречие или способ существования противоречия. Эти определения (определения через категории сущности и существования), с одной стороны, характеризуют противоречие как процесс, с другой — позволяют раскрыть более непосредственную связь, выступающую как конкретное тождество противоречия и самодвижения.

Таким образом, рассмотрение противоречия и самодвижения с точки зрения их нераздельности позволяет существенно уточнить каждое из них. С одной стороны, анализ содержания предметного противоречия с точки зрения концепции самодвижения приводит к выделению специфического аспекта категории противоречия — противоречивости, вернее, самопротиворечивости, присущей всем предметам и явлениям. С другой стороны, понятие самопротиворечивости, самоотрицательности позволяет определить самодвижение как способ существования предметного противоречия. Следует под-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 125, 231.

черкнуть, что понятия «противоречивость», «самопротиворечивость» не покрывают всего содержания категории противоречия. В литературе по диалектике за понятием «противоречие» утвердился довольно-таки широкий класс значений — им обозначаются внутренние и внешние, антагонистические и неантагонистические противоречия, различные формы действия и противодействия (взаимодействия противоположностей) и т. п.

Наряду с этими значениями имеет смысл говорить о диалектическом противоречии как противоречивости, самопротиворечивости всех предметов и явлений, т. е. о том специфическом значении категории противоречия, которое отображает глубокую внутреннюю природу всего сущего — основание самодвижения и саморазвития. С этой точки зрения все другие формы противоречия (внешнее противоречие, взаимодействие противоположностей, антагонизм и т. п.) в конечном счете следует рассматривать как результат, как формы проявления самопротиворечивости предметов, их внутренней активности, самодвижения.

Итак, мы рассмотрели некоторые моменты специфики предметного противоречия. Теперь, следуя принципу «от предмета к логике», мы должны с точки зрения сформулированных определений подойти к вопросу о противоречиях мышления, в которых отображается предметное противоречие.

Следует подчеркнуть, что развитое выше понимание предметного противоречия накладывает определенные ограничения на решение проблемы воспроизведения в мышлении объективного противоречия, и прежде всего на содержа-

ние теоретической «модели» или мысленного «образа» предметного противоречия.

Среди этих ограничений наиболее важным является следующее. Поскольку объективное, предметное противоречие выступает как процесс (самоотрицания, самодвижения), постольку и в теории — модели оно должно быть отображено как процесс. Это означает, что теория, претендующая на адекватное отображение предметного противоречия и, следовательно, предмета в его самодвижении, должна быть такой системой знания, в которой раскрыты имманентные переходы между ее элементами (понятиями, принципами и т. д.), отображающие логику движения предметного противоречия, противоречия разрешающегося и возобновляющегося — словом, отображающие самодвижение предмета. Как показал К. Маркс в «Капитале», наиболее полно это требование реализуется в теории, построенной методом восхождения от абстрактного к конкретному.

В нашей литературе (в работах Э. В. Ильенкова, М. М. Розенталя, Г. С. Батищева и др.) эта сторона проблемы теоретического отображения диалектического противоречия нашла обстоятельное обоснование и разработку. Правда, недостаточно, на наш взгляд, обращено внимания на то, что предметное противоречие обнаруживается как процесс самодвижения предмета, которое (самодвижение) в теоретическом «образе» может быть отражено лишь в «снятом» виде. Поэтому встает вопрос о специфике теоретического отображения самодвижения и тем самым предметного противоречия, поскольку здесь речь идет не о противоречии и самодвижении предмета, а об их «образе».

Степень адекватности «образа» объективно-му противоречию зависит от познающего субъекта: от логических средств познания и способов их использования, от уровня развития способности к теоретическому мышлению и т. д. Поэтому теории можно отличать друг от друга по различной степени адекватности, самодвижению и противоречию объекта. Такие признаки диалектического противоречия, как «содержать в себе свое иное», взаимопроникновение противоположностей, самоотрицание и т. д., адекватно отражаются в тех теоретических дефинициях, которые построены не по принципу «или—или», а по принципу «как то, так и другое». В теории, содержащей подобные дефиниции, в обычную последовательность изложения включаются парадоксы, антиномии. Если возникающий парадокс побуждает мысль к движению, то антиномичная формулировка парадокса (наподобие кантовских антиномий) позволяет остро диалектически поставить проблему.

Но ни парадокс, ни антиномия не могут рассматриваться как адекватный образ объективного противоречия. В них объективное противоречие воспроизводится лишь со стороны раздвоения, наличия несовместимостей, наподобие известной антиномии: движущееся тело в каждое «теперь» находится и не находится «здесь», но не как взаимопроникновение противоположностей, тем самым противоречие не воспроизводится с его деятельной стороны, т. е. как самодвижение.

Развитие теории посредством парадоксов и антиномий следует считать важным моментом специфики диалектических противоречий познания. Более того, парадокс, антиномия выступа-

ют как специфические логико-гносеологические формы существования диалектического противоречия; специфические потому, что объективное противоречие не существует в форме парадокса или антиномии. Оно не застревает в подобной раздвоенности, а, постоянно возникая и разрешаясь, существует как процесс самодвижения. Парадокс и антиномия, выступая как формы теоретического воспроизведения и как специфические формы существования диалектического противоречия в структуре научной теории, представляют известное субъективное «огрубление», которое состоит в том, что они являются негативным «срезом» объективного противоречия, как бы приостанавливающим его функционирование. С логической стороны их формулы: «и находится и не находится», «как то, так и другое» и т. п. — внешне воспринимаются как логически противоречивые высказывания, которые ложны. Мы говорим «внешне», ибо противоречивость здесь — результат не простого нарушения законов логики, а диалектической постановки проблемы (но не решения ее).

Подобное «заострение» необходимо, когда осуществляется имманентный переход от одной категории к другой, от одного уровня проблемы к другому и от одной теории к другой теории. Развитие теории осуществляется тогда как результат раскрытия и разрешения противоречий, обнаружившихся в предшествовавшей теории или на предшествовавшем уровне исследования, т. е. это развитие выступает как «самодвижение»¹, а не как чисто формальное продвижение

¹ По Гегелю, познанию присуще подлинное самодвижение понятий, что несомненно означает идеалистическое истолкование проблемы активности, относи-

с помощью словечек «затем», «далее», «таким образом» и т. п., создающих лишь видимость переходов, но не сами переходы.

Если высказывания, о которых речь шла выше, вырвать из контекста и не видеть их связи с предыдущим и последующим ходом мысли, рассматривать как таковые, то усмотреть здесь что-нибудь иное, чем логическую незавершенность или просто «страсть к парадоксам», конечно, очень трудно. Но когда эта связь учтена, тогда антиномия органически вписывается в ткань, в структуру теории. Причем, особенно важно показать ее связь с последующим развитием теории, выступающим как разрешение антиномии. Если же мысль останавливается на антиномии, то тогда упрек в логической незавершенности справедлив.

Правда, в этом случае перед нами не обычное логическое противоречие, поскольку причина антиномии не простое нарушение законов логики. Но когда показано, что антиномия разрешилась таким образом, что из нее выросла новая теория, диалектически снимающая прежнюю, тогда обвинение в непоследовательности может идти не от формальной логики, а от метафизики. Именно таким образом безуспешно опровергают «Капитал» буржуазные критики, пытаясь диалектический способ развития теории выдать за нарушение законов логики, в частности пытаясь найти противоречие между первым и третьим томами «Капитала». С точки зрения формальной логики «Капитал» — последовательная, непротиворечивая система катего-

тельной самостоятельности сознания. С позиций материализма сознание может быть лишь «образом» самодвижения, отраженным самодвижением.

рий. Но это последовательность более высокого «ранга», поскольку она достигнута диалектическими средствами, а именно на основе принципа отрицания отрицания: а) первое отрицание — прерывание хода мысли постановкой антиномии, б) отрицание отрицания — разрешение антиномии путем перехода на новый уровень проблемы и выработки новой теории, вновь восстанавливающей непрерывность.

Тем самым в «Капитале» мы имеем адекватную теоретическую модель самодвижения и диалектического противоречия, и «Капитал» выступает как специфическое теоретическое отражение предметных противоречий, в частности противоречий товара, и, следовательно, как гносеологическая форма существования диалектического противоречия и самодвижения¹.

Поэтому вопрос: противоречив или не противоречив «Капитал» — решается следующим образом: он не противоречив как строго последовательная система категорий, но вместе с тем «Капитал» — это теоретическая модель, «образ» объективного противоречия, отраженное противоречие, существующее и проявляющееся в процессе и через процесс диалектической дедукции экономических категорий. Этот процесс состоит из моментов как прерывности (формулировка антиномий), так и непрерывности (разрешение антиномий и выработка новой теории), взаимно отрицающих и дополняющих друг друга.

¹ Последнее, конечно, не означает, что противоречие существует в «Капитале» как в книге, т. е. в определенной знаковой системе, а лишь то, что чтение и овладение его содержанием вызывает такой творческий познавательный процесс, который выступает как теоретическая форма существования движения и разрешения диалектического противоречия.

Логико-диалектические принципы построения «Капитала» отнюдь не исключают, а, напротив, предполагают справедливость законов формальной логики при условии, что к ним подходят как к подлинно формальным законам мышления. Из философов и логиков, обсуждающих проблему соотношения диалектических и формально-логических противоречий и соотношения диалектической и формальной логики в целом, на наш взгляд, более близки к истине те, которые ограничивают предмет формальной логики изучением *законов формы, структуры знания*, а предмет диалектической логики усматривают в изучении *содержания знания* (резюмируемого преимущественно в категориях) и прежде всего *законов развития* знания. Такое разграничение предмета снимает искусственные и ложные коллизии между диалектической и формальной логикой (кстати, демонстрируя в отрицательной форме, что противоречие возникает в том случае, когда противоположности совпадают в одном отношении).

С этой точки зрения отношение между принципом диалектического противоречия и формально-логическим законом непротиворечия не является исключаящим. Поскольку закон непротиворечия — закон формальный, то это означает, что он применим не к сфере содержания мыслей, а к построению по определенному способу структуры мыслей, и прежде всего структуры суждений в умозаключении. Формально-логический закон непротиворечия «не касается конкретного содержания суждений, он не решает вопроса о том, какое из противоречащих суждений является истинным... Закон этот всегда имеет в виду определенное умозаключе-

ние и определенное суждение в этом умозаключении. Только в определенной системе суждений, образующих умозаключение, мы не должны допускать противоречащих друг другу суждений»¹. С точки зрения закона непротиворечия, по мнению П. В. Копнина, допустимы суждения, в которых предикат составляет мысль о единстве противоположных свойств предмета, типа «свет есть и корпускула и волна», но недопустимы в одном умозаключении два суждения: «свет есть корпускула и волна» и «свет не есть корпускула и волна».

По мнению Ю. П. Веди́на, чтобы законы непротиворечия и исключенного третьего применять как подлинно формальные, необходимо ограничить сферу «действия логического отрицания областью истинных оценок суждений»², причем не разных суждений, а одного суждения. Поскольку указанные законы, по мнению автора, не относятся к содержанию мысли, то с точки зрения выдвинутого понимания сферы приложимости логического отрицания противоречие возникает не между суждениями «движущееся тело находится в данном месте» (S есть P) и «движущееся тело не находится в данном месте» (S не есть P или S есть не= P), а при конъюнкции суждения «движущееся тело находится в данном месте» (S есть P) и его отрицания «неверно, что движущееся тело находится в данном месте» (неверно, что S есть P).

¹ П. В. Копнин. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969, стр. 197.

² Ю. Веди́н. О применимости требования формально-логической непротиворечивости мышления к логической форме мысли, отображающей объективное противоречие. Рига, 1969, стр. 45.

Если первое суждение обозначим A , то \bar{A} будет обозначать «неверно, что S есть P », а не « S не есть P или S есть не- P ». Подобно этому логическое противоречие возникает при конъюнкции суждения « S не есть P или S есть не- P » и его логического отрицания: «неверно, что S не есть P или S есть не- P ». В качестве одного суждения можно взять «движущееся тело теперь находится и не находится здесь» (A), тогда его логическим отрицанием будет «неверно, что движущееся тело теперь находится и не находится здесь» (\bar{A}), а не суждения «движущееся тело теперь находится здесь» (S есть P — обозначим это суждение A) или «движущееся тело теперь не находится здесь» (S не есть P или S есть не- P , т. е. B). Логическое противоречие образует конъюнкция A и \bar{A} , а не конъюнкция A и B .

Отсюда видно, что закон непротиворечия не затрагивает вопроса о природе реально движущегося тела и, в частности, вопроса о том, может ли оно одновременно обладать противоположными свойствами или находиться в противоположных состояниях. Вопрос может быть решен только путем содержательных исследований с позиций диалектико-материалистического принципа противоречия. Например, с помощью формальной логики (закона противоречия) можно вывести, что если истинно суждение «капитал возникает и не возникает в обращении» (A), то ложно его логическое отрицание «неверно, что капитал возникает и не возникает в обращении» (\bar{A}). Но средствами формальной логики нельзя доказать, почему истинно именно A , а не \bar{A} . Для этого необходимо выйти за

рамки формальной логики, в область конкретного, содержательного исследования.

Таким образом, в формально-логическом аспекте проблема «в одном или в разных отношениях» при рассмотренном понимании сферы приложимости логического отрицания получает однозначное решение: одно и то же суждение и его логическое отрицание (таков здесь смысл «в одном отношении») не могут быть одновременно истинными; при истинности одного другое с необходимостью ложно.

Иным оказывается содержательное, т. е. выходящее за рамки формальной логики, решение этой проблемы.

Если исходить из развитого выше понимания структуры предметного противоречия, которая сочетает в себе как раздвоение, полярность (внешний уровень), так и конкретное тождество, взаимопроникновение противоположностей (внутренний уровень), то точка зрения «в разных отношениях» акцентирует внимание на раздвоении, поляризации противоположностей в противоречии. В ней не находит своего адекватного отображения сущностный уровень предметного противоречия, т. е. взаимопроникновения противоположностей. Напротив, весь пафос концепции «в одном отношении» направлен на отображение совпадения, взаимопроникновения противоположностей, но в ней, видимо, недостаточно отображается раздвоенность, полярность взаимопроникающих противоположностей, что порождает антипода в виде концепции «в разных отношениях».

Это расхождение во взглядах усугубляется тем обстоятельством, что недостаточно расчлениются формально-логический и содержательно-

диалектический аспекты проблемы, в результате чего сторонники принципа «в разных отношениях» в противоположной точке зрения усматривают нарушение формально-логических законов, а сторонники принципа в «одном отношении» обвиняют своих противников в отступлении от диалектики, поскольку применение принципа «в разных отношениях» к диалектическому противоречию превращает взаимопроникающие противоположности в противоположности расходящиеся, а это ведет к ликвидации самого диалектического противоречия.

Налицо две крайние и, как нам представляется, односторонние позиции в истолковании категории противоречия. Правда, крайности не равноценные: точка зрения «в одном отношении» глубже и адекватнее отображает сущностный уровень диалектического противоречия. Но было бы ошибочным квалифицировать точку зрения «в разных отношениях» как ложную. Она также выражает важную сторону предметного противоречия. Перед нами знакомая ситуация, когда спор идет по принципу «или — или, а что сверх того — то от лукавого», но возникшая уже по отношению к самому диалектическому противоречию. Весь исторический опыт диалектики и науки говорит в пользу того, что подобные антиномии¹ нельзя разрешить ни путем признания одной точки зрения за истинную, а другой — за ложную, ни путем отлучения обеих от истины и объявления ложными. Ви-

¹ Здесь действительно возникла антиномичная ситуация, поскольку обе точки зрения могут быть развиты логически непротиворечиво и в подтверждение каждой из них могут быть приведены не лишённые оснований доказательства.

димо, здесь мы имеем тот случай, когда выход может быть найден на путях диалектического снятия обеих крайних точек зрения в более глубокой и содержательной концепции, в которой оказывается справедливой формула «как то, так и другое».

Действительно, в реальном диалектическом противоречии противоположности друг по отношению к другу как тождественны, так и нетождественны, т. е. различны; тождественны в том смысле, что между ними нет пространственной разделенности, каждая содержит в себе «свое иное», они взаимопереходят и т. д., нетождественны потому, что это тождество — тождество конкретное, т. е. они не «растворятся» друг в друге без остатка, в тождестве они выступают как «свое иное», т. е. как отрицательные по отношению друг к другу. Именно это тождество и нетождество реальных противоположностей делает противоречие «деятельным соотношением» противоположностей, «энергичной, побуждающей к разрешению этого противоречия» формой¹.

Возможный путь снятия указанной антиномии таков: во-первых, необходимо расчленять формально-логический и содержательно-диалектический аспекты проблемы «в одном или разных отношениях»; во-вторых, ее решение следует увязывать с решением вопроса о структуре предметного противоречия, различных уровнях этой структуры и специфических логико-гносеологических формах их отображения в мышлении.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, стр. 113.

ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОЕ И ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ. РАЗЛИЧИЕ СТРУКТУР

З. М. Оруджев

Классики марксистско-ленинской философии всегда исходили из того, что противоречия, единство противоположностей есть главное содержание мышления человека¹.

В марксистской философской литературе это положение никем не оспаривается. Но это не значит, что признание его не вызывает определенных трудностей у философов. Основная трудность заключается в том, чтобы согласовать это положение с формально-логическим законом, запрещающим противоречия в мышлении. Критики диалектики (особенно враждебно настроенные против нее буржуазные философы) в качестве главного аргумента используют ссылку именно на формально-логический закон недопустимости противоречия в мышлении, сформулированный в свое время еще Аристотелем: недопустимо в одно и то же время об одном и том же в одном и том же отношении утверждать противоположные вещи². Любая вещь, по Аристо-

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 20, стр. 526; *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 29, стр. 178.

² «...Невозможно, чтобы одно и то же в одно и то же время было и не было присуще одному и тому же в одном и том же отношении (и все другое, что мы могли бы еще уточнить, пусть будет уточнено во избежание словесных затруднений) — это, конечно, самое достоверное из всех начал...» (*Аристотель. Соч.* в четырех томах, т. 1. М., 1975, стр. 125).

телю, может превратиться в одно из двух противоположных состояний, но не может пребывать в них одновременно. «...Способность к противоположностям наличествует в одно и то же время, но сами противоположности не могут наличествовать в одно и то же время; невозможно также, чтобы [у одного и того же] противоположные состояния наличествовали в действительности в одно и то же время (например, невозможно быть [в одно и то же время] и здоровым и больным)»¹.

Таким образом, перед нами — столкновение двух пониманий противоречий — диалектического и формально-логического, осуществляющееся применительно к обеим сферам — мышлению и объективной действительности. Формальная логика отрицает противоречия в мышлении, поскольку они отсутствуют в объективной действительности, диалектика как логика, напротив, исходит из их наличия в содержании мышления, поскольку они присущи объективной действительности. Очевидно, что речь может идти здесь не только о правильном и неправильном понимании сущности и роли противоречия в познании, но и о различии между самими диалектическими и формально-логическими противоречиями. Ниже мы увидим, что это — правильное допущение, хотя и недостаточное, ибо гораздо труднее ответить на вопрос, в чем же это различие заключается.

Прежде всего нужно отметить, что понимание диалектического противоречия как опосредованного единства противоположностей начало зарождаться еще в древние времена.

¹ Аристотель. Соч. в четырех томах, т. 1, стр. 248—249.

Еще Аристотель проводил различие между понятиями противоречия, которое недопустимо в мышлении, ибо отсутствует в действительности¹, и отношением противоположностей, которое реально и в сознании может выступать как противопоставление вещей, свойств и т. д. друг другу. «Если же виды противолежания — это противоречие, лишенность, противоположность и отношение, а первое из них — противоречие и у противоречия нет ничего промежуточного, тогда как у противоположностей оно возможно, то ясно, что противоречие и противоположность не одно и то же»².

Глубоко проникнув в сущность (и структуру) формально-логического противоречия, Аристотель тем не менее не смог довести до конца свое рассмотрение сущности диалектического противоречия. Понимание сути диалектического противоречия стало возможным лишь на базе и в связи с концепцией развития, которая, в свою очередь, не могла возникнуть прежде, чем наука поднялась на теоретический уровень. Поэтому только Гегель смог первым изобразить структуру диалектического противоречия, хотя проблема была сформулирована впервые Кантом в его антиномиях. До Канта многие мыслители отмечали переход противоположностей друг в друга на эмпирическом уровне, но структура этого перехода их, можно сказать, не занимала: промежуточные состояния отличаются,

¹ «Но так как невозможно, чтобы противоречащее одно другому было вместе истинным в отношении одного и того же, то очевидно, что и противоположности не могут быть вместе присущи одному и тому же» (Аристотель. Соч. в четырех томах, т. 1, стр. 141).

² Аристотель. Соч. в четырех томах, т. 1, стр. 261.

по их мнению, чисто количественно от крайних, противоположных членов, поэтому с помощью дифференциальных уравнений можно описать постепенный переход от конечного к бесконечному и обратно, от определенной положительной величины к нулю, от покоя к движению, от начала к концу и т. д. и т. п. Число промежуточных звеньев здесь оказывалось равным бесконечности, а сами посредствующие звенья приобрели значение точечности. Перерыв постепенности, которым характеризуется не только переход одной противоположности в другую, но вообще структура диалектического противоречия, не принимался во внимание.

Кантовские антиномии, возникшие на базе отвлечения от эмпирического уровня мышления, внесли определенный отрицательный элемент в определение диалектического противоречия. Противоположности — не крайняя степень различия, не «законченное различие» (Аристотель), они отличаются друг от друга качественно. Понимание противоположности как по существу качественного различия впервые вводится Кантом в его антиномиях. Несовместимость, таким образом, существует не только между истиной и неистинной, но и в рамках самой истинности или неистинности.

Один из уроков антиномий: то или иное основоположение чистого разума после соответствующего уточнения может сохранять свою силу, правда, не как аксиома, а «как *проблема* для рассудка, следовательно, для субъекта...»¹. Большое значение имеет умение избежать амфибо-

¹ И. Кант. Соч. в шести томах, т. 3. М., 1964, стр. 462.

лии, превращающей «идею в мнимое представление об объекте, эмпирически данном и, следовательно, познаваемом согласно законам опыта»¹, т. е. предмет, данный нам не эмпирически, нельзя познавать способом, действительным лишь в сфере эмпирического опыта.

В антиномиях Канта сфокусировано основное гносеологическое противоречие современного ему естествознания. Наука начинает выходить в конце XVIII в. за пределы эмпирического в область «сверхчувственного», в область внутренних, скрытых отношений и связей явлений.

Этот новый «предмет» изучения есть не духовный мир, хотя дан он именно как мир сверхчувственного. Это — область не непосредственно чувственно данного, а невоспринимаемого чувственно отношения явлений, где две стороны (явления) неотделимы друг от друга и в то же время противоположны друг другу. Каково же соотношение между ними? Кантовские антиномии не дают ответа на этот вопрос. Они — своеобразная постановка его.

Кант видит, что существует «трансцендентальная область», где мы оказываемся за пределами эмпирически данного мира, но применяем в ней категории рассудка (иных просто нет), которые здесь утрачивают свое всемогущество. Например, понятие бесконечной величины в эмпирическом мире слишком велико для конечных вещей и слишком мало для «эмпирического регресса», который никогда не может быть закончен, чтобы быть величиной вообще. Таков один из результатов «максимального применения

¹ И. Кант. Соч. в шести томах, т. 3, стр. 446.

рассудка в опыте сообразно предметам опыта...»¹.

А если какие-либо выработанные противоположные понятия, исключаящие друг друга, истинны, то они истинны в обеих сферах — трансцендентальной и эмпирической, и истинны они лишь «в разных отношениях». Таким образом, новая постановка вопроса, с одной стороны, и старое решение — с другой.

Гегель выступил против формулы « A может быть равно только A ». Рассматривая ее как тавтологическую, Гегель считал, что она не может быть плодотворной для развития науки, что утверждения типа « A равно A » суть лишь топтание на месте. Формуле « $A = A$ » Гегель противопоставляет формулу « A равно A и в то же время не равно A ». Конкретное тождество — это тождество с различием.

Классики марксистско-ленинской философии высоко оценивали позитивную сторону гегелевских рассуждений о конкретном, диалектическом тождестве. Действительно, для процессов изменения, развития характерно именно конкретное тождество, поскольку предмет может изменяться лишь в том случае, если в любой отдельно взятый момент он тождествен самому себе и в то же время не тождествен, поскольку в какой-то степени изменился, стал другим. Движущееся тело в каждый данный момент времени движения не может находиться только в одном пункте пространства (иначе по сравнению с ним любое покоящееся тело лишь дольше покоится), но также и в другом, включая и промежуточные точки отрезка пространства,

¹ И. Кант. Соч. в шести томах, т. 3, стр. 467.

заклученные между этими двумя пунктами, т. е. движущееся тело в каждый момент времени находится и в то же время не находится в данном месте ¹.

По Гегелю, противоречие есть «корень всякого движения и жизненности», оно выражает «истину и сущность вещей». При этом противоречия имеют место и в объективной действительности (хотя и истолкованной идеалистически). Однако диалектические противоречия противопоставляются Гегелем формально-логическим законам недопустимости противоречия и исключенного третьего. Это противопоставление настолько резко, что сложилось впечатление, будто Гегель вовсе отбросил законы формальной логики ².

Критикуя законы недопустимости противоречия и исключенного третьего, Гегель правильно указал на их абстрактность. В самом деле, помимо тождества предмета самому себе, как уже отмечалось, должно существовать и нечто другое, коль скоро предмет непрерывно изменяется в каждый данный момент времени. Мышление, отражающее изменение в его непрерывности, не может довольствоваться только абстрактным тождеством $A=A$ или — что является лишь его негативным выражением — законом

¹ Более подробно об этом см.: *Гегель. Наука логики*, т. 2, стр. 65—66; *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 20, стр. 123; *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 29, стр. 232.

² Между тем Гегель писал: «Спекулятивная логика содержит в себе предшествующую логику и метафизику, сохраняет те же самые формы мысли, законы и предметы, но вместе с тем развивает их дальше и преобразовывает их с помощью новых категорий» (*Гегель. Энциклопедия философских наук*, т. 1. М., 1974, стр. 94).

недопустимости противоречия. Абстрактное тождество $A=A$ должно быть дополнено внутренним различием: « A равно A и в то же время не равно A »¹. Но отсюда следует, что закон тождества сохраняется в формулах диалектической логики как сторона, момент, ибо действительно в любом изменении и развитии предмет не только не тождествен, но вместе с тем и тождествен самому себе.

Гегель не проводит внутреннего различия между формально-логическим и диалектическим противоречием, т. е. различия по их структуре. Правда, критикуя закон исключенного третьего, согласно которому между A и $не-A$ в промежутке нет ничего третьего, или среднего, откуда следует, что одна из противоположностей истинна, другая ложна, Гегель доказывал, что здесь есть третье, им является A , которое может быть и A и $не-A$. Однако в формуле закона исключенного третьего символ A все-таки имеет только два знака.

Тем не менее Гегель смог обнаружить общую структуру переходных состояний, отношений вещей как тождества противоположностей и их выражения в мышлении. «Видимо, и здесь,— отмечал В. И. Ленин,— главное для Гегеля *наметить переходы*. С известной точки зрения, при известных условиях всеобщее есть отдельное, отдельное есть всеобщее. Не только (1) *связь*, и *связь неразрывная*, всех понятий и суждений,

¹ Заметим, что эту формулу следует отличать от « A не равно A », в которой нет диалектики, ибо односторонне отрицается тождество. A не во всех случаях тождественно, например, B , а лишь в том случае, если одно из них частично равно другому. Вот почему законы формальной логики (законы тождества, противоречия) сохраняются в диалектике.

но (2) *переходы* одного в другое, и не только переходы, но и (3) *тождество противоположностей* — вот что для Гегеля главное. Но это лишь «просвечивает» сквозь туман изложения архи-«abstrus»»¹.

В структуре противоречий, по Гегелю, всегда следует искать третий элемент, опосредствующий противоположности. Он всегда конкретен и в зависимости от характера противоположностей играет различную роль. Но во всех случаях третий элемент в структуре вещей смягчает, нейтрализует противоположности и в этом заключается разрешение любого противоречия. Опосредование, следовательно, не способ осуществления, а способ снятия противоречия.

С этого пункта начинается расхождение между гегелевским и марксистско-ленинским пониманием способа разрешения диалектических противоречий. Марксистско-ленинская философия не только не отрицает, но включает в себя диалектику опосредования. Последняя — один из рациональных моментов гегелевской философии, переработанных в научную теорию Марксом, Энгельсом и Лениным. Опосредование противоположностей — специфическая особенность диалектических противоречий в отличие от формально-логических.

В марксистско-ленинской философии опосредование получает глубокое понимание как способ осуществления и разрешения противоречий действительности и соответственно теоретического мышления. Диалектические противоречия составляют главное содержание мышления, они определяют структуру движения, развития лю-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 159.

бого явления, любой вещи. Структура каждого объективно данного предмета представляет собой диалектическое противоречие, поэтому теоретическое мышление, познающее эти предметы, отражает в своем содержании диалектические противоречия. Формально-логические противоречия в объективной действительности не имеют места и справедливо запрещаются в сфере мышления логикой. Ясно, что это различные по своей сущности противоречия, и их различие заключается, конечно, не в том, что диалектические противоречия — это противоречия в разных отношениях, в то время как формально-логические — в одном и том же отношении, в одно и то же время противоположные высказывания. Между противоположностями «в разных отношениях» нет взаимоисключения, а стало быть, и противоречия.

С точки зрения марксистско-ленинской философии диалектическое противоречие есть по существу опосредованное промежуточными ступенями отношение различий и противоположностей, взятых в одно и то же время, в одном и том же отношении, в то время как формально-логическое противоречие есть непосредственное отношение исключаящих друг друга противоположных утверждений. «Для такой стадии развития естествознания, — писал Ф. Энгельс, — где все различия сливаются в промежуточных ступенях, все противоположности переходят друг в друга через посредство промежуточных членов, уже недостаточно старого метафизического метода мышления. Диалектика, которая... признаёт в надлежащих случаях наряду с «или — или» также «как то, так и другое» и опосредствует противоположности, — является единст-

венным, в высшей инстанции, методом мышления, соответствующим теперешней стадии развития естествознания»¹. В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс критиковал метафизика за то, что он «мыслит сплошными непосредствованными противоположностями...»².

В «Капитале» К. Маркс применял метод анализа посредствующих звеньев при теоретическом разрешении антиномий экономической науки³. С точки зрения Маркса, противоположности недопустимо непосредственно отождествлять друг с другом, поскольку они связаны между собой посредствующими звеньями, которые необходимо находить и анализировать.

Разрешение диалектического противоречия осуществимо лишь теоретическим методом, каковым и является метод анализа посредствующих звеньев, даже если эти «звенья» даны нам эмпирически как то или иное явление или же совокупность явлений. Метод анализа посредствующих звеньев все равно остается теоретическим потому, что он заключается не в простом обнаружении и регистрации этих явлений, а в анализе их как отношения между эмпирически уже установленными, верифицированными противоположностями.

Известно, что траектория планеты есть отношение противоположности центростремительного и центробежного движений. Но благодаря чему эти противоположности не парализуют друг друга, а разрешаются в определенную форму движения? Это можно понять, обнаружив та-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 527—528.

² Там же, стр. 21.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 85—86.

кое посредствующее звено, как тангенциальная сила. Известно также, что в соответствии с принципом относительности преобразования Галилея (уравнений движения в различных инерциальных системах отсчета) не приводят к изменениям пространственных и временных параметров движения тел, а преобразования Лоренца приводят. Но между тем и другим положением существуют посредствующие звенья, включенные в ход теоретического движения познания — постоянство скорости света и выражение

(отношение) $\sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$, благодаря которым (точнее посредством которых) можно преобразования Лоренца свести к преобразованиям Галилея и, наоборот, вывести из них. Так осуществляется всякое диалектическое противоречие посредством промежуточных звеньев: одна противоположность «переходит» в другую и обратно только через промежуточные звенья.

Таким образом, теоретическое разрешение противоречий объекта, предмета заключается не в дополнении описания одной картины явлений описанием другой, противоположной, не в обнаружении ложности или неточности в одном из противоположных утверждений, а в обнаружении посредствующих звеньев, через которые и благодаря которым противоречие живет, осуществляется, т. е. противоположности совпадают друг с другом, переходя друг в друга. Квантовая механика сегодня стоит как раз на пороге теоретического разрешения основного противоречия своего предмета, своей основной антиномии — противоречия между волной и корпускулой. Каждая наука (или ее большой раздел) всегда рано или поздно стоит перед своей основной

антиномией, разрешение которой придает ей систематическую форму и теоретическую завершенность.

Представители современного естествознания специально подчеркивают это обстоятельство. Например, в теоретической биологии, отмечают советские ученые, «умение выделить в системе элементы, особенности, которые бы являлись противоположностью, опосредованной промежуточными звеньями, является важнейшим требованием применения общего системного подхода к исследованию биологических явлений»¹. Такую же картину *перехода* противоположностей рисует и современная химия: «Переходное состояние лишь в первом приближении описывается путем, образно говоря, стягивания в одну структуру исходных и конечных продуктов. Движение химического познания вглубь разбивает процесс химического взаимодействия на отдельные этапы, промежуточные звенья, которые и входят в описание истинных переходных состояний»².

Таким образом, подчеркивание опосредованной структуры реальных противоречий предмета — факт, с которым в методологическом исследовании невозможно не считаться и который нельзя обходить молчанием.

Ф. Ф. Вяккерев ставит, на мой взгляд, глубокий вопрос о необходимости преодоления противопоставления друг другу двух формул «в одном отношении» и «в разных отношениях» для

¹ А. М. Чернух, П. Н. Александров, О. В. Алексеев. Микроциркуляция. М., 1975, стр. 407.

² Ю. А. Жданов. Узловое понятие современной теоретической химии. «Вопросы философии», 1977, № 1, стр. 109.

правильного понимания сущности диалектического противоречия. «Налицо две крайние и, как нам представляется,— пишет он,— односторонние позиции в истолковании категории противоречия. Правда, крайности не равноценные: точка зрения «в одном отношении» глубже и адекватнее отображает сущностный уровень диалектического противоречия. Но было бы ошибочным квалифицировать точку зрения «в разных отношениях» как ложную. Она тоже выражает важную сторону предметного противоречия. Перед нами знакомая ситуация, когда спор идет по принципу «или — или, а что сверх того — то от лукавого», но возникшая уже по отношению к самому диалектическому противоречию»¹.

Указание на то, что решение данной антиномии «следует увязывать с решением вопроса о структуре предметного противоречия», справедливо, но концепция структуры диалектического противоречия, предлагаемая автором, нуждается в дополнениях. Все, что говорит *Ф. Ф. Вяккерев* о диалектическом противоречии, не только не вызывает возражений, но является ценным и важным для понимания сущности диалектического противоречия. Однако этих положений недостаточно для того, чтобы сделать понимание диалектического противоречия полным.

Как и многие другие специалисты по диалектике, *Ф. Ф. Вяккерев* не включает в свою концепцию диалектического противоречия понятие промежуточных членов, или посредствующих звеньев. Без этого понятия самая интересная концепция представляется незавершенной, ста-

¹ См. настоящее издание, стр. 76.

новится весьма затруднительным различение диалектических и формально-логических противоречий *по форме, структуре*.

То, чем отличается диалектическое противоречие (при котором противоположные высказывания, понятия оба оказываются истинными) от формально-логического, — это промежуточные члены, опосредствующие связь противоположностей друг с другом.

Формальная логика еще устами Аристотеля показала непротиворечивость формы связи «в разных отношениях». Поэтому заслуга диалектики, диалектической логики заключается не в том, что она дала новое название хорошо известному еще в традиционной логике отношению, форме связи. Отношение, связь по формуле «в разных отношениях» в традиционной логике справедливо рассматривались как антитеза противоречия, которое непременно подчиняется формуле «в одном отношении». В понятии диалектического противоречия сохраняется формула «в одном и том же отношении» (поскольку оно есть именно противоречие), но вместе с тем в него включается и противоположная формула «в разных отношениях».

Формуле «в одном и том же отношении» подчиняются крайние члены диалектического противоречия, формуле «в разных отношениях» — промежуточные члены. Промежуточные члены (и в этом их особенность, специфика) сочетают в себе *отдельные свойства* противоположностей (но не сами противоположности), не являясь противоположностями.

Вот некоторые примеры.

Первый пример. Противоречие между законом стоимости, предполагающим обмен товаров

равных стоимостей, и законом прибавочной стоимости, который предполагает возрастание стоимости в результате обмена товаров (между владельцем рабочей силы и собственником капитала), опосредовано рабочей силой как товаром. Включение рабочей силы в товарно-денежное обращение привело к прямо противоположным результатам: закон стоимости стал непрерывно подвергаться самоотрицанию. Вследствие чего? Вследствие того, что рабочая сила опосредовала это непрерывное, постоянное превращение благодаря наличию *стоимости* рабочей силы (в одном отношении), подчиняющейся закону стоимости, и *потребительной стоимости*, т. е. способности создавать новую стоимость (в другом отношении), что привело к возникновению прибавочной стоимости и сделало возможным действие закона прибавочной стоимости.

Второй пример. В кибернетических устройствах самое общее отношение представляет собой отношение входа и выхода. Но эти противоположности (вход и выход) опосредованы *состоянием* системы (посредствующее звено), которое может иметь различную степень сложности и тем самым определять уровень взаимодействия противоположностей.

В свою очередь, состояние системы (внутреннее состояние) содержит в себе черты, определяемые входом, и свойства, определяющие особенности выхода, т. е. черты, представляющие собой *непосредственное единство* отдельных свойств противоположностей.

Третий пример. Настоящее есть промежуточное звено, опосредующее связь прошлого с будущим. В нем актуально содержатся отдель-

ные черты прошлого — результат прошлого (одно отношение), и потенциально будущее, а актуально лишь предпосылки будущего (другое отношение). То и другое образуют непосредственное единство.

Таким образом, мы получили следующую картину: диалектическое противоречие есть опосредованное промежуточными звеньями единство противоположностей, взятых в одно и то же время, в одном и том же отношении (и смысле).

Но здесь может возникнуть вопрос: не сводится ли диалектическое противоречие в конечном счете к непосредственному единству противоположных свойств, взятых в разном отношении на уровне промежуточного члена? Конечно, нет! Как известно из формальной логики, противоположные свойства «в разных отношениях» не находятся друг к другу в отношении противоречия. На уровне промежуточных членов противоречие исчезает. Диалектическое противоречие есть целостное единство крайних и промежуточных членов отношения, связи.

Но тогда возникает еще один вопрос: не представляет ли опосредованная связь этих противоположностей преформистский переход их друг в друга, не понимается ли такой переход как чисто количественный процесс? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Промежуточные члены противоречивого отношения отличаются друг от друга и от крайних членов противоречия качественно, так как сочетают в себе не противоположности в разном количестве, а просто различные свойства этих противоположностей.

Если обозначить крайние члены противоречивого отношения как A и B , то в системе промежуточных звеньев соотношение свойств распределяется так, что, чем ближе данное промежуточное звено к B , тем меньше у него свойств, общих с A , т. е. целый ряд свойств, присущих членам, примыкающим к A , *отсутствует* у членов, примыкающих к B . Это значит, что в B достигается полное (но не абсолютное) диалектическое *отрицание* A . Мелкий буржуа, который имеет наемного рабочего, но еще не может освободиться от необходимости выполнять труд рабочего, отличается от другого мелкого буржуа, который вообще не имеет наемных рабочих. Поэтому он ближе к капиталисту, в то время как другой ближе к пролетарию, хотя и не является пролетарием, будучи собственником. Мелкий буржуа занимает в буржуазном обществе промежуточное положение между пролетариями и капиталистами.

Если мы будем рассматривать другой аспект противоречия, то соответственно и система промежуточных звеньев будет иной. Так, связь между атомным весом химических элементов (количество) и их свойствами (качество) опосредована наличием протонов в ядре и электронной оболочки атомов. В изотопах такая связь опосредована уже не протонами, а нейтронами в ядре.

В заключение необходимо заметить, что анализ промежуточных членов как способ теоретического разрешения противоречий познания всегда осуществляется средствами специального, конкретного научного познания и поэтому зависит, говоря словами К. Маркса, от специфической логики специфического предмета.

О ПОНЯТИИ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ДИАЛЕКТИКЕ

А. А. Сорокин

Нам представляется, что в спорах о противоречии накопилось много путаницы и недоразумений, и прежде всего это относится к определению того, что такое противоречие. Широко распространено представление, согласно которому диалектика под словом «противоречие» имеет в виду нечто совершенно иное, нежели традиционная логика, что речь идет о разных вещах, и поэтому между логикой (в традиционном смысле этого слова) и диалектикой нет и не может быть никаких споров и расхождений по поводу противоречия и его роли в мышлении, во всякой деятельности человека.

Между тем с этим мнением трудно согласиться. Попытка обособления «диалектических» противоречий от «логических» приводит к ряду затруднений. Дело не только в том, что согласно известному определению диалектика и есть логика Гегеля и марксизма¹ и поэтому исключение «логических» противоречий из диалектики должно представляться странным. Признание того, что диалектические противоречия есть какие-то особые противоречия, отличные от тех, о которых говорит логика, приводит к тому, что

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 301, 321.

сама диалектика из теории всеобщих определений действительности и мышления о ней превращается в рассуждение о некоторых особых формах ее существования, в частности не о противоречии вообще, а об особом «диалектическом» противоречии. Это похоже на то, как если бы кто-то стал утверждать, что диалектика занимается не анализом категорий качества, количества и их отношения друг к другу, а лишь рассмотрением какого-то особого «диалектического» качества и т. д.

В обыденном словоупотреблении «противоречием» называют столкновение отрицающих друг друга и потому несовместимых определений одного и того же предмета. Именно из этого понимания противоречия исходит Аристотель, формулируя тезис о недопустимости противоречий в мышлении (или в рассуждении, здесь это одно и то же). «Назовем противоречием,— пишет он,— тот случай, когда утверждение и отрицание противостоят друг другу»¹. «...Там, где одно мнение противоположно другому, имеется противоречие...»² Смысл «самого достоверного из начал», устанавливаемого Аристотелем, состоит в том, что противоречий в мышлении не должно быть, так как их нет в самой реальной действительности. Если согласиться с мнением, что обо всем можно нечто утверждать и отрицать одновременно, то теряется всякая определенность, разрушается наука и вообще всякая деятельность человека. Аристотель (а вслед за ним и вся традиционная логика) не отрицает того, что люди часто противоречат друг другу и себе самим, но в факте

¹ Аристотель. Об истолковании. СПб., 1891, стр. 27.

² Аристотель. Соч. в четырех томах, т. 1, стр. 125.

противоречия он видит только свидетельство ошибочности рассуждения, его несоответствия действительности (которая сама по себе непротиворечива) и ничего более.

Существенно иное отношение к противоречию и иное понимание его имеет место в диалектике Гегеля и марксизма. Диалектика, как известно, есть учение о том, как «бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*»¹, учение о противоречии «*в самой сущности предметов...*»². При этом под «противоречием» имеется в виду то же самое, что и в традиционной логике, идущей от Аристотеля (мы не будем сейчас говорить об известных колебаниях его в вопросе о противоречии при определении возможности и случайности). Когда мы утверждаем тождество противоположных определений, их внутреннее единство, то тем самым высказываем противоречие, ибо противоположности, по определению, исключают друг друга и друг с другом не совместимы. «...Если вещи присуща противоположность,— пишет Энгельс,— то эта вещь находится в *противоречии* с самой собой; то же относится и к выражению этой вещи в мысли»³.

Поэтому никакого принципиального расхождения между диалектикой и логикой (в обычном смысле этого слова, т. е. как науки о правилах рассуждения) в употреблении термина «противоречие» нет. Противоречия, о которых говорит диалектика,— это вовсе не какой-то особый класс (или род) противоречий, принципиально отличный от «противоречий», о которых

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 98.

² Там же, стр. 227.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 640.

говорит логика, а одна и та же реальность. Но это не означает, что *понимание* этого «одного и того же» в обоих случаях одинаково.

Спор о противоречии, о его роли и значении имеет длительную историю в философии и продолжается до сих пор, в том числе и в нашей литературе. Спор имеет место между различными философскими представлениями о противоречии, а не между философией и наукой (современной формальной или математической логикой), как пытаются представить некоторые авторы. И разрешить этот философский спор о противоречии можно лишь при условии признания, что речь идет не о разных вещах, а об одном и том же.

Если же считать, что термин «противоречие» в диалектике употребляется в каком-то совершенно особом смысле, не имеющем ничего общего с тем, что понимается под «противоречием» в логике, то вся полемика диалектической логики с традиционной оказывается основывающейся «на одних недоразумениях». И если Гегель вступил в спор с логикой по поводу противоречия, то это якобы только потому, что он «не понял» смысла ее утверждений, или потому, что слово «противоречие» он употреблял в каком-то «другом смысле», правда не замечая этого. В обоих случаях проблема исчезает, и Гегель выглядит весьма неприглядно — то недостаточно образованным человеком, то просто жалким путаником и софистом.

Сочиняется легенда о какой-то «гениальной ошибке» Гегеля относительно традиционной логики, оказавшей влияние на Маркса, Энгельса и Ленина. С этой точки зрения представляется возможным сочетать учение диалектики о

противоречиях с пониманием противоречия в традиционной логике и философии. «Мы признаем противоречия,— пишет А. Шафф,— но мы признаем и закон исключенного противоречия. Это звучит парадоксально, но это только видимость, так как мы применяем слово «противоречие» дважды, но каждый раз в различном значении»¹.

При этом остается неясным, зачем нужно создавать такую видимость и называть одним словом совершенно различные вещи.

При подобном различении весь спор диалектической логики с традиционной формальной логикой ликвидируется, так как он оказывается надуманным, словесным. Кажется, что люди говорят различные вещи об одном и том же, а на самом деле речь идет о разных вещах. И если спор возникает, то только по недоразумению, вследствие нарушения «закона тождества» (еще одного «самого очевидного из всех начал»), потому что одним словом люди называют разные вещи, а думают, что говорят об одном и том же. Выход из такой ситуации один — договориться о более строгом и однозначном определении слов, и прежде всего термина «противоречие», т. е. провести соответствующее различение, и все станет на свои места. В этой связи и предлагается говорить в одном случае о «диалектическом» противоречии, а в другом (чтобы избежать путаницы) о «логическом» противоречии или просто противоречии.

Слабость этой позиции обнаруживается прежде всего в том, что становится совершенно не

¹ «Deutsche Zeitschrift für Philosophie», 1956, № 3, S. 346.

ясным, что же имеют в виду под «диалектическим» противоречием. Попытки как-то обособить его от того, что имеется в виду под словом «противоречие» в логике и в обыденном словоупотреблении, приводят к тому, что становится вообще непонятным, почему «диалектическое» противоречие называют «противоречием». Иногда говорят, что диалектическое противоречие, в отличие от формально-логического (или просто логического), есть противоречие в «разных отношениях». Но если нечто утверждается в одном отношении, а отрицается в другом, то о каком же противоречии здесь может идти речь? Иногда говорят, что диалектические противоречия — это те, которым соответствуют противоречия самой действительности, а логические — это те, которым в действительности ничего не соответствует. Но, во-первых, определить, объективно ли то или иное противоречие, часто бывает весьма затруднительно, а во-вторых, непонятно, почему термином «логическое» мы должны определять такие противоречия, которым в действительности ничего не соответствует, а противоречия, отражающие реальную противоречивость действительности, мы не должны характеризовать как логические. Тут просто происходит перевертывание в употреблении термина: логическим оказывается противоречие, ничего не отражающее, а противоречие высказываний, отражающее реальное противоречие, перестает быть «логическим».

Если же мы считаем, что по форме высказываний объективное (другими словами «диалектическое») противоречие от логического ничем не отличается, т. е. те противоречия, о ко-

торых говорит диалектика, и есть логические противоречия (а логические или теоретические противоречия, которые естественным образом возникают в истории науки, и есть «диалектические» противоречия, так что не надо двух слов, это одно и то же), то только в этом случае и встает реальный (а не надуманный) вопрос об отношении диалектического понимания противоречия в мышлении к традиционному пониманию, весьма распространенному и в настоящее время.

Расхождение между диалектическим и недиалектическим пониманием противоречия начинается с объяснения того, каким образом возникают противоречия в составе знания, что является их причиной и каково должно быть наше сознательное отношение к факту их появления.

Традиционная логика, которую мы рассматриваем как определенную философскую интерпретацию мышления, на что она и сама претендовала, выдвигает идеал «правильного» (другими словами, логичного, научного) мышления, в составе которого противоречий «не должно быть», потому что всякое противоречие истолковывается ею как результат произвольного «нарушения» законов мышления (закона тождества и непротиворечия). При этом предполагается возможность такого состояния, когда мышление будет настолько дисциплинированным в логическом отношении, что никогда не будет наказываться противоречием, разрушающим определенность и однозначность знания.

Мы не будем здесь иронизировать по поводу «законов», которые при ближайшем рас-

смотрении оказываются всего лишь некоторыми должноствоаниями (или нормами), почему-то часто нарушаемыми в реальном мышлении, так что в результате трудно определить, что является нормой — соблюдение этих законов или их нарушение. Мы хотим просто обратить внимание на то, что выдвигаемый идеал непротиворечивого мышления никогда не был достигнут в истории науки и вовсе не потому, что люди, занятые в науке, не стремились в достаточной степени рассуждать логично и правильно. Противоречия обнаруживаются в теоретических построениях наиболее выдающихся умов, являющихся для всех образцом научной строгости. Да и в самих трактатах по логике, где обосновывается недопустимость противоречий, противоречия встречаются довольно часто.

Вся многовековая история познания являет нам картину постоянного столкновения противоречащих друг другу утверждений, концепций и т. д., картину постоянного борения мысли со своими собственными представлениями. И осознание этого факта обязывает к более серьезному осмыслению вопроса о противоречиях в мышлении, к изменению наших представлений о его законах, о том, что должно быть и чего быть не должно.

Когда традиционная (т. е. недиалектическая) логика говорит, что в мышлении противоречий «не должно быть», то в этом выражается тот реальный момент, что обнаруживающееся противоречие ставит под сомнение истинность существующего знания, лишает его однозначной определенности и тем самым побуждает к его преобразованию. В случае противоречия, с одной стороны, говорится что-то

одно, а затем о том же самом говорится что-то другое, несовместимое с первым. Поэтому и возникает неопределенность и неясность. С одной стороны, мышление нужно для того, чтобы выработать единое и целостное представление о том или ином предмете. Но появляющееся противоречие как раз и разрушает целостность (единство) знания, так как одно утверждение оказывается фактически несовместимым с другим и вместо согласования получается взаимное исключение. Отсюда и возникает естественное стремление как-то «избавиться» от противоречия, разрешить его и восстановить единство знания.

Противоречие действительно выполняет разрушительную функцию. В утверждении этого момента традиционная логика права, и против этого диалектика не возражает. Она только утверждает, что этим дело не ограничивается и что противоречие является условием дальнейшего развития существующего знания, обстоятельством, без учета которого нельзя понять деятельность мышления. Позиция диалектики весьма далека от иррационалистической апологетики антиномичности мышления, от того, чтобы в противоречии в его непосредственной форме, т. е. в столкновении тезиса и антитезиса, видеть некий идеал и высшую форму отражения действительности. Справедливости ради надо отметить, что иногда в спорах о противоречии некоторые из диалектиков высказывались таким образом, что оказывались, сами того не желая, апологетами антиномичности и иррациональности. Нам представляется, что такая диалектика — весьма далекая от гегелевской — заслуживает самой серьезной критики.

Гегель прямо отмечает, что на противоречии дело кончиться не может и что всякое противоречие должно быть *разрешено*¹. В утверждении этого момента он видел правильность обычного представления о противоречии. Это и понятно, ибо иначе противоречие не было бы движущей силой развития. К этому можно добавить и то обстоятельство, что классики марксизма, критикуя те или иные концепции, всегда вскрывали их внутреннюю, т. е. непосредственно скрытую, противоречивость и видели в этом выражение неполноты и ошибочности данных теоретических концепций, а, с другой стороны, в составе своих теорий — экономических, политических, философских и т. д. — показывали, как разрешаются самые фундаментальные противоречия общественного сознания и практики.

Несомненно, что в процессе анализа научного знания, в решении проблем его обоснования большое значение имеет доказательство непротиворечивости теории. И поэтому когда современная (математическая) формальная логика разрабатывает методы выявления противоречивости (или непротиворечивости) той или иной теоретической системы, то это оказывается весьма полезным для развития науки, и против этого диалектика ничего иметь не может.

Критику запрета противоречия в диалектике нельзя понимать как призыв к алогизму и антинаучности. Диалектика, по определению Гегеля и Ленина, тем отличается от софистики и эклектики, что занимается не нагроможде-

¹ См. Гегель. Энциклопедия философских наук, т. 1, стр. 280; см. также Гегель. Наука логики, т. 2. М., 1971, стр. 57.

нием искусственных противоречий — это вполне успешно делает метафизика с ее стремлением «избежать» противоречий, — а выявлением и строго объективным разрешением реальных противоречий знания и выражаемой в нем действительности¹. Хорошо известно, что Гегель был защитником подлинного рационализма и свою диалектику рассматривал как *логику* развития мышления (знания). Гегель критиковал современную ему науку и характерный для нее метод мышления не с точки зрения каких-то внешних науке принципов, а именно с точки зрения самой науки в интересах ее дальнейшего развития. И эта линия полностью сохраняется в марксистской философии.

История политической экономии со всей ясностью показывает, что развитие теоретического наследия классической буржуазной политической экономии, решение проблем, которые остались нерешенными в составе концепций А. Смита и Д. Рикардо, возможно только на основе диалектической логики, важнейшим принципом которой является признание противоречия движущей силой («душой») развития. Поэтому вряд ли можно согласиться с теми критиками гегелевской диалектики, которые рассматривают ее как критику научности вообще². Когда говорят, что «наука не терпит противоречий», и думают этим опровергнуть гегелевскую критику запрета противоречия, то как раз не учитывают того момента, что позиция диалектики состоит не в том, чтобы «терпеть» противоречия, а в том, чтобы их разрешать.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 99.

² См. К. С. Бакрадзе. Система и метод философии Гегеля. Тбилиси, 1958, стр. 299—300.

Если старая логика рассматривает противоречие как результат недостаточной строгости рассуждения, как что-то случайное и внешнее по отношению к логическим нормам и их реализации, то диалектика утверждает, что противоречие возникает с необходимостью при самом строгом соблюдении всех исторически развитых норм мышления, его появление не зависит от чьей-либо воли. Самое логичное мышление естественным образом впадает в противоречие со своими собственными определениями и с действительностью. С четкого осознания этого момента и начинается собственно диалектическая позиция в вопросе о противоречии.

Всякое мышление есть различение тождественного (единого) и отождествление различного, т. е. деятельность, выявляющая и разрешающая противоречия.

Когда говорят, что противоречий в мышлении «не должно быть», то это верно в такой же степени, как и прямо противоположное утверждение, а именно, что противоречия всегда есть в мышлении и в науке и, следовательно, «должны быть». Без противоречий и тех проблем, которые в связи с ними встают, никакого мышления не бывает. Мышление ученого, конструктора, инженера и т. д., всякая творческая деятельность есть выявление и разрешение противоречий. Никто не может указать какую-нибудь науку, где не было бы споров, т. е. противоречий. И никакая логика не может выработать правила, строгое соблюдение которых гарантировало бы мышление от противоречия. Ибо противоречия, исторически выявляемые в науке, носят объективный характер, суть выражение противоречий самой действительности.

В старой логике отношение к противоречию было чисто негативным. Оно рассматривалось не как форма развития знания, не как принцип деятельности мышления, а скорее как форма разрушения знания, как форма *не-знания*, как выражение заблуждения, как граница «правильного» мышления. Если же мы признали противоречие не чем-то случайным в составе рассуждения о действительности, а естественной и необходимой формой его деятельности, то при таком понимании противоречие становится важнейшей проблемой логики как теории мышления и творческой деятельности вообще.

Можно даже согласиться с тем, что в случае возникновения противоречия как бы «нарушается» нормальный ход мышления и возникают определенные затруднения и проблемы. Но все дело в том, что это «нарушение» не внешне ходу рассуждения, а имманентно ему и как такое вполне нормально. Поэтому всякие субъективистские объяснения возникновения противоречий и столь же субъективистские рецепты избавления от них как раз и не могут справиться с решением главной задачи — действительным разрешением противоречий.

Разумеется, в результате чисто произвольного и для развития науки случайного несоблюдения («нарушения») исторически сложившихся норм мышления тоже могут возникать противоречия. Но такого рода противоречия, встречающиеся иногда в научных текстах и вычислениях, просто устраняются в результате проверки и как таковые вовсе не являются действительными противоречиями науки. Они не представляют никакого общественного интереса. Иногда говорят, что формальная логика за-

прецедент именно такие противоречия, возникающие в силу чисто субъективных и случайных обстоятельств. Но с этим вряд ли можно согласиться. Для традиционной логики всякое противоречие в рассуждениях случайно и всякое противоречие есть выражение «неправильности» мышления. Никаких диалектических противоречий она не признает и ничего о них не знает.

Подлинное доказательство плодотворности диалектической постановки вопроса о противоречии может состоять лишь в том, что на основе признания противоречия формой развития знания (мышления) будет построена конкретная теория, раскрывающая логический механизм творческой деятельности ученого. Это обстоятельство имеет в конечном счете решающее значение. Признавая противоречие принципом (законом) развития знания, диалектическая логика обязывает обратиться к анализу творческой деятельности мышления.

Противоречие всегда ставит перед мышлением определенную *проблему* и является не только выражением недостаточного развития знания, но и условием его дальнейшей деятельности. Без осмысления противоречия как внутреннего принципа деятельности мышления, благодаря которому оно становится *активным и сознательным поиском, реализующим определенные исследовательские задачи*, нельзя понять процесс развития теоретических представлений, выдвижение идей и гипотез, структуру научных теорий.

Научное знание начинается с критики непосредственно-практического знания той или иной сферы реальности, с выявления в составе

этого знания противоречий и их разрешения. И никакого другого способа сформулировать адекватные действительности теоретические понятия и прежде всего исходное *всеобщее* понятие науки, кроме как выведения их в процессе критики знания с точки зрения действительности, нет. Поэтому Гегель и говорил, что противоречие — «корень всякого движения и жизни...»¹. Через выявление противоречия в составе представлений происходит самоотрицание знания, его коренное, качественное преобразование.

Пытаться как-то специально доказывать, что противоречия в составе теоретических определений действительности есть нечто такое, с чем постоянно приходится иметь дело людям, занятым развитием науки, и что с решением этих противоречий и тех проблем, которые они в себе заключают, связана эта деятельность, — значило бы попросту ломиться в открытую дверь. Для огромного большинства ученых и вообще людей творческого труда (в области искусства, политики и т. д.) это вполне *очевидно*.

Проблема состоит в осмыслении причин возникновения противоречий в мышлении и творческой деятельности вообще, их функций и способа разрешения. В анализе этих вопросов возникают определенные трудности и разногласия. В нашей литературе в наиболее остром виде эти трудности и разногласия выявились в связи с обсуждением вопроса об отношении марксистской диалектики к тому пониманию «противоречия», которое имеет место в традиционной логике.

¹ См. Гегель. Наука логики, т. 2, стр. 65.

Не случайно, что этот вопрос стал предметом обсуждения и здесь, в данной книге.

Решение, предлагаемое некоторыми участниками дискуссии, сводится к тому, что открывается *особый тип* противоречий мышления, неизвестный традиционной логике, а именно «диалектическое» противоречие, обладающее своеобразной структурой и формой выражения в языке. Благодаря этой особенности такое противоречие вовсе не является противоречием в смысле традиционной формальной логики, и поэтому принцип недопустимости противоречий, выдвигаемый в этой логике, к нему никакого отношения не имеет. Формальная логика утверждает, что противоречий не должно быть в научной теории, а диалектика — что без противоречий никакого мышления не бывает. Обе они правы, поскольку каждая говорит о «своих» противоречиях. Некоторые авторы столь усиленно стремятся подчеркнуть отличие диалектических противоречий от формально-логических, что невольно возникает вопрос — правомерно ли вообще те и другие называть *общим словом*, а не пытаться установить какое-то существенное отношение между ними.

Итак, вопрос упирается в выяснение того, что такое «диалектическое противоречие».

Многие употребляют термин «диалектическое противоречие» как что-то вполне понятное и не затрудняют себя объяснениями. Между тем попытка выяснить, что же они называют этим словом и в чем видят отличие диалектического противоречия от недиалектического, приводит к выводу, что вопрос этот не простой и не очевидный, а те попытки отличения одного от другого, которые предлагают некоторые

участники дискуссии, представляются неудачными. Разобраться в этом вопросе тем более необходимо, что, насколько нам помнится, ни в работах Гегеля, ни у Маркса, Энгельса и Ленина термин «диалектическое противоречие» почти не употребляется. Они пишут просто о противоречии.

Разумеется, их *понимание* противоречия существенно отлично от того, которое имелось в предшествующей философии и которое остается весьма распространенным и в наше время, в частности среди некоторых методологов науки.

Вопрос состоит в следующем — правильно ли думать, что под противоречием в марксистской диалектике имеется в виду какой-то *особый класс (или вид)* противоречий, который и следует обозначать специальным термином.

Именно на утверждении этого и строятся рассуждения некоторых участников данной дискуссии. Разберем их аргументацию.

Тезис о том, что диалектическое противоречие и формально-логическое — «различные по своей сущности противоречия», — защищает *З. М. Оруджев*.

«С точки зрения марксистско-ленинской философии, — пишет он, — диалектическое противоречие есть по существу опосредованное промежуточными ступенями отношение различий и противоположностей... в то время как формально-логическое противоречие есть непосредственное отношение исключаящих друг друга противоположных утверждений». «Формально-логические противоречия в объективной действительности не имеют места и справедливо запрещаются в сфере мышления логикой». «Диа-

лектические противоречия составляют главное содержание мышления».

Таким образом, автор исходит из того, что в реальной действительности не может быть непосредственного отношения исключających друг друга противоположностей. В подтверждение своей точки зрения он ссылается на высказывания классиков марксистской философии и, в частности, отмечает, что «с точки зрения Маркса, противоположности недопустимо непосредственно отождествлять друг с другом, поскольку они связаны между собой посредствующими звеньями, которые необходимо находить и анализировать»¹.

Прежде всего нам кажется неоправданным то противопоставление непосредственного и опосредованного единства противоположностей, которое содержится в предлагаемом *З. М. Оруджев* различии диалектических и формально-логических противоречий. Ведь с точки зрения диалектики противоположности могут при известных условиях переходить друг в друга: непосредственное отношение превращаться в опосредованное, а опосредованное — становиться непосредственным. Если *З. М. Оруджев* с этим согласен, то не означает ли это, что формально-логическое противоречие (непосредственное единство противоположностей) может превращаться в диалектическое, которое автор определяет как *опосредованное* единство противоположностей, а диалектическое — в формально-логическое? Но если согласиться с этим выводом, а он, как нам кажется, неизбежно следует из данных *З. М. Оруджев* определений

¹ Настоящее издание, стр. 88.

при условии признания взаимоперехода непосредственного и опосредованного, то как же быть с положением, что диалектические и формально-логические противоречия *различны по своей сущности?*

Кроме того, хорошо известно, что, анализируя товар, К. Маркс говорит о «непосредственном единстве» его противоположных определений — стоимости и потребительной стоимости, — о их «непосредственном противоречии»¹. А в дальнейшем анализе показывает, как это непосредственное противоречие становится все более и более опосредованным.

Поэтому утверждения автора, будто К. Маркс считал недопустимым непосредственно отождествлять противоположности, представляются нам неточными, а критерий отличения диалектического противоречия от формально-логического неудачным. Ведь не будет же *З. М. Оруджев* утверждать, что *непосредственное противоречие* товара, о котором говорит К. Маркс, является формально-логическим и, следовательно, не имеющим места в действительности.

Иной критерий отличения диалектических противоречий от недиалектических предлагает *Ф. Ф. Вяккерев*. Он считает, что общей схемой формально-логического противоречия является одновременное утверждение некоторого тезиса (А) и вместе с тем утверждение ложности этого тезиса (неверно, что А). Ему кажется, что такое определение позволяет считать непротиворечивыми (в смысле формальной логики) высказывания, выражающие диалектическую противоречивость действительности. Напри-

¹ *К. Marx. Das Kapital. Bd. 1. Hamburg, 1867, S. 44.*

мер, если вы говорите «капитал возникает и не возникает в обращении», или «движущееся тело теперь находится и не находится здесь», то никакого формально-логического противоречия здесь нет. Противоречие будет лишь тогда, когда вы говорите вместе с тем «неверно, что капитал возникает и не возникает в обращении», «неверно, что движущееся тело теперь находится и не находится здесь»¹. Вроде бы решение вопроса найдено: формальная логика с ее принципом недопустимости противоречия сохранена и диалектика спасена, так как «диалектическое» противоречие совсем не является противоречием с точки зрения формальной логики.

Однако при ближайшем рассмотрении это решение оказывается, с нашей точки зрения, также неудачным.

Прежде всего отметим — и *Ф. Ф. Ваккерев*, видимо, с этим согласится, — что высказывания, в которых субъекту приписываются противоположные предикаты («возникает и не возникает», «находится и не находится» и т. д.) и которые обычно признаются выражающими «диалектическую» противоречивость явлений, вряд ли могут быть признаны в качестве таковых, независимо от их отношения к предмету и тому теоретическому контексту, в котором эти высказывания имеют место. «Солнце существует и не существует» — диалектическое это противоречие или нет? Вопрос смешной. А между тем высказывание это полностью соответствует тому, что считается обычно выражением «диалектического» противоречия.

¹ См. настоящее издание, стр. 74.

Кроме того, легко показать, что такого рода высказывания могут быть *сведены* (по крайней мере иногда) к схеме «*A* и неверно, что *A*». Все зависит от контекста, в котором эти высказывания делаются. Так, меркантилисты считали, что капитал (прибавочная стоимость) возникает только в обращении и вне обращения возникнуть не может. В противоположность этому физиократы считали, что капитал возникает только в производстве (сельскохозяйственном труде), а не в процессе обмена. Поэтому с точки зрения тех и других формула «капитал возникает и не возникает в обращении» *равным образом* противоречива, и именно в том смысле, в каком *Ф. Ф. Вяккерев* определяет «формально-логическую» противоречивость.

Но данная формула может оцениваться как противоречивая, опять-таки в том же самом смысле, не только с позиции теоретических представлений физиократов или меркантилистов, но и с точки зрения той концепции, в составе которой она выдвигается. Все зависит от конкретного содержания теории. Сама по себе эта формула ничего не говорит о том, имеем ли мы дело с подлинно научным пониманием реальных отношений или с обыкновенной путаницей и эклектикой.

Формула «капитал возникает и не возникает в обращении» имеется в «Капитале» К. Маркса. Означает ли это, что его концепция капитала — просто смесь меркантилистских и физиократических представлений? Нет, конечно. Дело в том, что Маркс обосновывает *необходимую связь* противоположных, непосредственно исключających друг друга определений. Взятые обособленно друг от друга, эти опре-

деления столь же истинны, сколь и ложны, и только *в единстве* друг с другом, конкретное содержание которого раскрывается *в теории* и отнюдь не сводится к простому «и», эти противоречащие друг другу определения оказываются *истинными* определениями самого предмета. Поэтому в составе марксовой теории формула «капитал возникает и не возникает в обращении» не может рассматриваться просто как соединение принципиально несоединимого и в этом смысле как «логически» противоречивая, хотя она включает в себя утверждение и отрицание одного и того же и, взятая *непосредственно*, должна рассматриваться как логически противоречивая. Все дело в конкретной связи утверждения и отрицания, в том контексте, в котором они имеют место. Разумеется, если на теорию Маркса смотреть глазами вульгарной политической экономии, то она будет представляться сплошным и явным логическим недоразумением.

С другой стороны, несомненным оказывается и то, что «формально-логическое» противоречие, как его определяет *Ф. Ф. Ваккерев*, может выражать *реальную* противоречивость действительности. Например, представления меркантилистов (*A*) и отрицающие их представления физиократов (неверно, что *A*) отражали реальное («диалектическое») противоречие капитала, причем так, как это только и было возможно в определенных исторических условиях. С точки зрения дальнейшего, более конкретного понимания капитала это «отражение», конечно, неполно и неточно, но без него не было бы возможным и более развитое понимание. В логических (теоретических) противоречиях

науки выражается реальное противоречие действительности.

С точки зрения *Г. С. Батищева*, многие так называемые конфликты между диалектикой противоречий и формальной (и математической) логикой объясняются тем, что он называет «овеществлением знания». Если это овеществление и «все сопровождающие его привычки и стереотипы» преодолеть, то вопрос об отношении диалектики к принципу непротиворечия получает ясное и правильное разрешение. Я не очень понял, что именно имеет в виду *Г. С. Батищев* под «овеществлением знания» и какова природа этого явления, однако его собственная трактовка вопроса об отношении «диалектики противоречий и формальной логики» вызывает у меня некоторые вопросы и недоумения.

В книге «Противоречие как категория диалектической логики» *Г. С. Батищев* истолковывает принцип непротиворечия как закон опредмечивания деятельности мышления в языке и в этой связи выступает против «онтологизаторского» толкования этого закона и формальной логики вообще, против того мнения, согласно которому «законы, формулируемые формальной логикой, суть законы самого мышления». «Научное знание, изложенное в книгах и т. п., — пишет он, — непосредственно предстает в своем терминологическом и знаковом (символическом) выражении, т. е. как выполненное в языке». Выражение мышления в «языковой материи» подчиняется определенным законам — «к числу таких законов и относится так называемый закон, или принцип, непротиворе-

чивости, а также другие формально-логические законы»¹.

Такая трактовка закона непротиворечия и предмета традиционной логики вообще мне представляется не вполне оправданной, и прежде всего она явно расходится с пониманием принципа непротиворечивости в самой традиционной логике. Ведь хорошо известно, что принцип непротиворечия формулируется Аристотелем и всей традиционной логикой не просто как правило (или закон) выражения мысли в языке, а как правило *рассуждения* о вещах, как норма мышления. Между тем, с точки зрения *Г. С. Батищева*, получается, что к мышлению традиционная логика никакого отношения не имеет. Не означает ли это, что нам надо признать, что вся трактовка предмета логики и принципа непротиворечия в частности, начиная от Аристотеля и кончая Гегелем, была *некомпетентной*?

Вместе с тем непонятно, почему законом опредмечивания мышления в языке выступает именно принцип непротиворечия? Из каких именно «специфических свойств» языка он вытекает? К сожалению, по этим вопросам в книге *Г. С. Батищева* никаких разъяснений нет.

Трудности, возникающие перед концепцией *Г. С. Батищева*, усугубляются, как мне кажется, тем, что он признает и обосновывает противоречивый характер развития мышления. Но если мышление противоречиво, то может ли оно быть адекватно выражено в языке, если в качестве закона выражения мысли в языке признается *непротиворечивость*? Не оказывается

¹ *Г. С. Батищев*. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963, стр. 17.

ли в таком случае язык принципиально ограниченной формой «опредмечивания» мышления?

Те ответы, которые предлагает *Г. С. Батищев* на эти вопросы, мне представляются неубедительными. Обсуждая вопрос о выражении «диалектического противоречия» в языке, он приходит к выводу, что «диалектическое противоречие необходимо должно быть высказано в формальной антиномии и столь же необходимо — не в формальной антиномии». При этом формальная антиномия определяется им как термин для обозначения «столкновения предложения (высказывания) и его прямого, непосредственного отрицания», феномена «чисто терминологического, языкового».

Если согласиться с этими утверждениями, то мне становится совершенно непонятным, как же быть с *законом* непротиворечия, признаем мы его или нет? Сам же *Г. С. Батищев* в качестве закона выражения диалектического противоречия в языке признает *необходимость* «формальной антиномии», т. е. того самого «языкового» противоречия, которого *не должно быть* согласно принимаемому автором принципу непротиворечия. Разъяснений на этот счет в книге нет. Нам думается, что *все* существующие попытки размежевания «диалектического» и «логического» противоречия объясняются тем обстоятельством, что авторы их хотят, с одной стороны, сохранить в неприкосновенности традиционную формальную логику с ее тезисом о *недопустимости противоречий* в суждениях и вместе с тем оправдать учение диалектики о *противоречии* как форме развития знания. А это и приводит к поискам особых — «диалек-

тических» — противоречий, к тому, что Гегель иногда упрекается за «недостаточно четкое» определение *специфики* «диалектического» противоречия, непонимание, недооценку или даже «третирование» формальной логики.

Мы считаем, что решение вопроса об отношении диалектики к принципу непротиворечия традиционной логики на путях поиска особого — «диалектического» — противоречия *бесперспективно*. Никуда, кроме тупиков схоластики, оно завести не может. Решение вопроса возможно лишь на пути *критики* традиционного учения о противоречии, на пути определения действительного места противоречия в процессе мышления. Проблема состоит, с нашей точки зрения, не в том, чтобы спорить, «должны» или «не должны» иметь место в научном мышлении противоречия, они *есть*, несмотря ни на какие запреты, а в том, чтобы конкретно выяснить, как с возникновением и разрешением («снятием») этих противоречий связана сама творческая деятельность, т. е. построить *теорию* развития знания.

Принцип непротиворечия имеет смысл лишь как требование разрешения *всякого*, в том числе и «диалектического», противоречия. С этим диалектика вполне согласна. Мы уже отмечали, что Гегель видел в этом требовании «правильность» обычного представления о противоречии. Разумеется, понимание способа разрешения противоречия связано с *общим пониманием* его природы, причин его появления в мышлении. И здесь ясна марксистская позиция, согласно которой противоречия мышления суть *отражение* реальных, предметных противоречий.

ПРОБЛЕМА ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЛОГИКЕ

Э. В. Ильенков

С самого начала оговорим, что под термином «логика» мы имеем в виду науку о мышлении, науку о формах и закономерностях развития понятий, а не что-либо иное.

Это обстоятельство последнее время приходится специально оговаривать по той причине, что этот термин — и даже для обозначения «единственно-современной» и «единственно-научной» логики — нередко фигурирует в титулах книг и статей, посвященных совсем иному предмету, а именно «языку науки».

Соответственно речь тут идет о противоречии *в мышлении*, в процессе развития *понятий*, в процессе развития науки. Тем самым мы оставляем пока в стороне сугубо специальный вопрос о формах выражения противоречий развивающегося мышления в так называемом языке науки. Это — вопрос, заслуживающий всяческого уважения и внимательнейшего рассмотрения, но *другой*.

В логике, о которой мы ведем речь, рассматриваются вовсе не специфические формы выражения мышления в языке вообще, тем более в искусственном «языке науки», а формы самого мышления, понимаемого как «естественно-исторический процесс» (К. Маркс), реализующийся отнюдь не только в языке.

Разумеется, формы мышления выражаются (и осознаются) в языке, в формах языка, но не видеть принципиального отличия между тем и другим было бы грубейшей, а для специалиста по логике и вовсе непростительной, ошибкой. Знака равенства между формами мышления и формами выражения мышления в языке ставить нельзя, если, конечно, не стоять обеими ногами на почве того старинного философского предрассудка, согласно которому язык вообще (в самом широком смысле) есть та единственная «внешняя форма», в которой осуществляется, «проявляется», «эксплицируется», а потому и исследуется мышление. Тогда — да, тогда формы и нормы «языка» и есть единственно доступные наблюдению и изучению «формы мышления», его логические нормы. Однако предрассудок этот, как давно и хорошо известно, чреват печальными последствиями для науки о мышлении и, в частности, угрозой полного вырождения логики как науки, исследующей всеобщие и необходимые формы и законы мышления, в систему чисто-субъективных «правил», не имеющих и не могущих иметь никакого объективного основания и оправдания, а потому учреждаемых по любовному соглашению («конвенционально»); «логика» в таком толковании неизбежно превращается в нечто похожее на ту конвенцию, которую когда-то нарушил Паниковский. отождествление форм мышления с формами языка, под знаком которого логика разрабатывалась стойками и средневековыми схоластами, имело, конечно, свое историческое оправдание, которое кануло в Лету.

Гегель давно разделался с обрисованным предрассудком (хотя и не до конца, посчитав

«язык» если и не единственной, то все же первой, а посему и последней, высшей и адекватнейшей, формой «проявления силы мысли»). Гегель подорвал престиж этого предрассудка простым вопросом: а кто сказал, что мышление проявляет себя, обнаруживает свои формы только в языке, только в речи, только в говорении и в графическом изображении этого говорения? А разве в поступках, в деяниях своих, в актах формирования вещей, в созидании предметного тела цивилизации человек не обнаруживает себя в качестве мыслящего существа? Вопрос, пожалуй, чисто риторический. А если так, то почему мышление надлежит исследовать исключительно в вербальной форме его обнаружения?

Тут-то и был прочерчен рубеж между старой «логикой» и логикой действительно современной. Логика, по-прежнему желающая исследовать формы мышления, логические его формы, здесь впервые сознательно отделила себя от изучения словесных форм их проявления и тем самым впервые выделила логические формы и законы мышления в качестве предмета своих специальных забот и размышлений. Обрисованный выше принципиальный порок старой — чисто формальной — логики довольно четко осознавался не только Гегелем, но и многими его философскими оппонентами. Так, А. Тренделенбург констатировал тот факт, что традиционная логика осознала себя в языке и во многих отношениях может называться углубленной в себя грамматикой¹. В том же духе

¹ См. А. Тренделенбург. Логические исследования. М., 1868, стр. 32.

высказался на этот счет и Л. Фейербах: «Только метафизические отношения суть логические отношения, только метафизика, как наука о категориях, является истинной *эзотерической* логикой. Такова глубокая мысль Гегеля. Так называемые логические формы суть только *абстрактные элементарнейшие формы речи*; но речь — это не мышление, иначе величайшие болтуны должны были быть величайшими мыслителями»¹. Сказано грубовато, но совершенно справедливо.

Если логика есть наука о мышлении, то и исследовать в качестве своего эмпирического материала она обязана мышление во всех его проявлениях, в том числе, разумеется, и в словесном его выражении, в вербальной форме его проявления. Но и тут, как и везде, логика обязана обнаруживать логическую форму как таковую, форму мышления как таковую, во всей ее независимости от ее словесно-терминологических и синтаксических одеяний, от «внешней формы», каковой последние и являются.

Если логические формы обнаруживают себя не только в актах говорения об окружающем мире, но и в актах его действительного изменения, в практике человека, то практика оказывается критерием «правильности» логических фигур, управляющих речью человека, его словесно-оформленным самосознанием. Логические формы (схемы, фигуры) — это формы, в рамках которых совершается человеческая деятельность вообще, на какой бы предмет, в частности, она ни была направлена, будь то слова, вещи или события, исторические ситуации.

¹ Л. Фейербах. Сочинения, т. I. М.—Л., 1923, стр. 13.

И если какую-то фигуру мы обнаруживаем только в словесной форме протекания мышления и не можем обнаружить ее в реальных делах человеческих (в качестве их абстрактной схемы), то это говорит о том, что мы столкнулись вовсе не с логической формой, а всего-навсего с формой речи. Практика и для логики остается критерием истины, определителем, с логической формой мы имеем дело или нет.

Естественно, что при понимании логики как науки *о мышлении*, как о деятельности, которая реализуется не только в словах, не только в говорении и в графической записи этого говорения, но и (и даже прежде всего!) в делах, в актах изменения внешнего мира, в экспериментах с вполне реальными вещами, в процессе созидания предметов труда и преобразования отношений между людьми, дело начинает выглядеть существенно иначе, нежели в глазах сторонников старой, чисто формальной, логики, рассуждавших не столько о мышлении, сколько о способах связывания «субъекта с предикатами» в составе словесного «определения» вещи, о «конъюнкциях высказываний», взаимно зачеркивающих друг друга, и тому подобных ситуациях, имеющих скорее лингвистический, нежели логический характер.

С этой точки зрения именно *противоречие*, а вовсе не его отсутствие, оказывается той реальной *логической* формой, в рамках которой совершается действительное мышление, реализующее себя в виде развития науки, техники и «нравственности».

Поэтому-то Гегель и имел право высказать свое парадоксальное утверждение: «Противоречие есть критерий истины, отсутствие проти-

воречия — критерий заблуждения»¹. Поэтому он и имел право лишить пресловутый принцип «исключения противоречия» статуса *закона мышления*, статуса абсолютной и непрекаемой «нормы истины».

Гегель этим вовсе не зачеркивает старую формальную логику с ее требованиями, он «снимает» ее в составе более глубокого и серьезного понимания. В частности, он видит «рациональное зерно» так называемого запрета противоречия в том, что противоречием как таковым дело не кончается, ибо «противоречие» следует понимать *вместе с его разрешением*. Другими словами, принцип «исключения противоречия» справедливо толкуется тут как «предложение», абстрактно формулирующее реальный аспект действительного закона мышления, действительной логической формы. И этот действительный закон мышления заключается в том, что «противоположности» не просто фиксируются как таковые, сами по себе, вне связи друг с другом, а постигаются в их единстве, доходящем до тождества, причем как «противоположности», так и их «тождество» выступают как *взаимопредполагающие моменты перехода* одного в другое.

Вот этого-то, *перехода* от абстрактно-зафиксированных противоположностей к столь же абстрактно-зафиксированному единству (тождеству) их, как раз и не в состоянии уловить и выразить мышление, руководствующееся так называемыми законами мышления, излагаемыми в формальной логике. Вместо рационально-логического *перехода* от одного к другому оно

¹ Гегель. Работы разных лет, т. 1. М., 1970, стр. 265.

просто-напросто *перескакивает* через него с помощью нехитрых оборотов речи («с одной стороны» во всех вещах фиксируется тождество, а «с другой стороны» — различие, отсутствие тождества, противоположность... «В одном смысле» вещи тождественны, а «в другом смысле» — противоположны... В одном отношении дело обстоит так, а в «другом отношении» — прямо наоборот...).

Над этой старинной и очень живучей манерой совершать большие скачки от одной противоположности к другой там, где требуется искать, прослеживать и выражать *переход* от одного к другому, т. е. процесс *превращения* противоположностей друг в друга, необходимо заключающийся в каждой из них, в составе их собственных определений, Гегель иронизирует весьма ядовито.

Что поделаешь, если до многих «логиков» эта ирония не дошла и по сей день. Что поделаешь, если эти «логики», коим противоречие и до сих пор кажется преходящей болезнью мышления, аномалией, которую надлежит строжайшим образом из мышления изгонять, сами на одной странице говорят A , а на соседней (а то и на той же самой) странице — $\text{не-}A$, а от упреков в элементарной нелогичности спасаются заверениями, что это A они употребляют «не в одном и том же смысле», «в разных отношениях», то бишь под одним и тем же термином «имеют в виду» не только разные, но и прямо противоположные вещи.

Гегель установил, что пресловутый «запрет противоречия» для мышления (*для мышления!*) — не закон, а всего-навсего абстрактно сформулированное требование, никогда и нигде

в реальном мышлении (в развитии науки и техники) не осуществляющееся и не осуществимое именно по той причине, что в виде этого требования сформулирован не закон, а лишь один из противоположных аспектов реального закона мышления, не имеющий никакого смысла без другого — прямо противоположного — аспекта и выражающего его «логического» требования — требования постигать и выражать «не только тождество», «но также и различия», «точно также и противоположности» между вещами.

Диалектика реального развивающегося мышления заставляет считаться с собой и формальную логику, но она «считается» с диалектикой опять-таки на свой манер, соединяя несоединимое с помощью таких словесных оборотов, как вышеприведенные: «с одной стороны — с другой стороны»... Иногда эту манеру даже именуют диалектикой, а теорию, сию манеру мыслить оправдывающую, «диалектической логикой».

Диалектическая логика обязывает мышление совсем к иному, а именно к четкой фиксации (в том числе словесной) реальных противоположностей *внутри одного и того же* исследуемого предмета, во-первых. И это «во-первых» необходимо фиксируется с помощью четко отточенной терминологии как *противоречие*, абсолютно ничем не отличающееся по своей вербальной форме от так называемого формального противоречия, от конъюнкции *A* и *не-A*. Во-вторых же, поскольку на простой констатации «противоречия» дело не заканчивается, дальнейшее движение мысли заключается *не в устранении* зафиксированного противоречия

путем чисто лингвистических упражнений с терминами, входящими в состав «противоречивой конъюнкции», а в его *рациональном разрешении*, которое всегда заключается в отыскании *перехода* («превращения») противоположностей друг в друга, в выяснении всех «опосредующих звеньев» этого перехода. При этом необходимость указанного перехода должна быть обнаружена в составе каждой из взаимопревращающихся противоположностей и выражена в теоретических, терминологически-строгих определениях каждой из них. Что поделать, если объект, обозначенный знаком *A*, в себе самом, а не где-либо еще, заключает свое собственное «отрицание», свое «другое», свою противоположность — *не-A*.

Как иначе вы зафиксируете в языке реальную ситуацию, заключающую внутри себя, в своих необходимых «параметрах», свое собственное отрицание, необходимость превращения в свою собственную противоположность?

Если высшим достоинством языка науки считать его способность четко, строго и адекватно фиксировать в терминах реальную противоречивость «вещей», наличие в объекте взаимно предполагающих и одновременно взаимно отрицающих друг друга «моментов», в которых как раз и наличествует необходимость превращения данного объекта в другой объект, т. е. его «самоотрицания», то придется согласиться с тем обстоятельством, что соединение противоречащих определений в составе теоретического понятия (т. е. в составе развернутого теоретического понимания вещи, «сути дела») оказывается единственно-адекватной формой отражения объективной реальности в мышле-

нии человека, а стало быть, и в словесном выражении, в синтаксической конструкции «высказывания» таких ситуаций.

Реальное противоречие исследуемого объекта, если оно верно и точно осознано, отражено в мышлении, и «высказано» должно быть именно как противоречие. И реальный язык науки — естественноисторически развивающаяся терминология науки и ее «синтаксис» — достаточно гибок, чтобы в нем можно было выражать («высказывать») противоречия как противоречия, а не как их отсутствие.

Противоречие, как и любая другая логическая категория, есть не что иное, как отраженная в сознании человека (более или менее полно, точно и конкретно — это уже другой вопрос) всеобщая форма развития «бытия», т. е. естественно-природного и общественно-исторического развития мира вне сознания. Логические категории — это осознанные формы развития вообще. Разумеется, чем точнее, полнее и конкретнее они осознаны (и выражены в языке науки), тем «успешнее» они служат человеку в качестве логических категорий, в функции логических форм мышления, как всеобщие нормы его развития, а потому и в качестве логических схем индивидуально-осуществляемого мышления, теоретического осознания действительности.

С этим обстоятельством и связано известное положение В. И. Ленина о том, что диалектика (как учение о развитии вообще, в его всеобщей форме) и есть логика Гегеля и марксизма, и есть теория познания современного материализма, которую марксизм-ленинизм и предлагает современной науке.

Какой-либо иной логики, могущей выступать наряду с диалектикой, составлять ее «дополнение» или конкурировать с ней в борьбе за умы ученых, не существует, в силу того обстоятельства, что диалектическое понимание мышления (Логика с большой буквы) в составе своей концепции заключает, на правах частностей, все те «рациональные зерна», которые старая чисто формальная логика в себе содержала, но придавала им абсолютно непререкаемое значение «законов мышления».

Старая формальная логика была «снята» уже гегелевской концепцией, т. е. сохранена в ее рациональных моментах, очищенных от неадекватной формы их выражения, и похоронена в качестве самостоятельной науки, претендующей на роль «науки о мышлении», предписывающей этому мышлению абсолютно непререкаемые нормы «правильности». Да, действительно, формальная логика, на такую роль все-таки претендующая, с необходимостью становится в оппозицию к диалектике. И прежде всего по вопросу о противоречии.

За формальной логикой сохраняется в лучшем случае роль пропедевтическая, и В. И. Ленин поэтому советует преподавать эту «логику» в начальных классах средней школы. Разумеется, с теми поправками и ограничениями, которые лишают ее нехитрые правила значения абсолютных всеобщих «законов мышления», поскольку очерчивают границы, за пределами коих эти правила утрачивают свой непререкаемый характер. И, естественно, после радикального очищения от терминологических нагромождений, делающих подчас эту школьную дисциплину непостижимой не только для

школьника. Правила, обеспечивающие элементарную культуру *рассуждения* о «самых обычных отношениях вещей» (В. И. Ленин), не только можно, но и нужно излагать доступным для каждого человека «естественным языком». Изложенные и усвоенные таким образом рекомендации формальной логики (и в их числе правило, оберегающее от нелепых противоречий самому себе, от детской манеры перескакивать от одного категорического утверждения к прямо обратному без всяких объективных на то оснований) никогда не помешают человеку, когда он станет достаточно взрослым, видеть и «высказывать» противоречия, заключенные в вещах, в ситуациях и в речах, как своих собственных, так и чужих, не пугаясь этих противоречий и не стараясь от них избавиться за счет лингвистической ловкости.

Иное дело, когда этот «запрет противоречия» преподносится в качестве абсолютного, не знающего никаких исключений, «закона мышления» и потому столь же абсолютной нормы «речи». В таком случае это вполне законное требование превращается в запрет «высказывать» объективно-существующие противоречия, в требование их замалчивать, или, как выражается И. С. Нарский, «блокировать» их, т. е. отодвигать на периферию сознания, чтобы они не мешали предаваться спокойному рассуждению, которое этим превращается в рассуждательство.

Таким толкованием формальную логику действительно превращают в антагониста диалектики, в препятствие к ее усвоению. Формальная логика сама по себе в такой ее интерпретации, разумеется, несколько не виновата.

Формальная логика в наши дни, в лице наиболее здравых ее представителей, и не претендует на роль *науки о мышлении*, о законах, о формах *мышления*.

С диалектической концепцией противоречия иные полемизируют не просто от имени «формальной логики», а от имени «современной формальной логики» (и даже просто «современной логики»), имея в виду современную *математическую логику*.

На это следует заметить, что действительно современная математическая логика, в противоположность традиционной (догегелевской и даже докантовской) формальной логике, никогда не мнила себя *наукой о мышлении*. Математическая логика представляет собой очень специализированный раздел современной математики, специализированный настолько, что далеко не все профессионалы-математики знают в тонкостях ее язык и аппарат, приспособленный к решению некоторых строго определенных (а отнюдь не всех) специально-математических проблем.

Соответственно этому и ее правила («алгоритмы») никогда и не разрабатывались математической логикой в качестве правил-законов *мышления вообще*, коим математическая логика никогда не занималась (хотя иллюзии подобного свойства у некоторых математиков и возникали). Математическая логика всегда имела дело с теми схемами, которыми руководствуется мышление, занятое решением сугубо важной, но столь же сугубо специальной задачи — задачи чисто формального преобразования «высказываний» в ходе «исчисления высказываний», в процедуре чисто формального выве-

дения одних сочетаний знаков-символов из других сочетаний тех же знаков-символов. В связи с этим она и разрабатывает свои специальные правила введения новых знаков-символов, правила их определения через уже введенные знаки-символы, составляющие в своей совокупности технику корректного обращения со знаками-символами в процедурах чисто формального «исчисления», обеспечивающую «правильность» такого исчисления. Специфическим и единственным предметом изучения в математической логике являются знаки-символы и способы их соединения в знаковые конструкции («синтаксис»). К работе с этим весьма специфическим предметом специально и приспособлены все «правила» математической логики. В пределах этого сугубо специфического предмета ее правила и имеют непререкаемое, не допускающее исключений, значение и авторитет. За пределами этого предмета, при решении иных задач, нежели задача чисто формального «исчисления высказываний», все разработанные математической логикой правила сразу же утрачивают не только свою категоричность, но и всякий смысл. Даже в пределах математики, ибо математика никак не сводится к своему чисто формальному аспекту, к своей терминологии и к своему «синтаксису», и реальное мышление математика управляется куда более сложными и глубинными законами, нежели правила формального исчисления, правила построения цепочек формальных «доказательств».

Сами математики это превосходно понимают и потому не придают математической логике — даже в границах математики — того абсолютного значения, которое ей навязывают пре-

жде всего неопозитивисты. «Каждая математическая теория,— пишут Н. Бурбаки,—является цепочкой высказываний, которые выводятся друг из друга согласно правилам логики, во всем существенном совпадающей с логикой, известной со времен Аристотеля под названием «формальной логики», соответствующим образом приспособленной к специфическим потребностям математики». Однако эта «логичность», продолжают авторитетные авторы, есть «лишь *внешняя форма, которую математик придает своей мысли, орудие, делающее ее способной объединяться с другими мыслями, и, так сказать, язык, присущий математике*, но не более того. Упорядочить словарь этого языка и уточнить его синтаксис — это значит сделать очень полезное дело, эта работа и составляет действительно одну из сторон аксиоматического метода, а именно ту, которую следует назвать логическим формализмом (или, как еще говорят, «логистикой»). Но — и мы настаиваем на этом — *это только одна сторона и притом наименее интересная...*»¹.

По этой причине правила математической логики никогда не являлись и не могут являться ни конкурентом, ни соперником, ни даже просто дополняющим принципом по отношению к законам мышления, выявляемым диалектической логикой (или, точнее, просто логикой без всяких прилагательных). Они трактуют просто о *другом* — о процедурах преобразования одних комбинаций знаков-символов в другие комбинации тех же знаков-символов. В рамках таких процедур правила математической логики аб-

¹ Н. Бурбаки. Очерки по истории математики. М., 1963, стр. 247—248.— Курсив мой.— Э. И.

солютны, непререкаемы и безапелляционны, и мышление, занятое решением специальной задачи «исчисления высказываний», обязано подчиняться им неукоснительно строго, без всяких сомнений и размышлений. Абсолютную силу имеет тут и запрет противоречия, запрет, налагаемый на «высказывание», объединяющее знак-символ и его собственное отрицание, на «конъюнкцию» A и $не-A$ в составе одной, сколь угодно длинной цепочки «высказываний», цепочки знаков-символов. Здесь этот запрет вполне оправдан, ибо не только «противоречие», но даже и малейшая неоднозначность в определении и применении одного и того же знака-символа сразу же лишает формальное исчисление всех его добродетелей. Знак-символ в ходе формального исчисления должен оставаться строго *тем же самым*, т. е. неизменным.

По этой простой причине всякая попытка распространить правила обращения со знаками-символами в составе формального вывода на какие-либо иные случаи работы мышления, т. е. придать им значение «законов мышления вообще», *логических* законов, это предприятие ничуть не более умное, чем старания «применить» статьи уголовного кодекса к поведению элементарных частиц в электромагнитных полях синхрофазотрона или к взаимоотношениям внутри стада гамадрилов. Нелепо подчинять мышление, занятое исследованием *изменяющихся* объектов, диктату специальных правил обращения с таким неизменным предметом, каким является (точнее, *должен* являться) знак-символ в составе искусственной знаковой конструкции.

Когда же это все-таки пытаются делать, возводя специфические правила конструирова-

ния формальных (знаковых) систем в ранг «логических», т. е. универсальных, норм мышления вообще, то и получается, что реальное развивающееся мышление (наука в ее историческом развитии) выглядит в итоге как сплошное недоразумение, как непрекращающееся нарушение логических норм, как от начала до конца алогичный процесс. Иррационалистам остается только потирать руки — обрисованное толкование логики и «логичности» (как «непротиворечивости») для них всегда и служило питательной почвой. Чисто формальное понимание «логичности» и иррационализм находятся между собой в отношении необходимой дополнительности, и именно потому, что ни там, ни тут подлинная логика мышления не улавливается и не выражается. Стоит вспомнить в этой связи хотя бы Шеллинга, Шопенгауэра и Бергсона.

А что же еще может получиться, если на реальный язык науки (мышление при формальном подходе только в виде языка и фиксируется) накладывают ограничения языка, специально с таким расчетом и сконструированного, чтобы никаких противоречий он выражать (заключать в своем составе) не мог?

Это обстоятельство начали понимать даже наиболее остроумные представители неопозитивизма. Так, И. Лакатос пришел к выводу, что стремление подчинить реальный аппарат современной науки безоговорочному диктату «правил» построения формально непротиворечивых систем знаков может привести только к одному-единственному финалу, к «идеальному» состоянию, в котором под видом педантически-уточненного «языка» будет заморожено налич-

ное состояние науки, а всякое ее развитие окажется под «запретом».

Если отсутствие «противоречий в мышлении» в определениях понятий принимается за идеал и за логическую норму, сему идеалу соответствующую, то, естественно, все старания мыслящего человека должны быть направлены на то, чтобы *устранить* из «языка науки» все высказанные в нем «противоречия» вместо того, чтобы искать и находить им *разрешение* в дальнейшем исследовании, в более глубоком и конкретном понимании сути дела.

Отношение диалектической логики к «противоречию в мышлении» заключается в том, что противоречия в определениях понятий, с необходимостью возникающие в движении науки (т. е. в реальном мышлении) и по своей вербально-синтаксической форме абсолютно ничем не отличающиеся от справедливо запрещаемых математической логикой «конъюнкций высказываний», взаимно друг друга отрицающих, надо *не устранять* из мышления, а, наоборот, *заострять* их выражение до предельно ясного и легко распознаваемого звучания и начертания и не с тем, разумеется, чтобы на том успокоиться, а с тем, чтобы поставить мышление перед четко сформулированной задачей, требующей не формального (словесного), а действительного — теоретического и экспериментально-практического — разрешения.

Действительная наука так всегда и поступала.

И всегда противоречия, доведенные до остроты антиномий, обозначали точки роста науки, пункты прорыва мышления в еще не познанные сферы действительности.

Логика же, обязывающая всегда истолковывать противоречия в мышлении как аномалии, как следствия «неуточненной терминологии», как показатели неряшливости в обращении с терминами, всегда ориентировала науку (мышление ученых) на другой, прямо противоположный путь. На путь бесплодно-схоластической возни с терминами, имеющей целью во что бы то ни стало *устранить* противоречие из наличного «описания» вещей и ситуаций с помощью чисто лингвистической ловкости и изощренной лингвистической техники, позволяющей сделать «описание» противоречивой объективной ситуации «непротиворечивым», а стало быть, и не доставляющим никакого беспокойства для людей с их мышлением.

Тут-то и находится развилка путей, точка дивергенции, между дорогой диалектической логики и тропками тем или иным способом абсолютизированной формальной логики. Отсюда же и разница рекомендаций, предлагаемых этими логиками науке, мыслящим людям.

Если вы столкнулись с ситуацией, которая в существующем и вами усвоенном в школе «языке науки» высказывается как «противоречивая», записывается в виде «конъюнкции A и $не-A$ », то не торопитесь и не говорите, что «этого не может быть». Бывает, и даже очень часто. И не старайтесь объяснить этот факт тем, что вы где-то ранее сделали «логическую ошибку» и что такая «форма записи» получилась исключительно потому, что вы до сих пор пользовались «неуточненными, а потому совпадающими предикатами», либо же «различными по смыслу, но несовершенно выраженными предикатами». Если так, то выявившееся в язы-

ке науки «противоречие» и разрешено должно быть за счет «уточнения предикатов» и исправления ранее допущенной вами терминологической неряшливости, двусмысленности и других оснований для появившегося «противоречия в мышлении» искать, конечно, незачем и негде.

Проверка и перепроверка такого рода, конечно, всегда полезны. Очень может статься, что вы и в самом деле допустили такую ошибку и в результате не высказали ничего другого, кроме противоречия самому же себе, кроме противоречия одного своего неточного высказывания другому столь же неточному своему высказыванию. Тогда «уточните термины» — и все будет в порядке.

Как быть, однако, в таких случаях, когда бесконечные скрупулезные поиски «неточностей в предикатах» не обнаруживают никаких погрешностей и после проверок и перепроверок своего предшествующего хода рассуждения (всего, что вы ранее говорили на этот счет) противоречие все-таки воспроизводится опять и опять?

В этом случае оставьте в покое формальную логику и переходите от исследования «предикатов» к самостоятельному исследованию той действительности, в выражении которой обнаружилось «противоречие». В таком случае вы столкнулись с *правильно* (без ошибок терминологического свойства) выраженным («высказанным») объективным противоречием. С противоречием *предмета* самому себе, с объективным диалектическим противоречием, совершенно точно и корректно высказанным в языке науки, в ее наличном исторически сложившемся — и вами в школе усвоенном — языке.

И не о «языке» вам в этом случае придется заботиться, не язык рассматривать и уточнять, а, пользуясь этим языком, развивать *понятие* (т. е. понимание сути дела), в составе определений коего обнажились перед вами его противоречия. Тут придется заботиться о более глубоко и конкретном понимании того предмета, которым занимается ваша наука, о *развитии* этого понятия, а вовсе не о его «устранении» как «неправильного».

Процесс развития понятия (понимания существа дела) — процесс весьма отличный от процедуры «уточнения термина». Развивать понятие — значит развивать понимание отраженных в нем противоречий, не «устраняя» их из «языка», а, наоборот, фиксируя их во всей их остроте и напряженности и выясняя, каким образом эти противоречия реально разрешаются в движении прообраза вашего понятия, какие «опосредующие звенья» замыкают полюса выявленного вами противоречия.

В решении этой задачи вам потребуется техника уже отнюдь не лингвистическая, т. е. не только знание «языка» и умение им пользоваться, а логическая культура ума, знание логических категорий в их диалектической интерпретации и способность использовать эти категории не как термины, не как ходячие словечки, а как формы мышления, как активные логические формы исследования объективной реальности. И прежде всего *кате­го­рию* *про­ти­во­речия* в ее строго объективных определениях, которые, будучи отражены в научном сознании людей и проверены тысячелетиями их практической деятельности, как раз и составляют *логи­ческие* определения этой категории, а не те

определения, которые даются «противоречию» в математической логике и где противоречие есть синоним «нуля истины», синоним «заблуждения» и «лжи». По отношению к формальному выводу одних комбинаций («конъюнкций») знаков из других комбинаций знаков эти определения справедливы, но они не имеют никакого отношения к *мышлению* и потому не имеют значения *логических* определений этого понятия.

В свете сказанного резонным представляется вывод о том, что попытки «усовершенствовать аппарат диалектики средствами современной логики» и, в частности, разрешить проблему противоречия с помощью языка математической логики, выразив ее через такие термины, как «конъюнкция», «экспликация», «пропозиция» и т. д. и т. п., неосуществимы, как и старания получить гибрид от скрещивания розы с фикусом. Очень уж далеко разошлись в своем развитии фенотип и генотип этих двух «логик», чтобы надеяться получить от их союза жизнеспособное потомство.

СТУПЕНИ СТАНОВЛЕНИЯ ИДЕИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ В ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

В. И. Метлов

Выдвигая некоторые соображения по вопросу о противоречии, критикуя взгляды некоторых авторов по этому же вопросу, мы имеем целью обратить внимание на важность рассмотрения темы в широком историко-философском, историко-научном и социальном контекстах, что только и дает возможность адекватного решения проблемы.

Авторами книги высказано много важных, ценных, стимулирующих дальнейшую работу идей. Однако у большинства из них фактически отсутствует анализ становления идеи противоречивости в философии в целом или хотя бы на ее наиболее отличающихся интересом к этой проблеме этапах развития; нет анализа такого рода и в отношении марксистской философии.

Диалектическая логика не появилась, подобно Минерве из головы Зевса, в завершенном виде. Ее наиболее развитым формам предшествовали менее развитые. Идея диалектической противоречивости, как и диалектическая логика в целом, прошла, следовательно, определенные стадии развития. Будучи менее совершенными на первых этапах своего существования, понятия и принципы диалектической логики, в том числе и идея противоречивости, тем лег-

че обнаруживают на этих этапах свою связь с порождающими их условиями.

Та или иная концепция субъекта и его активности, то или иное понимание характера взаимоотношения субъекта и объекта едва ли не до деталей определяет концепцию противоречия. На этой основе оказывается возможным увидеть как место и значение отдельных проблем, так и перспективу их решения. Так обстоит, например, дело с проблемой соотношения формально-логической и диалектической противоречивости. Историко-философский анализ, в ходе которого оказываются ясными условия становления последней, показывает, что принципы диалектической логики, в частности диалектической противоречивости, формировались, преодолевая формально-логический подход, и в этой связи отношение диалектической логики к формальной логике, даже современной, вряд ли можно считать аналогичным отношению диалектической логики к любой другой частной области научного знания. Вместе с тем тот же анализ легко обнаруживает, что проблема соотношения формально-логического и диалектического противоречия мало волнует, например, Фихте, и не потому, что его наукоучение незрело до осознания важности проблемы, но потому, что в системе его взглядов проблема получает достаточно простое и ясное решение. Диалектическая логика не отменяет формальной логики, но содержит в себе, сохраняет как имеющую бесспорное значение на одном уровне. Поэтому вряд ли оправданным может считаться то внимание, которое еще уделяется этому вопросу в нашей литературе и которое нашло отражение в некоторых статьях книги.

Нам представляется, что слишком абстрактная классификация основных типов усвоения идеи противоречивости рассудочным мышлением (поляризм, антиномизм у *Г. С. Багшцева*) имеет своей основой, с одной стороны, недостаточное внимание к ступеням становления идеи диалектического противоречия, с другой — недооценку некоторых важных тенденций развития современной науки, в которую начинает проникать в той или иной форме идея диалектического противоречия. Конечно, нередко имеет место канонизация в качестве диалектической такой формы выражения противоречивости, которая на деле далека от наиболее зрелых форм диалектики. Но вместе с тем чересчур пессимистична точка зрения, которая рассматривает эти формы не как этапы на пути к наиболее высокой из достигнутых на сегодня форм диалектики, но лишь как выражение фатальной неспособности рассудочного мышления решиться на большее.

На наш взгляд, такой подход в значительной мере возникает тогда, когда рассмотрение движения в сфере науки в целом подменяется комментированием случайных примеров или случайных мнений. Между тем та или иная форма усвоения идеи противоречивости в современном научном мышлении, форма, не достигшая наиболее зрелой стадии, является результатом определенного состояния материальных и теоретических средств науки, усваивающей эту идею, а не только результатом незнания с высшими достижениями научной диалектики.

Усвоение идеи противоречивости современными теориями физики, математики не могло

не принять именно формы антиномизма в силу того, что это оказалось попыткой взглянуть на науку на основе средств, развитых в рамках самой этой науки на данном этапе. Кант своими антиномиями хорошо проиллюстрировал, что получается, когда между основанием и обосновываемым существует отношение абстрактного тождества. Но это отношение абстрактного тождества, сложившееся на определенном этапе развития определенной науки, не может быть устранено только потому, что мы знаем движение диалектической мысли от Канта к Гегелю и Марксу. Мы должны воспроизвести, повторить это движение в материале самой науки, а для этого, конечно, нужно овладеть этим материалом. В противном случае самое превосходное знание диалектики не сможет привести к чему-либо большему, чем поверхностная рефлексия по поводу науки.

В связи с этим представляется перспективным сопоставление ситуаций в развитии современной науки с теми этапами в развитии философии, которые также знаменовались и интересом к анализу субъективного фактора в познании, появлением антиномий, опытом их преодоления, — в первую очередь с этапом развития диалектики от Канта к Марксу.

Для материалистической диалектики характерно понимание важности собственно кантовского этапа в развитии диалектики, понимание реального содержания этого этапа. С другой стороны, именно с точки зрения материалистической диалектики становится ясным содержание того, что составляет ограниченность кантовского понимания противоречивости, кантовской диалектики вообще.

Трудно не обратить внимания на то обстоятельство, что в современной науке основными антиномиями основных отраслей научного познания являются антиномии, сформулированные кенигсбергским мыслителем. Ни малейшего преувеличения нет в утверждении, что современная методология науки проходит в настоящее время своего рода «кантовский этап», характеризующийся прежде всего определенным характером отношения «субъект — объект», сложившимся в современном научном познании. Так, методология математики, даже в своих наиболее выдающихся результатах, пока редко перешагивает уровень кантовского понимания. Наиболее яркое воплощение это находит в понимании парадоксов теории множеств. Самое большее, что было здесь сделано, сводилось, подобно кантовскому стремлению, к установлению границ познания, просто к указаниям — весьма разноречивым — той области, за пределы которой не следует заходить, чтобы не получить антиномий, «без всякой, однако, уверенности, что некоторые из этих тварей не засели внутри»¹. Это отношение к парадоксам теории множества без малейших изменений воспроизводит отношение Канта к полученным им антиномиям. Однако то, что для Канта послужило обозначением границ, за которые не следует заходить разуму, для Гегеля оказалось лишь поводом для выражения убеждения в универсальной значимости противоречий.

Точно так же и в современной науке уже без особого труда можно найти такого рода ма-

¹ А. А. Френкель, И. Бар-Хиллел. Основания теории множеств. М., 1966, стр. 26.

териал, для понимания которого кантовская методология представляет собой настоящее препятствие и который требует более высоких форм диалектики.

Историко-философский подход позволяет дать более дифференцированное представление об этапах становления диалектики, противоречивости в материале специально-научного познания.

Нам представляется важным в этой связи усмотрение того обстоятельства, что структура и динамика диалектического противоречия до деталей соответствуют структуре и динамике отношения «субъект — объект». Это соображение позволяет, в частности, подойти к пониманию того, что между противоположностями диалектического противоречия существует отношение отражения, играющее существенную роль в развитии темы противоречия у Гегеля и, к сожалению, почти полностью игнорируемое учеными. Между тем именно на этом пути открывается возможность различения содержания, особенностей диалектического противоречия у Гегеля и у Маркса.

Большее внимание к становлению идеи противоречивости, к основе этого процесса позволило бы сделать более аргументированными возражения некоторых авторов против возможности использования формально-логического аппарата для уточнения понятий диалектики. Уточнение такого рода фактически ведет к устранению собственно философского, диалектического аспекта. История «уточнения» традиционной философии логическими позитивистами достаточно определенно говорит в пользу этого тезиса. Однако можно было бы показать, как

фактически происходило развитие, уточнение принципов диалектики; ведь они иначе выглядят у Канта по сравнению, например, с Гегелем или даже Фихте. Кроме того, возражая против возможности формально-логической экспликации (уточнения) понятий и принципов диалектики, нельзя упустить из виду, что только на основе последней оказалась возможной постановка вопросов, оказавших огромное влияние на современную мысль. Достаточно вспомнить в этой связи знаменитые результаты Гёделя, которыми увенчался определенный этап исследований по формализации математики.

Недостатком является, на наш взгляд, отсутствие анализа динамики формально-логического и диалектического противоречия, характеристики этапов развития знания, когда целью исследования оказывается устранение противоречивости, и этапов, когда, напротив, развитие противоречия представляет собой цель исследователя.

Необходимость анализа в этом направлении ощущается в связи с приведенной *Э. В. Ильенковым* общей характеристикой развития подлинной науки через заострение и разрешение противоречия и предлагаемой на этой основе стратегией ученого, которая в главном характеризуется именно заострением противоречия. Само по себе не вызывает возражений утверждение о том, что подлинная наука всегда развивается, заостряя и разрешая противоречия. На наш взгляд, необходимо, однако, различение двух аспектов задачи исследования противоречия: характеристики процесса развития науки и стратегии субъекта в этом процессе. Рекомендация заострять противоречие, обращенная к

субъекту, не вытекает из общей безусловно верной посылки о развивающейся через заострение и преодоление противоречий науке. Более того, история науки в целом противоречит такой рекомендации, высказанной в не связанной необходимыми ограничениями форме.

В становлении и развитии математического анализа с первых шагов до современной его формы, в развитии физики в качестве сознательного стремления ученого выступает стремление устранить противоречия. Теория множеств, на наш взгляд, не в состоянии была бы проделать тот путь, который она прошла, если бы ее создатели поставили себе в качестве сознательной цели заострение противоречия такого объекта, каким является множество.

Бесспорно, что итогом неустанных попыток непротиворечивого развития той или иной научной дисциплины оказывается появление потрясавших ее основы антиномий. У. Томсон (Кельвин) в физике¹ и А. Пуанкаре в математике² характеризуют эти ситуации очень сходным образом. В этих характеристиках процесса перехода от одного этапа развития науки к другому, в сущности, лишь конкретизируется кантовская характеристика процедуры завершения ряда условий, делающих возможным опыт, приводящий к антиномиям. Ф. Энгельс имеет в виду примерно такого рода этапы развития науки, когда в одном из писем К. Марксу говорит: «Читал ли ты Тиндаля: «Теплота, рассматриваемая как род движения»? Если нет, то

¹ См. Д. Бом. Причинность и случайность в современной физике. М., 1959, стр. 107.

² См. А. А. Френкель, И. Бар-Хиллел. Основания теории множеств, стр. 27—28.

сделай это обязательно. В этой области чрезвычайно много сделано, и дело начинает приобретать рациональную форму; теория атомов доведена до такой крайности, что она скоро должна потерпеть крах»¹. Заострение противоречия оказывается, таким образом, итогом добросовестных стремлений устранить всякие противоречия теории, остаться верным требованиям законов формальной логики. Призыв к заострению в этих условиях, на этом этапе развития науки оказывается излишним, поскольку здесь противоречия выступают, как правило, с предельной степенью остроты.

Сказанное вовсе не означает, что этап заострения противоречия в качестве сознательно поставленной цели не существует в развитии науки. Необходимость именно такой стратегии не вызывает сомнений на этапе теоретической реконструкции, этапе теоретического воспроизведения объекта методом восхождения от абстрактного к конкретному. Современная наука в целом не находится, однако, на этом этапе, и для нее пока остается лишь идеалом тот тип построения знания, который представлен «Капиталом» К. Маркса. По этой именно причине, на наш взгляд, крайне важна названная выше задача характеристики своеобразия отдельных этапов развития научного знания, своеобразия проявления на этих этапах его противоречивости.

Анализ проблемы противоречия, учитывающий основу возникновения идеи диалектического противоречия, позволил бы сделать менее абстрактными подходы к некоторым другим про-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 31, стр. 142.

блемам, например, проблеме характеристики простейшей формы движения материи, механического перемещения, проблеме характеристики квантовомеханического движения. Неудовлетворительной оказывается здесь уже постановка вопроса, имеющая основой разделение гносеологического и онтологического аспектов и фактическое исключение из того, что называется объективной действительностью, практической деятельностью субъекта. Это положение вещей неизбежно приводит к антиномии: признание противоречивости объективной действительности до отражения ее в логике понятий вступает в противоречие с безусловно признаваемым принципом отражения материалистической теории познания, поскольку тезис об объективной противоречивости провозглашается здесь фактически априори. Между тем уже Канта этого рода антиномия привела к убеждению в необходимости признать активность субъекта в процессе познания. Невнимание к этому последнему моменту обесценивает значительную часть усилий по выяснению названных проблем.

С точки зрения, учитывающей роль субъективного, практического фактора, определенный аспект деятельности прибора существенно входит в определение явлений микромира. Говорить в этих условиях о том, каково движение микрообъектов до нашего воздействия на них, — значит формулировать задачу формально-логически противоречивым образом. Это означает отвлечься от того простого факта, что противоречия менее высоких, чем социальная, форм движения материи в преобразованном виде существуют в социальной форме движения материи и изучаются именно в таком своем состоянии.

«...Вся человеческая практика,— писал В. И. Ленин, формулируя принципы диалектической логики,— должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»¹.

Анализ темы противоречия много выигрывает в ясности, когда он проводится в связи с анализом тождества. Становление различных концепций диалектической противоречивости неизбежно порождает и определенный взгляд на тождество. Разделение этих проблем, естественно, не может не вести к ряду недомолвок.

К числу важнейших проблем, от решения которых в значительной мере зависит прогресс в исследовании противоречия, относится также проблема специфики философского и специально-научного знания. Сколько-нибудь удовлетворительное обсуждение вопроса о возможности формализации диалектики может иметь место только при достаточно ясном понимании того, что такое диалектика, что такое те средства, которые предполагается использовать для решения задачи формализации, наконец, что такое та деятельность, которая называется деятельностью формализации. Формализацию диалектики предполагается совершить в интересах точности, которая, по мнению некоторых авторов, присуща формальной логике и которой недостает диалектике. Но это порождает новый вопрос: что такое «точность»?

То обстоятельство, что развитие самых точных наук оказалось связанным с обращением к «неточной» философии, диалектике, представляется

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

нам свидетельством в пользу убеждения, что придать диалектике ту точность, которая присуща формальной логике,— значит пренебречь спецификой этапа развития знания, на который точные науки вступают, реализовав все свои возможности в этом отношении. Несомненно, однако, что диалектические принципы развиваются, и вопрос о том, как из их менее совершенных форм развиваются более совершенные, как происходит уточнение их в этом смысле, конечно, остается важным вопросом.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ И ПРИНЦИП ОТРАЖЕНИЯ

В. Н. Порус

Широко обсуждавшаяся в нашей философской печати проблема противоречия и его отражения в мышлении, вызвавшая столь обширную и напряженную дискуссию, на наш взгляд, не всегда формулировалась достаточно строго и определено. Между тем, как выяснилось в ходе полемики, различие точек зрения и методологических подходов к этой проблеме носит далеко не частный характер. Как сама проблема не является «окраинной», лежащей в стороне от основных магистралей философских исследований, так и различные подходы к ней и к ее решению, по сути, определяют выбор основных путей анализа, путей к плодотворному развитию диалектико-материалистической гносеологии. Именно поэтому мы считаем уместным попытаться уточнить формулировку данной проблемы, одновременно высказав некоторые соображения относительно подхода к ее решению, ни в коей мере не претендующие на полноту и особую значимость.

Перед тем как попытаться сформулировать проблему в том виде, в котором она является предметом дискуссии, позволим себе сделать несколько общих замечаний. Прежде всего надлежит отметить, что, как бы ни были различны подходы к ее решению, общим методологиче-

ским принципом для них является *принцип отражения*, основной гносеологический принцип диалектико-материалистической теории познания. В то же время, нисколько не умаляя значительность достижений нашей философской мысли на пути детальной разработки теории отражения, необходимо признать, однако, что многие ее проблемы и по сей день — еще невзятые высоты философского анализа. Многообразие специфических форм отражения, их сложный социально-исторический и знаково-структурный характер, необходимость привлечения для их исследования естественнонаучных данных и их синтез с помощью собственно философской методологии, наконец, разработка терминологического и понятийного аппарата этой теории — вот далеко не полный перечень трудностей, стоящих перед исследователями. Едва ли не главной из них является, по нашему мнению, необходимость выяснения специфики отражения развивающихся, «самодвижущихся» процессов действительности, причин и сути их движения.

В этом смысле проблема диалектического противоречия должна считаться одной из главных в теории отражения. Поэтому основу ее решения следует искать в рамках самой теории, т. е. той понятийной системы, которая составляет ее суть. А возрастающую тенденцию к решению философских вопросов на основе привлечения естественнонаучного материала необходимо всячески приветствовать, но лишь тогда, когда само использование данных науки при этом соотнобразится с общими задачами гносеологии, а не подчиняет решение и даже постановку этих задач выбору тех или иных направлений в физике, математике или математической логике. Было бы

неразумно и неверно отождествлять, например, потребность современных разделов физики в специальных логических средствах анализа, отличающихся от классических (в частности, в экспликации терминологии для выражения специфических форм движения в квантовой механике), с потребностями диалектики, оперирующей законом единства и борьбы противоположностей.

В статье о противоречии, помещенной в «Философской энциклопедии», И. С. Нарский следующим образом формулирует общие черты диалектического противоречия: «...единство (взаимообусловленность, взаимопроникновение) и борьбу (взаимоисключающее, взаимоотрицающее взаимодействие) сторон противоречия, а во многих случаях также и наличие у него функции основной движущей силы развития, изменения объекта, которому это противоречие присуще»¹. Характеризуя таким образом диалектическое противоречие объекта, мы, по сути дела, берем обязательство определить соответствующим образом характерные черты его отражения в познающем мышлении, т. е. найти способ его выражения в понятийно-сужденческой структуре мыслящего человечества. Следует согласиться и с *Г. С. Багичевым* (его статья опубликована в этом же томе «Философской энциклопедии») в том, что «рассуждение о противоречии предмета *вне теоретической системы знания об этом предмете является методологически несостоятельным*»². Это ставит нас перед вопросом, каким образом в становлении теоре-

¹ «Философская энциклопедия», т. 4. М., 1967, стр. 403.

² Там же, стр. 404.

тической системы знания о предмете, которая делает единственно возможным обнаружение противоречия предмета и рассуждение о нем, находит выражение действительный процесс мышления, вовлекающий в себя помимо теоретизирующей деятельности действительное освоение окружающего мира общественным человеком, целенаправленную, разумную предметную деятельность людей. По отношению к этому процессу проблема состоит в том, чтобы выявить вместе с его структурой диалектическое противоречие, являющееся источником его самодвижения, развития.

Следует подчеркнуть, что процесс познания есть именно действительный реальный процесс, который, являясь единством субъективного и объективного, может рассматриваться исключительно в своих объективированных формах, когда сам он предстает в качестве предмета познающего мышления. Не объективируя содержание этого процесса, мы не только не можем построить систему научного знания о нем, но и не в состоянии рассуждать о движущих его противоречиях. Но если считать объективированными формами процесса познания системы науки, научные теории, «взятые» вне общего процесса предметной деятельности людей, то возникает вопрос: каким образом противоречивый (в диалектическом смысле) процесс познания противоречивой (в том же смысле) действительности объективируется в научных теориях, основным научным (а не просто формально-логическим) требованием к которым является требование непротиворечивости.

Возникает возможность (и опасность) противопоставления научной теории и процесса ее

становления, причем отражение противоречия (в диалектическом смысле) растворяется в последнем и становится загадочно неуловимым, поскольку исключается теоретическое объективирование этого отражения.

Таким образом, в формулировке проблемы противоречия должны участвовать следующие основные элементы:

а) объективное противоречие (противоречие объекта), являющееся причиной и источником его саморазвития;

б) его отражение в мышлении, имеющее необходимым составным элементом наличие и развитие системы теоретического знания о нем;

в) внутреннее, сущностное, имманентное, движущее противоречие познавательного процесса, осуществляющего отражение развития предмета и источника этого развития — противоречия объекта.

На наш взгляд, именно в характеристике указанного тройственного отношения аккумулируются разногласия противостоящих друг другу точек зрения.

Наиболее упрощенный подход к решению проблемы, очевидно, заключается в следующем. Объективное противоречие «берется» в данном фиксированном состоянии, не «схватывается» даже, а «выхватывается» из огромного по богатству содержания реального контекста действительности, причем тот неоспоримый факт, что само обнаружение этого противоречия есть лишь необходимое звено в развитии всеобщности теоретического знания о предмете, либо вовсе игнорируется, либо затушевывается, отходит на задний план. При этом формула «и да, и нет в одном и том же смысле и отношении» объяв-

ляется абсолютным и адекватным выражением объективного противоречия.

Заметим, что при этом принцип отражения подвергается еще одной серьезной вульгаризации, так как оказывается, что чуть ли не в одной формуле находит научное выражение весь смысл существования и развития данного явления или предмета. А так как упомянутая формула явно противоречит известным законам формальной логики, в частности «закону запрещения противоречия», то ничего не остается (как ни странно, в силу действия тех же законов формальной логики!), как объявить эти законы несостоятельными, неуниверсальными, теряющими силу в случае особого «диалектического» истолкования таких «частных» случаев указанной формулы, как «тело движется и не движется», «капитал возникает и не возникает в сфере обращения» и т. д. Однако такое противопоставление диалектики и законов формальной логики лишено смысла. Приняв тезис о тождественности, адекватности формул указанного типа в качестве результатов отражения, образов реальных, движущих противоречий предметов, мы тем самым не просто «погрешили» против логики, но и уничтожили свой собственный предмет исследования. Перед нами не само развитие, а его «хладный труп», посмертная маска убитого нами «взаимоотрицающего взаимодействия противоположностей», которое ушло в небытие, уступив место фиксированному в логически-противоречивой форме одному из своих моментов. Здесь следует согласиться с И. С. Нарским, что такого рода «истолкование» диалектики привело бы к параличу познания как процесса.

Особенно забавны, но, впрочем, симптоматичны попытки обращения как к источнику аргументов в пользу такого мнения к самой формальной логике, точнее, к некоторым ее направлениям, к примеру, к некоторым системам многозначной логики, в частности, к таким, где антиномичная формула $KpNp$ является выполнимой. Но апелляция такого рода лишена основания. Совсем нетрудно показать, что в принципе можно построить (и они действительно построены) подобного рода m -значные логические системы (при заданном определении смысла логических связей, а также общезначимой и тождественно-ложной формулы). Однако это ни в коей мере не затрагивает статуса универсальности закона запрещения противоречия, ибо требование непротиворечивости есть элементарное требование к формальной логической системе, и его смысл вовсе не зависит от класса общезначимых формул и системы матричных определений смысла логических связей.

Ошибочность точки зрения на возможности адекватного отражения в познании диалектического противоречия, выраженная указанным подходом, настолько тривиальна, что пафос критики, направленной против нее, может выглядеть неуместным и даже излишним. И мы упоминаем о ней совсем не потому, что такая точка зрения имеет сколько-нибудь серьезных сторонников (не считая так, мы не снабжаем предыдущие замечания соответствующими ссылками и сносками), а потому, что, как нам представляется, она является лишь выражением некоторого подхода к решению проблемы отражения противоречия в мышлении, который, выступая в наряде диалектики, является в дейст-

вительности результатом отождествления диалектики и формальной логики.

Амплитуда колебаний мнений в границах такого подхода иногда кажется довольно значительной, но она никогда не превышает узкие рамки формально-сциентистского подхода к решению общефилософских проблем. Дух современной науки, стремящейся к наиболее полной экспликации (уточнению) понятий, существенно искажается в этих рамках.

Зачастую помимо воли некоторых исследователей, исходящих из самых благих намерений сделать философию максимально строгой наукой, методы, ими избранные, не только могут мешать выполнению этой, несомненно важной, задачи, но и способны дискредитировать саму идею применения формальных средств для уточнения философских понятий и рассуждений. Непонимание этой простой вещи приводит к продолжающимся до сих пор попыткам «формализации» философских систем от Фалеса до Гегеля. Не говоря уже о перяшливости обращения с термином «формализация», удивляет убежденность авторов таких попыток в особой «научной» ценности своих исследований.

Исходя из сказанного, мы не можем согласиться с теми авторами, которые, по сути, отождествляют формально-логические непротиворечивые системы, призванные служить средствами экспликации тех способов рассуждения, которые фигурируют в анализе таких процессов, как, скажем, механическое движение материального тела, с диалектическим исследованием этих процессов. Действительно, существует возможность строить такие *m*-значные логические системы, в которых устраняются такие «парадок-

сы» движения, как «движущееся тело находится и не находится в данной точке пространства в данный момент времени», например, четырехзначная логика Л. Роговского¹. Поэтому мы не согласны с предположением В. Марчишевского, ссылающегося на результаты Л. Роговского, о том, что «по крайней мере, некоторый фрагмент диалектической логики можно представить в виде формально-логической системы»².

Логика поставляет науке не средства отображения реальных объективно противоречивых процессов, а средства анализа научного способа их познания. Поэтому попытки представить в виде формального исчисления сложный диалектический процесс развития, самодвижения объекта или явления, на наш взгляд, заведомо безуспешны.

Изобретение логических средств и процедур, позволяющих избавляться от «парадоксов», является расширением арсенала логики научного анализа, но ни в коем случае не означает возможности сведения диалектики к использованию таких средств. Другое дело, что само обнаружение диалектических свойств явлений (причем далеко не всегда эти свойства определяются противоречием!) становится зачастую более очевидным, а иногда и единственно возможным с помощью специально изобретаемых для этих целей формальных средств. В этом смысле формальная логика не является ни антиподом диалектики, ни ее заместителем-

¹ L. S. Rogowski. *Logika kierunkowa a heglowska teza o sprzeczności zmiany*. Toruń, 1964.

² W. Marciszewski. *Logika dialektyczna*. *Mala Encyklopedia Logiki*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970, s. 132.

суррогатом, а мощным средством разработки гносеологических проблем, в ходе которой происходит отражение диалектических процессов действительности. Это отражение и осуществляется в сложном развитии теоретического знания, устанавливающего «исторические судьбы» противоположностей, характер их взаимодействия, природу и генезис их отношений.

Трудности, связанные с анализом отражения противоречия в мышлении, иногда пытаются преодолеть, указывая на различие между отражательной деятельностью рассудочного мышления и разумно-диалектического проникновения в суть процесса развития явлений. Последнее, оперируя наиболее глубокими обобщениями, полярными категориями, суждениями, совмещающими в себе противоположные предикаты, «работает» в области, где взамен формально-логических законов вступают в силу законы диалектической логики, позволяющие считать истинными суждения вида: «материя непрерывна и прерывна», «мир един и множественен» и т. д.¹ Однако таким образом можно лишь переформулировать проблему, но не решить ее, так как по-прежнему остается в силе вопрос: каким образом происходит отражение противоречия на уровне разума? Ведь само по себе манипулирование фразами указанного типа еще не означает наиболее глубокого проникновения в суть процессов. За выражениями типа «материя прерывна и непрерывна» стоит колоссальная по богатству содержания совокупность идей, сведений, научных теорий, иными словами, система

¹ См., к примеру: А. Спиркин. Единство и борьба противоположностей. «Философская энциклопедия», т. 2. М., 1962, стр. 112.

теоретического знания, накопленного человечеством. Разумное отражение действительного процесса развития и есть развертывание этой системы, создание ее, придание ей необходимой строгости и точности. Конечно, процесс формирования научного знания нельзя отождествлять с уже готовой, законченной, «ставшей» научной теорией. Однако вряд ли есть основания считать, что если для последней формальная непротиворечивость — необходимое условие, то в процессе ее создания можно действовать вопреки закону запрещения противоречия.

В этой связи заслуживает внимания точка зрения, особенно активно отстаиваемая И. С. Нарским. Истолковывая выражения типа A и $\text{не-}A$ в качестве «диалектических формул», как формулировки научных проблем, служащих исходным пунктом для дальнейшего теоретического исследования, целью которого является как раз «разрешение», «снятие» противоречия, мы предоставляем разуму не фиксировать, не «схватывать» противоречия, а активно разрешать их. Причем на всем пути теоретического разрешения научных проблем разум оперирует понятиями, сообразуясь с законами формальной логики. Нелепо было бы отождествлять формально-логические средства анализа научно-теоретического знания с шаблонной алгоритмизацией схем рассудочного мышления. Такое отождествление, по сути, проводилось Гегелем, третируя формальную логику, но у великого мыслителя было для этого хотя бы то основание, что большинство из современных ему мыслителей, действительно «онтологизируя» формальную логику, превращали ее в основу метафизики.

Однако, на наш взгляд, содержание отражения противоречивой действительности не следует отождествлять с содержанием теоретического знания о ней. Последнее является в определенном смысле результатом, итогом (почти всегда далеко не окончательным!) некоторого отрезка, фрагмента процесса отражения. Сам же процесс (вернее, любой из его фрагментов) может рассматриваться с различных точек зрения, в том числе с точки зрения дифференциации его на различные уровни, «ступени», направления и т. д.

Речь идет не о различии истинных и иллюзорных форм отражения, а о различии между путями, средствами, способами постижения истины. Поэтому мы считаем, что постановка всякой научной проблемы, даже взятая в изоляции от решения последней, безусловно, должна считаться элементом отражения той действительности, по отношению к которой проблема возникает и решается. Более того, сама эта постановка также является (в большинстве случаев) проблемой методологической науки, должна быть проверена с точки зрения корректности, четкости формулировки, однозначности употребляемых понятий и т. д. Следовательно, антиномическая формула, скажем, «капитал возникает и не возникает в процессе обращения» может рассматриваться как формулировка действительной научной проблемы, заключающейся в необходимости выяснения причины и механизма возникновения прибавочной стоимости, только в том случае, если она знаменует собой весь процесс познания явлений и закономерностей товарного капиталистического производства. В этом смысле такая формула, как формулировка

научной проблемы, является элементом отражения указанной специфической действительности. Этот элемент характерен для той ступени отражения, которая возникает на уровне системы теоретической политэкономии, разработанной классиками буржуазной науки, являясь, по существу, итогом этой системы, регистрирующим в антиномической форме недостаточность и внутреннюю противоречивость ее понятийного аппарата. Глубокая связь этой противоречивости с коренными противоречиями самой буржуазной действительности была вскрыта и изучена классиками марксизма-ленинизма.

Но при таком понимании указанная формула не является противоречием в формально-логическом смысле, так как само приписывание предикатов ее субъекту представляет собой суть возникающей проблемы. А это означает, что истинностная интерпретация их оказывается невозможной, по крайней мере в том специальном смысле, в котором такая интерпретация осуществляется в рамках абстрактных допущений формально-логических исчислений. В процессе разрешения этой проблемы, т. е. при выяснении совокупности необходимых условий возникновения прибавочной стоимости, каковыми являются: а) процесс производства товаров; б) процесс обращения; в) использование капиталистом специфического товара — рабочей силы, потребительная стоимость которого является источником прибавочной стоимости, — корректируется и сама проблема, выступающая теперь уже элементом качественно нового уровня отражения, фиксирующегося в новой системе теоретического знания, марксистской политической экономии. Сама формула теперь

приобретает следующий вид: «Капитал возникает в обращении в том смысле, что обращение является необходимым условием его возникновения, и капитал не возникает исключительно в обращении в том смысле, что последнее не является достаточным условием его возникновения». Но в этой формуле нет абсолютно никакого логического противоречия.

Таким образом, единство противоположных определений является составным и необходимым элементом отражения диалектического противоречия в качестве постановки теоретической проблемы. При этом не происходит никакого нарушения законов формальной логики.

Процесс познания противоречивой действительности сам представляет, как было уже сказано, реальную противоречивую действительность. Объективированные формы познавательного процесса позволяют изучать его с точки зрения постижения его движущих сил, импульсов, важнейшими из которых являются диалектические противоречия. Однако было бы ошибочно считать, что эти противоречия являются «копиями», «фотографиями» диалектических противоречий объекта познания. Разумное познание не просто следует логике предмета, повторяя ее в своем собственном развитии. Логика предмета отражается в логике понятий, развитие системы которых, т. е. развитие системы теоретического знания, имеет не только свою историю, сплошь и рядом не совпадающую с историей предмета, но и специфику своих главных, коренных причин. В частности, к числу таких причин может относиться противоречие между пределами имеющегося знания и необходимостью разрешения проблем-антиномий.

Формально-логические противоречия обычно сопутствуют такого рода положению вещей и выступают как симптомы диалектического противоречия процесса познания, которые ни в каком случае не следует отождествлять с последним. Исходя из сказанного, следует сделать вывод о том, что, хотя процесс познания противоречив, система теоретического знания о нем (точнее, о некотором социально и исторически определенном фрагменте этого процесса) должна быть свободна от формально-логических противоречий. Именно это требование определяет главное русло развития современной логики — поиск непротиворечивых средств анализа гносеологических процессов.

Точка зрения, наиболее остро противостоящая нашей, выражена *Э. В. Ильенковым*.

Основополагающий тезис его гласит: «В логике, о которой мы ведем речь, рассматриваются вовсе не специфические формы выражения мышления в языке вообще, тем более в искусственном «языке науки», а формы самого мышления, понимаемого как «естественно-исторический процесс» (К. Маркс), реализующийся отнюдь не только в языке»¹. Эти «формы самого мышления», по мнению автора, ссылающегося на авторитет Канта, Спинозы и Гегеля, кардинальным образом отличаются от «специфических форм выражения мышления в языке», поэтому вслед за автором «Науки логики» *Э. В. Ильенков* советует логике, желающей исследовать формы мышления, логические его формы, сознательно отделить себя от изучения словесных форм их проявления. Что означает

¹ Настоящее издание, стр. 122.

это отделение, не совсем ясно, так как буквально рядом сказано, что логика обязана исследовать мышление «во всех его проявлениях, в том числе, разумеется, и в словесном его выражении». Причем она (логика) обязана обнаруживать «логическую форму как таковую, форму мышления как таковую», вне ее зависимости от «внешней формы» этой формы, т. е. вне терминологии и синтаксиса языка.

Но «формы мышления», лишенные всякой формы, невыразимые в терминах согласно законам языка, становятся воистину неуловимыми. Здесь Э. В. Ильенков идет значительно «дальше» Гегеля, который все же считал язык «высшей и адекватнейшей формой» проявления силы мысли.

Каким же образом логика способна найти и исследовать эти «чистые формы самого мышления»? Обращаться к феноменам языка ей запрещено; да и немного проку было бы от такого обращения, поскольку ни терминологическая, ни синтаксическая стороны языка не должны приниматься во внимание. Поэтому логика должна найти другую, адекватную сферу «реализации мышления». Таковой сферой объявляется вся совокупность человеческой практики: «Логические формы (схемы, фигуры) — это формы, в рамках которых совершается человеческая деятельность вообще, на какой бы предмет, в частности, она ни была направлена, будь то слова, вещи или события, исторические ситуации»¹.

Таким образом, логические формы — это не формы мыслительных операций, являющиеся результатами миллиарды раз повторяющихся

¹ Настоящее издание, стр. 125.

практических действий человека, отраженных в его сознании, а формы самой деятельности людей, общественной практики, которая тождественна мышлению, поскольку является его «реализацией». Из этого положения следует, что из числа логических форм (фигур) нужно исключить такие, которые, по-видимому, без натяжки не могут считаться «формами человеческой деятельности вообще», например так называемый «закон приведения к абсурду» $\left(\frac{A \rightarrow B, A \rightarrow \overline{B}}{A}\right)$ или «модус толленс» $\left(\frac{A \rightarrow B, \overline{B}}{A}\right)$, сплошь и рядом используемые в математических доказательствах, эти фигуры есть всего-навсего «формы речи», а вовсе не логические формы.

Таким образом, оказывается, что «реальной логической формой, в рамках которой совершается действительное мышление, реализующее себя в виде развития науки, техники и нравственности», является противоречие. Что же касается известного формально-логического «закона запрещения противоречия», то он объявляется «вне закона» в логике, поскольку это даже не закон, а «всего-навсего абстрактно сформулированное требование, никогда и нигде в реальном мышлении (в развитии науки и техники) не осуществляющееся и не осуществимое»¹.

Отсюда либо геометрические системы Евклида, Лобачевского, Римана, исчисления бесконечно малых, механика Ньютона, специальная теория относительности, современная генетика и т. д. не являются результатами «реального мышления» и не знаменуют собой этапы раз-

¹ Настоящее издание, стр. 128—129.

вития науки, либо они являются формально-противоречивыми. Э. В. Ильенков пишет: «...Реальный язык науки... достаточно гибок, чтобы в нем можно было выражать («высказывать») противоречия *как противоречия*, а не как их отсутствие»¹. Это значит, по-видимому, что непротиворечивая научная теория либо не является научной, либо выражена не в реальном языке науки.

Не станем допытываться, как нужно понимать, что наука, техника и нравственность являются «реализацией мышления»; мы предпочли бы говорить, что мышление является высшей формой отражения в сознании объективно-исторических процессов природы и общества (человеческой природы), движение и развитие которых подчинено законам объективной диалектики, в том числе закону единства и борьбы противоположностей.

Допустим все же, что некоторая двусмысленность термина «реализация» может быть устранена путем соответствующих оговорок и уточнений. Тем более, что в другом месте сказано: «Противоречие, как и любая другая логическая категория, есть не что иное, как отраженная в сознании человека... всеобщая форма развития «бытия», т. е. естественно-природного и общественно-исторического развития мира вне сознания»². Таким образом, суть дела состоит не в «реализациях логических форм мышления» в природных и общественных процессах, а в отражении в мышлении всеобщих законов объективного развития.

¹ Настоящее издание, стр. 131.

² Там же.

В этом действительно главная суть проблемы, и в этом нельзя не согласиться с Э. В. Ильенковым. Но каким образом происходит это отражение? В чем его сущностные механизмы? Э. В. Ильенков отвечает: «...Соединение противоречащих определений в составе теоретического понятия (т. е. в составе развернутого теоретического понимания вещи, «сути дела») оказывается *единственно-адекватной формой отражения объективной реальности в мышлении человека* (курсив мой.— В. П.), а стало быть, и в словесном выражении, в синтаксической конструкции «высказывания» таких ситуаций»¹. Такова позиция Э. В. Ильенкова.

Что же, возврат к понятийно-терминологическому аппарату науки и законам построения языка все же осуществлен, хотя и несколько нелегально, ведь «формы отражения объективной реальности» суть логические формы, а последние, по требованию автора, должны быть очищены от их словесно-синтаксических оболочек.

Но как раз в тот момент, когда мы из области внеязыковых «реализаций мышления» вернулись в сферу науки, в сферу, где совершается поступательное движение мышления к истинному познанию действительности, проходящее через путевые отметки относительных истин, нас встречает утверждение, что путь науки можно считать завершенным, адекватное отражение — достигнутым, как только нам удалось сформулировать противоречие, причем не простое, а доказанное необходимостью превращения ситуации в свою собственную противоположность.

¹ Настоящее издание, стр. 130—131.

Однако сводить процесс отражения объективного диалектического противоречия, которое само есть процесс и лишь в качестве такового является предметом диалектического мышления, к фиксации противоречивых определений (будь то в формуле вида A и $не-A$, будь то в «составе развернутого теоретического понимания вещи») означает «омертвлять», останавливать этот процесс. Процесс отражения объективного противоречия состоит не только в обнаружении или фиксации противоречивых определений в рамках имеющегося «наличного» теоретического знания о предмете, но и в разрешении этого противоречия путем перехода к более высокому теоретическому уровню, более глубокому познанию предмета, а не путем «чисто лингвистических упражнений с терминами, входящими в состав «противоречивой конъюнкции»». Что это означает, показывает пример Марксова «Капитала», в котором, как правильно отмечает *Ф. Ф. Вьяккерев*, теоретически разворачивается последовательная, непротиворечивая система категорий. Может быть, *Э. В. Ильенков* в этом сомневается? Тогда ему стоило бы привести пример, иллюстрирующий формально-логическую противоречивость марксистской политической экономии, где и в чем К. Маркс нарушает требование «похороненной в качестве самостоятельной науки» формальной логики?

Впрочем, в чем состоят эти требования, не всегда правильно понимается. Конечно, речь здесь идет о современной, а не «догегелевской и даже докантовской» формальной логике, отдельные представители которой действительно придавали ее законам не только абсолютизированно-универсальный гносеологический, но и

онтологический статус. Сплошь и рядом можно встретить утверждения, что формальная логика «изгоняет противоречия из мышления», «выдвигает идеал» правильного (другими словами, логичного, научного) мышления, в составе которого противоречий «не должно быть», потому что всякое противоречие истолковывается ею как результат произвольного «нарушения» законов мышления (А. А. Сорокин), и т. д.

Но формальная логика не претендует на роль законодателя для мышления, понятого как общественно-исторический процесс развития и становления научного знания о мире. Эта задача возложена на логику диалектическую. Законы формальной логики призваны обеспечить непротиворечивость научных теорий, в процессах создания, совершенствования которых осуществляется, объективируется само мышление. Каждая из этих теорий является системой знаний о мире, построенной на более или менее сложном фундаменте абстракций, идеализаций, исходных допущений. Помимо прочего, это означает, что каждая теория (или научная система) представляет собой огрубленный, упрощенный, разделенный образ той или иной сферы действительности, играющей роль предметной области данной теории.

В рамках теории и исходных абстракций возникновение противоречий может означать лишь одну из трех следующих возможностей. Наиболее простая: в процессе демонстративного развертывания теории допущена ошибка — тогда красный сигнал противоречия преграждает путь к дальнейшему нагромождению неверных выводов. Более сложная: логические средства, используемые в этом процессе, оказались недоста-

точными, неэффективными — тогда за дело принимается аппарат современной формальной логики, разрабатывающий целый арсенал логических средств, который имеет очень мало общего с простеньким инвентарем нехитрых правил, обеспечивающих элементарную культуру рассуждения. Примером могут служить логические непротиворечивые системы, в которых устраняются известные парадоксы движения. И, наконец, третья, наиболее сложная возможность. В процессе развертывания теории, при безупречном использовании логики и при отсутствии достаточных оснований считать эту логику неэффективной, в результате привлечения новых данных обнаруживается противоречие, являющееся результатом столкновения, конфликта исходных абстракций с реальным, более глубоко обнаруживающим себя состоянием дел. «Как только теория, опирающаяся на систему абстракций, перешагивает границы, к которым эти абстракции применимы, в ней возникают формально-логические противоречия»¹.

Такие противоречия не «изгоняются» формальной логикой; она может лишь обеспечить их фиксацию, но не разрешение. Такие противоречия являются центральными проблемами для данной науки, их разрешение невозможно без перехода к новой теории, использующей более глубоко проникающие в истинную природу вещей абстракции и допущения. Именно в цепи таких переходов отражается объективно-истинный, диалектически-противоречивый характер изучаемых наукой явлений; именно та-

¹ «Логика научного исследования». М., 1965, стр. 217.

ким образом осуществляется и обнаруживается диалектически-противоречивый характер мышления. Нам представляется удачным освещение этого вопроса *В. И. Метловым*.

Очевидно, что роль формальной логики гораздо значительней, чем приписываемая ей запретительная функция. Суть дела вовсе не в «произвольном нарушении» законов логики.

Вопрос о том, является ли формальная логика наукой о мышлении, вернее, подчиняются ли ее законам мыслительные операции человека, достаточно сложен и спорен; его обсуждение потребовало бы, вероятно, книги, не меньшей по объему, чем данная. На наш взгляд, формальная логика в ее современной математической форме имеет своим непосредственным объектом язык науки и его явления; однако мы ни в коем случае не хотели бы вырывать пропасть между языком, в котором фиксируются и разрабатываются научные теории, и мышлением человека, реализующимся в создании этих теорий. В этом смысле формальная логика опосредованно изучает мышление; степень и интенсивность такого опосредования — это целая самостоятельная область исследования. Однако можно с уверенностью сказать, что нет никаких оснований считать современную формальную логику лишь специфической частью науки о знаках (семиотики). Соблюдение норм и правил, вырабатываемых в этой логике, является обязательным не только в рамках исчисления высказываний (кстати, последнее — это только наиболее элементарная часть логики) и вообще не только в рамках логических исчислений, а на всем пути построения той или иной научной системы, использует ли она символы или обходится без них.

Это соблюдение, конечно, не имеет ничего общего с подменой собственных путей развития той или иной науки проторенными колеями формальных исчислений. Попытки такой подмены давно являются позавчерашним днем методологии науки; если рецидивы таких попыток имеют место и сегодня — что же, никому не возбраняется ломать голову над псевдопроблемами типа «вечного двигателя»!

О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ОБЪЕКТЕ И МОДАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

Б. А. Ласточкин

Рей Брэдбери в «Марсианских хрониках» рассказывает грустную историю о добром существе, которое становилось тем, кого в нем хотели видеть. Но каждый хотел видеть только свое, родное, близкое, — и доброе существо в конце концов гибнет под напором эгоистических требований, эмоций и прошлого опыта многих людей. «Он лежал на камнях — застывал расплавленный воск, и его лицо было как все лица, один глаз голубой, другой золотистый, волосы каштановые, рыжие, русые, черные, одна бровь косматая, другая тонкая, одна рука большая, другая маленькая. Они стояли над ним, прижав палец к губам...»¹

Может показаться, что наш диспут ожидает подобная участь — слишком уж в разных преломлениях рассматривается проблема противоречия. На деле положение не так уж безнадежно, ибо, несмотря на различия, почти все его участники акцентируют исторический аспект проблемы и полемизируют с той или иной формой гипертрофии логического. И ничего удивительного в этом нет — ведь исторический подход является одним из главных моментов, отличаю-

¹ Р. Брэдбери. Марсианские хроники. М., 1965, стр. 248.

щих диалектический материализм от метафизического.

Основной вопрос диспута: как понять и как выразить в логике понятий *противоречивость единого* «в одном и том же месте», «в одно и то же время», «в одном и том же отношении»? И главная трудность, на наш взгляд, состоит в поисках *содержательной онтологии*, так как противоречивость познания, хотя и толкуется по-разному, но признается, кажется, всеми. А посему несколько слов в защиту невульгаризированной «онтологии».

К сожалению, приходится констатировать, что, несмотря на многолетние усилия, представление о диалектическом объекте далеко еще не получило повсеместного распространения. «Объект природы» в сознании даже крупных ученых чаще всего ассоциируется с неким косным субстратом, безжизненной вечностью и механическим движением, иными словами, представляет собой прошлое омертвленное знание. Понимание функционального, процессирующего и саморазвивающегося объекта, имеющего в качестве движущей пружины противоречие, рефлексия, целеполагание, — такое понимание еще не овладело «массовым сознанием», хотя возрастающая роль экономической, социологической и экологической проблематики (а также ценностных аспектов естествознания) оставляет надежду на неизбежность диалектизации научного мышления.

Современной науке все чаще и чаще приходится иметь дело с объектами, в которых оперирующий и прогнозирующий субъект внутренним образом, органически включен в процесс функционирования и развития. Специфика именно таких объектов вызвала к жизни про-

гностику, исследование операций, теорию принятия решений и тому подобные дисциплины, остро нуждающиеся в новой онтологии. И когда *Г. С. Батищев* говорит об объективной неизбежности критического момента, остается только согласиться с ним.

Проблема противоречия не может быть локализована ни только в онтологии, ни только в гносеологии, ибо для любой проблемы, претендующей на философский статус, объект-субъектное отношение является «атомарным фактом», не допускающим ни дробления, ни крайних деформаций. Однако реальный «поляризм» (и даже «антиномизм») естественных и общественных наук, традиционно тяготеющих к крайностям объект-субъектного отношения, вряд ли может быть преодолен путем отрицания онтологии или гносеологии. Нам представляется более плодотворной установка на поиски и онтологической, и гносеологической интерпретаций.

Драматизм современной физики как раз и заключается в сильном гносеологическом крене содержательных трактовок квантовой механики. Все попытки как-то выправить крен и онтологизировать картину физической реальности, т. е. попытки дать описание «объекта самого по себе», пока что неудачны, так как представляют собой либо тяжеловесную реанимацию классических представлений, либо вульгаризацию. Без преувеличения можно утверждать, что гносеологическая однобокость квантовой механики в какой-то степени тормозит развитие физики, и новый взлет будет возможен лишь после создания новой онтологии. Физикам трудно без этого, и даже самые ортодоксальные сторонники квантовой теории вынуждены каким-то образом ре-

шать для себя объект-субъектную проблему в онтологическом плане, что и делается самым прямолинейным и примитивно-эмоциональным способом: объявлением человека вообще и физика-экспериментатора в частности «не только зрителем, но и участником драмы жизни».

Диалектическое противоречие есть *противоречие в сущности* объекта («прообраза», «референта», «вещи»), и проблему можно поставить шире: а как вообще возможно различие в сущности? Ведь если различие по свойствам или различие в разных отношениях не составляют трудности для понимания, то «различие в сущности» несколько озадачивает. Кажалось бы, сущность, по определению, есть нечто нераздельное и целостное, некая простая предпосылка бытия объекта. Это не так. Различие в сущности тоже имеет место, но существует оно как *возможность* (тенденция, прогноз). Обыденное мышление намертво связывает возможность с несуществованием, определяя ее как некое *особое свойство несуществующего*: «возможность землетрясения», «возможность прохождения электрона» и т. д. Однако и современная общественная жизнь, и современное естествознание настойчиво наталкивают нас на мысль, что возможность — это не столько «особое свойство несуществующего», сколько *особо существующая вещь*. Так, возможность землетрясения приводит к таким существенным движениям материальных и духовных сил общества: специализированное жилищное строительство, массовый инструктаж населения и т. п., что лишать эту возможность статуса реального существования просто нелепо (хотя бы по критерию «восприимчивости»).

Одновременная возможность прохождения электрона через две щели выражается во вполне реальной интерференционной картине, никаким другим способом не получаемой. Здесь важно обратить внимание на тонкое различие между нереальным и реальным. Если рассматривать «возможность одновременного прохождения», то это будет нереальная модальность-свойство, приводящая к парадоксам. А вот «одновременная возможность прохождения» — это уже реальная модальность-вещь, которой оперирует квантовая механика. Перестановка отнюдь не невинна. Можно, конечно, возразить, что «одновременность», стоящая перед «возможностью», оставляет открытым вопрос о том, какое «прохождение» имеется все-таки в виду: одновременное или неодновременное. Это возражение исходит из того, что впереди стоящая «одновременность» относится только к одному термину «возможность», а не ко всему последующему словосочетанию. Однако в таком понимании, отрицающем сквозное действие, «одновременность» вообще теряет смысл и ее можно отбросить, ибо одна «возможность» никакой другой, кроме как «одновременной», и быть не может. Тем самым мы возвращаемся к возможности-свойству. Здесь вообще открывается неограниченное поле для изощренной конструктивно-логической деятельности, но в любом случае раз осознанное различие между возможностью-свойством и возможностью-вещью вряд ли устранимо.

Таким образом, «бытие в возможности» — это самостоятельная сфера реальности и существования. *Момент модальной онтологии неисключим из понимания объективного характера*

диалектических противоречий. В. И. Ленин писал: «...признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества *в том числе*)»¹. И вряд ли термин «тенденция» использован здесь Лениным случайно. Вспомним высказывания Гегеля о сущности: «Она *есть раньше, чем она существует...*»² или «сущность есть прошедшее, но *вневременно* прошедшее бытие»³. Вот это самое «быть раньше существования» и «вневременно предшествовать», т. е. быть в возможности, как раз и является камнем преткновения для понимания противоречивого характера объективной реальности.

Диалектическое мышление не испытывает затруднений в оперировании объективированной модальностью диалектических противоречий, виртуозно раскрывая внутреннюю напряженность бытия в терминах «отрицание», «отрицание отрицания», «динамизм», «становление», «развитие», «разрешение», «снятие» и обобщая все это в узловом понятии «исторический подход».

Но физик, видимо, в силу специфики своей деятельности более склонен к статичным представлениям и привык мыслить не в терминах *исторического процесса*, а в терминах *логического наличия*. Вопрос о том, является ли эта привычка преходящим моментом или принципиально неустранима для физического знания, дискусионен, и нет смысла здесь в него углубляться. Но в любом случае совершенно непо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

² Гегель. Наука логики, т. 2, стр. 108.

³ Там же, стр. 7.

нятно, почему философы должны встречать в штыки модальную онтологию, выстраданную квантовой механикой. Не будет ли более правильным благословить физиков на признание «бытия в возможности», тем более что вопрос об этой форме бытия имеет богатейшую философскую традицию, у истоков которой стоят такие фигуры, как Платон, Аристотель, Николай Кузанский, Лейбниц, и многие другие, внесшие весомый вклад в разработку диалектики. Все они бились над поисками онтологических аналогов модальных категорий. Еще древние говорили о «существовании в возможности», еще Николай Кузанский утверждал, что, «если возможность должна быть совершеннейшей, необходимо, чтобы в ней были бытие и связь того и другого. Таким же образом, если бытие должно быть совершенным, необходимо, чтобы в нем существовали возможность и связь того и другого»¹. Так почему бы современным физикам не приходиться к диалектике подлинно исторического через понятие онтологизированной модальности? Тем более, что представление об историческом процессе часто все еще связывается не с качественной спиралевидностью, а с прямолинейной «стрелой времени». Не случайно столь многочисленны публикации по так называемой «логике времени», выдаваемые за философские исследования и ничего, кроме замуфлированной в знаках банальности линейного следования, не содержащие.

Но призывая отказаться от толкования возможности как особого свойства несуществую-

¹ Николай Кузанский. Избранные философские сочинения. М., 1937, стр. 320.

щего и признать ее особо существующей вещью, стоит предвидеть и многочисленные возражения и контрдоводы, связанные с привычным толкованием терминов «существование-несуществование», «потенциальное-актуальное», «возможное-действительное», «закон-прогноз». Подробный анализ потребовал бы слишком много времени, но и оставить без разъяснения понимание перечисленных терминов нельзя, не рискуя заслужить упрека в неясности¹.

Существование и несуществование — самая первая и самая примитивная схема реальности. Любое рассуждение о чем-либо начинается с установления бытия или небытия, но это только начало. Доведенная до крайности, эта схема отказывает в существовании как будущему, так и прошлому, признавая существующей лишь ту неуловимую точку настоящего, где будущее загадочным образом превращается в прошлое. Однако, если преодолеть резко расчленяющие представления о бытии и небытии, то мы увидим, что существующее в данный момент не исчезает в следующее мгновение бесследно — оно стареет и умирает. Точно так же оно и не возникает мгновенно из небытия, а вызревает и рождается. Таким образом, реальность предстает в виде некоторой смеси существования и несуществования, и, анализируя свойства этого «конгломерата», мы приходим к более сложной схеме реальности, включающей *сферу закона* и *сферу прогноза*.

Потенциальное отнюдь не совпадает с возможным, хотя тандем «потенциально-возмож-

¹ Подробно эта проблема рассматривается в нашей статье «О модальном (действительность возможного)» в сборнике «Проблемы диалектики». М., 1973.

ное» уже примелькался на дорогах познания. Потенциальное связано с моментом устойчивости и повторяемости в развитии, т. е. с закономерностью, опирающейся на прошлый опыт. А возможное — это область нестабильности и неожиданности, т. е. область прогноза, ориентированного на будущий опыт. Потенциальное — это нечто хотя и неразвернутое и незавершенное, но имеющее своим гарантом исторический опыт, в отличие от возможного, предусматривающего мутации и отклонения от ранее известной закономерности. В нашей философской литературе уже складывается представление о том, что «прогноз» является парным дополнением категории «закон»¹. В. И. Ленин отмечал: «Закон берет спокойное — и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приблизителен... Явление *богаче* закона»². В настоящее время все чаще приходится иметь дело с явлениями, быстро выходящими за границы равномерного развития и устойчивости (капиталистическая экономика, экологическое равновесие и т. п.). Это, в свою очередь, вызвало развитие исследований в области поведения в критических ситуациях. Уже говорилось, что все большее значение приобретают такие дисциплины, как прогнозирование, исследование операций, теория принятия решений и т. д.

Актуальность не совпадает с действительностью, а оба эти понятия нельзя отождествлять с категорией существования, хотя именно

¹ См. А. В. Кацура. Дополнительность закона и прогноза. Сб. «Принцип дополнительности и материалистическая диалектика» (Материалы теоретической конференции). Обнинск, 1972, стр. 59.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 136, 137.

в этом смысле они часто употребляются. *Актуальность означает значимость потенциального*: когда мы говорим, что нечто актуализировалось, то имеем в виду усиление степени этого нечто, т. е. его значимости в какой-то системе закономерных отношений. *Действительность означает значимость (действенность, степень) возможного*. М. Э. Омеляновский пишет: ««Существующее» и «действительное» совсем не тождественны, и в современной физике это обстоятельство буквально осязаемо»¹. Когда говорят о «переходе возможности в действительность», то это означает не более того, что несуществующее переходит в существование, т. е. этот оборот является всего лишь фигуральным выражением. Действительность, будучи степенью возможного, неотделима от него (ведь когда мы говорим, что «количество переходит в качество», это не означает разделенности во времени, качество и количество едины в существовании, а говоря о переходе, мы имеем в виду смену состояний этого единства). Еще Гегель, утверждая, что «все разумное действительно», имел в виду разумно-возможное и степень его реализации.

На рассудочном уровне членение реальности осуществляется обычно «по вертикали»:

| Несуществование
↓ Существование

Методология слегка разворачивает эту схему, принципиально ничего в ней не меняя:

| Потенциально-возможное
↓ Актуально-действительное

¹ М. Э. Омеляновский. О физической реальности. «Вопросы философии», 1971, № 10, стр. 105.

Думается, что уже созрели понятийные предпосылки для перехода к более содержательному членению реальности «по горизонтали», т. е. различению *сферы закона* и *сферы прогноза*:

Сфера закона	≠	Сфера прогноза
Потенциальное		Возможное
Актуальное		Действительное

Взаимосвязь двух форм реальности — вопрос сложный и требует специального рассмотрения. Заметим лишь, что в физике эта связь схватывается в понятии волновой функции.

На первый взгляд может показаться, что в таком членении реальности есть один существенный недостаток: односторонняя ориентация на будущее. Получается, что всеобъемлющая реальность состоит в основном из «потенциального» и «возможного», а казавшиеся ранее такими значительными категории «актуальное» и «действительное» низведены до уровня каких-то значимостей, свойств, характеристик. Но это не так, ибо при движении из неведомого будущего значимости нарастают, а при уходе в исчезающее прошлое значимости убывают. Иными словами, вместо примитива точечных представлений о настоящем имеем более содержательную картину рождения и умирания, т. е. реальной жизни. А что касается «потенциального» и «возможного», то они, если угодно, наличествуют не только в настоящем и будущем, но и в прошлом, в качестве нераскрытых потенциалов, неиспользованных возможностей.

Кратко резюмируем: *признание онтологического статуса «бытия в возможности» может помочь пониманию сущностной противоречивости объективной реальности.*

ИСТИННЫ ЛИ ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ВХОДЯЩИЕ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Э. Н. Глаголева

В одном из фантастических рассказов Р. Шекли происходит такое событие. Конструктор только что созданной им планеты Земля рекламирует ее покупателю. Он объясняет принцип устройства жизни на Земле, для чего излагает в соответствии со своим пониманием концепцию «научного детерминизма», включающего в себя противоречия (последние истолковываются как отношения полярных противоположностей), говорит о метаморфозах вещей.

«Представляете картину? — обращается он к покупателю. — Все начинают трансформироваться, как сумасшедшие, и превращаются в свои противоположности. Для более высокоорганизованной материи то же самое — и получают группы антиподов». Но, естественно, возникнет вопрос: «Что дальше? Неужели все антиподы будут выворачиваться туда и обратно?» Конструктор отвечает отрицательно, ибо, как он говорит, «эти антиподы, скачущие вокруг, как дрессированные тюлени, они лишь отражение реальности», и есть некий разум, «который высится над шумом и сумятицей мира явлений» и своим всепроникающим взором достигает отдаленнейших мастерских мироздания, застывших в «величественной и прекрас-

ной гармонии». Покупатель сначала, «как и все интеллигенты... попался на противоречия и загорелся желанием систематизировать их», а затем — «прилично заплатил» за планету, не заставив конструктора что-либо перестроить на ней¹.

Краткий пересказ этой вымышленной истории сделан отнюдь не с целью почерпнуть в ней спасительные аргументы для обоснования каких-либо одних определений противоречия или для опровержения других. В такой же мере он не сделан и для того, чтобы представить это беллетристическое изложение еще одной точкой зрения на диалектику порождения материей своей противоположности — духа и на противоречия между ними. И тем не менее, сославшись на эту вымышленную историю, все-таки можно высказать некоторые соображения по вопросу о том контексте, в каком следует ставить и решать проблему противоречия.

Существует мнение, что эту проблему можно рассматривать только в научно-теоретическом контексте. Однако ранее изложенная история, так же как и вся история комедиографии, трагедиографии, истории эстетики, свидетельствует о том, что проблему противоречия следует ставить и решать не только в связи с научно-теоретическим мышлением, но и в связи с эстетическим отношением, и искусством в частности. Ее следует ставить и решать как проблему одной из всеобщих форм работы не только мышления, но и чувственности, и созерцания. К тому нас обязывает и история категорий диалектики. Ведь как всеобщности они бы-

¹ См. *Р. Шекли*. Сколько стоит планета. «Простор», 1972, № 7, стр. 126.

ли первоначально вычленены, по признанию Гегеля, из материала «сознающего себя созерцания, представления»¹. Показателен и тот факт, что в истории философии (у пифагорейцев) впервые высказанная идея единства противоположностей обладала эстетической значимостью, являлась определением эстетического понятия «гармония».

Теоретическое понимание данного обстоятельства принципиально важно для генезиса категорий диалектики. Вне этого генезиса возникает та самая позитивистская трактовка кантовского априоризма, которая представляет формы мышления, созерцания, в том числе и противоречие, в виде некоторых правил, сугубо субъективистских схем, только гносеологических принципов, дескать проецируемых человеком на материал познания, практического действия. Вполне понятно, что с точки зрения этого узкого гносеологизма не может быть и речи о превращении накопленной культуры во внутреннее, духовное богатство личности, в способности ее содержательной, предметно-творческой деятельности, протекающей по логике предмета, а не вопреки этой логике. Вникая в суть всех этих процессов, следовало бы вспомнить критику Гегелем априоризма Канта, но мы ограничимся лишь напоминанием одного из выводов Гегеля по поводу тех самых предрассудков обыденного сознания, от которых, по его мнению, следует освободиться прежде, чем приступаешь к философии, «так как они преграждают вход в нее»².

¹ Гегель. Наука логики, т. 1. М., 1970, стр. 84.

² Там же, стр. 97.

В этом отношении вымысел Р. Шекли представляет собой прекрасную пародию, однако не на диалектику, а на некоторые заблуждения нефилософского, обыденного сознания; заблуждения по поводу того, что является противоречием и диалектикой превращения вещей в свою противоположность, как относятся образы сознания к реальной действительности. В пародии Шекли высмеяна мнимая способность обыденного сознания подниматься над «иррациональной» сумятицей мира и проникать в незыблемое царство гармонии, воплощенной уж если не в противоречивом мире вещей, то хотя бы в содержании теоретического знания о нем.

И конечно же только в рамках этого обыденного сознания (не очень-то осведомленного в генезисе философских категорий, в том числе и категории «иррациональное») можно было уличить Гегеля в иррационализме, имея в виду его концепцию противоречия. Как известно, само понятие иррационального, возникшее в системе пифагорейской философии и математики, означало отсутствие некой правильности, соизмеримости, того, что позднее стали называть закономерностью, в предмете, постигаемом разумом. Но в этом-то смысле понятие «иррациональное» как раз и неприложимо к диалектике Гегеля, ибо именно в законах диалектики Гегель сформулировал такую правильность, нашел такое «измерение» для развития, которое только и может быть выражено в виде категорий и законов диалектики. Что же касается процесса саморазвития предмета, то правильность и упорядоченность его разум постигает, фиксируя «порядки» отрицания существенных определений, тех существенных опре-

делений, в отрицании которых и заключается сущность противоречия, выражаемого формулой «*A* есть *A* и *не-A*». Без этого отрицания — самоотрицания — не происходит процесса саморазвития реального явления, процесса, в котором одно качественное состояние вещи сменяется иным качественным состоянием.

Нельзя согласиться с мнением, что выше-названная формула противоречия фиксирует только качественное постоянство вещи и ее количественное изменение. В такой трактовке формулы противоречия упускается из виду главное: качественное изменение вещи; упускается из виду то, что определение качества, как это отмечал уже Гегель, содержит в себе свое отрицание, ибо вещи существуют не в тождественном себе состоянии, а в постоянном процессе изменения, развития, нарушающем эту тождественность. В итоге и получается, что качество, отличающее данную вещь от всех других вещей, тождественность последней самой себе («*A* есть *A*») подвергается изменению и отрицается. И это выражается в другой части формулы противоречия («*A* есть *не-A*»). И так складывается общая формула противоречия «*A* есть *A* и *не-A*». Этот тип отрицания как нарушения тождественности встречается у К. Маркса, когда он сравнивает обесценивание капитала, запускаемого в производство, с зерном, посеянным в землю.

Такое истолкование содержания формулы противоречия не противостоит пониманию противоречия, трактуемого как единство отрицания и взаимополагаемости и взаимоопределяемости двух противоположных моментов одной и той же сущности, ибо противоречие «*A* есть *A* и

не-А» как раз и порождается в процессе самодвижения отрицанием и взаимоопределением одной стороны взаимодействия другой. Это можно проиллюстрировать таким высказыванием К. Маркса: «Индивиды, производящие в обществе,—а следовательно общественно-определенное производство индивидов,—таков, естественно, исходный пункт»¹. По отношению к каждому из этих противоположных суждений (так же, как и по отношению к суждениям «человек делает историю» и «история делает человека») можно сформулировать антиномию, выраженную формулой «А есть А и не-А».

В. Н. Порус в своем отношении к антиномии стоит на позиции, отрицающей, что тезис и антитезис, составляющие антиномию, являются в равной мере истинными. В результате он пишет по поводу известной антиномии К. Маркса, что она якобы не выражает реальное движение капитала, а только несет на себе следы «недостаточности и внутренней противоречивости» понятийного аппарата классиков буржуазной политэкономии, что она является итогом незрелости этой старой теоретической системы.

Подход К. Маркса к проблеме становления капитала отличался от подхода его предшественников прежде всего материалистическим пониманием истории, глубиной проникновения в сущность отношений между трудом и капиталом, точным знанием того, что источник капитала скрыт не в обращении, а в процессе производства. Тем не менее Маркс не отметил те трактовки обращения, которые, по его мнению,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 17.

должны входить в понятие капитала¹, в связи с чем он рассматривал обращение и как условие, и как результат производства капитала. Он писал, что капитал «возникает из обращения как нечто самостоятельно обособившееся»². Последнее положение Маркса почему-то часто опускается теми, кто пытается найти антигегелевское толкование антиномии. В. Н. Порус учитывает одно, а именно то, что капитал возникает в производстве. Между тем марксово понимание диалектики возникновения капитала и в обращении, и в производстве позволило раскрыть противоречие между условиями возникновения капитала. Маркс отмечал, что «вытекающие из самой природы капитала условия его производства противоречат друг другу»³. Из взаимодействия этих условий он выводил взаимообусловленность качественных состояний капитала и их взаимоотрицание, что отразилось на тех противоположных и одинаково истинных определениях капитала, которые содержатся на страницах первого тома «Капитала», страницах, посвященных анализу движения «самовозрастающей» стоимости по формуле $D-T-D'$.

Представляется необходимым более детально остановиться на этих противоречивых определениях, поскольку здесь с помощью «Капитала» К. Маркса, пожалуй, скорее всего можно решить дискутируемый вопрос: являются ли антиномии и взаимоисключающие суждения истинным воспроизведением противоречий ре-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 140.

² Там же, стр. 481.

³ Там же, стр. 42.

ального предмета или антиномии и взаимоисключающие суждения суть только результат какой-либо недостаточности знания, как полагает *В. Н. Порус*, или специфическая логико-гносеологическая форма «огрубления» самодвижения, как это считает *Ф. Ф. Вяккерев*? Коротче говоря, обращаясь к «Капиталу» Маркса, мы будем выяснять вопрос не о том, что антиномию следует считать законченным результатом исследования (ибо антиномия — это только формулировка проблемы, начало теоретического исследования), а о том, что она является адекватным выражением противоречивых моментов реального движения, о том, что противоположные определения выражают противоречия в сущности развивающегося, движущегося предмета. Иными словами, мы обращаемся к проблеме конкретно-диалектического тождества бытия и мышления в ее частной постановке: к вопросу об отношении противоречий в сознании к противоречиям в действительности.

Появление теоретически противоположных, противоречащих определений в «готовом» знании о капитале было подготовлено исследованиями Маркса. В работе «Экономические рукописи 1857—1859 годов» Маркс писал, что возрастание капитала, совершаемое по формуле $D-T-D'$, в каждой фазе своего прохождения содержит отрицание капитала как субъекта различных превращений и в то же время таит в себе условие его перехода в следующую фазу, в иное качественное состояние. В итоге движение возрастающей стоимости — капитала — в каждой фиксируемой точке, в каждом отдельном моменте предстает противоречивым, как полет стрелы.

Так, в «Капитале», характеризуя движение стоимости, какую бы форму она ни принимала—форму денег или форму товара,— К. Маркс отмечает, что в каждой из этих форм своего существования возрастающая стоимость есть капитал и в то же время должна еще превратиться в капитал, т. е. еще не стала капиталом. Приведем несколько высказываний Маркса. Исследуя появление капитала в форме денег, он использует противоположные, противоречащие друг другу определения: «...нет надобности обращаться к истории возникновения капитала для того, чтобы убедиться, что деньги являются первой формой его проявления... Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене... неизменно является в виде денег,— денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал»¹. Обратим внимание, что капитал появляется как деньги, деньги должны превратиться в капитал.

Стоимость, первоначально представленная в деньгах, становится капиталом тогда, когда к ней присоединяется прибавочная стоимость, «ибо лишь благодаря прибавочной стоимости в 10 ф. ст. авансированные 100 ф. ст. становятся капиталом...»². Но далее это положение Маркса, фиксирующее возникновение капитала из денег, отрицается противоположным ему утверждением: «...мы исследовали, каким образом прибавочная стоимость возникает из капитала...»³. По поводу прибавочной стоимости Маркс пишет, что в процессе производства она существует «как стоимость определенной части

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 157.

² Там же, стр. 165—166.

³ Там же, стр. 592.

валового продукта»¹ и, чтобы ей стать капиталом, «необходимо часть прибавочного продукта превращать в капитал»². Таким образом, и здесь, в случае с прибавочной стоимостью, обнаруживается при столкновении противоположных определений тот же тип отрицания, что и в случае с денежной формой капитала: содержащаяся в новом товаре прибавочная стоимость есть капитал и еще не стала капиталом, и не станет капиталом, если снова не обособится в денежную форму и не будет на рынке противопоставлена товару «рабочая сила». И в этом постоянном движении через серию отрицаний — отрицаний, которые выражаются в теории через одинаково истинные противоположные суждения, капитал только и может существовать как капитал, а через взаимоотрицающие суждения он только и может быть понят как капитал.

Достаточно в научно-теоретическом воспроизведении К. Марксом процесса движения капитала провозгласить какое-либо одно из высказанных противоположных суждений неистинным или изъять одно из противоречащих суждений (относящихся друг к другу по формуле «*A* и *не-A*»), как это привело бы к искажению картины реального движения капитала, к выхолащиванию диалектики из понятия об объективном процессе. Эти искажения и выхолащивание резюмировались бы в утверждении того, что обращение и производство с момента своего возникновения вместе с товарами и деньгами порождает капитал, либо того, что об-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 593.

² Там же, стр. 594.

ращение и производство не являются противоречащими друг другу условиями капитала, что источником прибыли в лучшем случае является спекуляция и обман, о чем собственно и говорили многие представители буржуазной политекономии.

Таким образом, разработанное К. Марксом теоретическое понятие, воспроизводящее движение капитала как возрастающей стоимости, представляет собой систему логически развиваемых определений, с необходимостью содержащих в себе противоречия и синтезирующих одинаково истинные противоположные суждения. Это марксово понятие о капитале ни в какой мере, ни в одном из своих моментов, включая и антиномию возникновения капитала, не содержит предполагаемых *В. Н. Порусом* неточностей. Оно не является искажающим реальную действительность аналогом в такой же мере, в какой всякое содержащее противоречие, развивающееся понятие не является воображаемым искажением, не имеющим аналога в действительности и приостанавливающим функционирование диалектически противоречивого процесса.

Марксова антиномия и фиксирующие противоречия противоположные определения суть субъективный образ объективного мира, который является адекватным воспроизведением логики предмета в логике понятий. Поэтому этот образ нельзя назвать субъективным «огрублением» действительности, ее антиподом, или «негативным срезом». Теоретическая картина движения капитала, созданная К. Марксом, может служить одним из частных, но достаточно убедительных подтверждений непра-

вомерности той «поправки», которую вносит Ф. Ф. Вяккерев в понятие образа, беря его в кавычки. Единство теории познания и ленинской диалектико-материалистической логики находит свое наилучшее доказательство в марксовом исследовании капитала. И лишь различные попытки «уточнений» и корректировок содержащихся в нем определений приводят к утверждению, что «ни парадокс, ни антиномия не могут рассматриваться как адекватный образ объективного противоречия»¹. С этим обстоятельством во многом связаны и осуществляемые Ф. Ф. Вяккеревым поиски путей синтеза, как он говорит, двух «крайних» и «односторонних позиций в истолковании категории противоречия», а именно — синтеза положения о противоречии «в одном отношении» и положения о противоречии «в разных отношениях». Но ему следовало бы более обстоятельно доказать, что названные им «крайние» и «односторонние позиции» действительно составляют научно-теоретически сформулированную антиномию проблемы противоречия, доказать на научно-теоретическом материале, не беря в кавычки понятие образа, сохраняя его диалектико-материалистическую трактовку.

Как показывают материалы дискуссии и как это признают ее многие участники, одним из наиболее дискутируемых вопросов оказался вопрос об отношении содержащегося в научных теориях противоречия, выражаемого формулой « A есть A и не- A », к противоречиям развития реальных вещей. При этом ряд авторов твердо придерживаются того мнения, что антиномии

¹ Настоящее издание, стр. 68.

не являются адекватным образом объективных процессов.

Если бы они говорили о том, что антиномия не является исчерпывающим знанием о диалектике развивающегося предмета, то здесь едва ли было бы правомерно возражать.

Действительно, антиномичные высказывания — это только момент развивающегося понятия, момент истины-процесса. Этот момент есть частичное, относительное знание (но все же знание!) и знание, обладающее объективным содержанием, не зависящим от воли и желания, от какой-либо специфической субъективности познающего субъекта. По-моему, отрицание истинности антиномии связано с непониманием одного весьма важного диалектического закона развития, а порою не только с непониманием, но и с непризнанием того, что диалектическое отрицание является составной частью, необходимым элементом всякого развития. И если стоять на позициях диалектического материализма, то найти адекватную форму отражения этого отрицания можно только в форме антиномии. Это иллюстрировалось выше примером «Капитала» К. Маркса. Тот же самый феномен можно обнаружить и в классической физике И. Ньютона. Ведь она не просто содержала в себе неточности в определении времени и пространства как неких абсолютно самостоятельно существующих сущностей, но фиксировала абстрактные свойства времени и пространства, взятые в момент дискретности движения, вне соотнесения точки «здесь» и «теперь» с прошлым и будущим, с «тем» и «тогда»¹,

¹ См. Гегель. Наука логики, т. 1, стр. 315.

Иными словами, Ньютон в установленных им математических абстракциях времени и пространства уловил имманентные движению абстрактные моменты.

Однако, соединяя в своей теории арифметику, которая, по замечанию Гегеля, изучала время, и геометрию, которая занималась пространством, Ньютон поставил время и пространство в зависимость друг от друга. Впрочем, эта зависимость уже обнаруживалась и в формуле скорости, устанавливающей время и пространство в определенное соотношение. Таким образом, в теоретических построениях Ньютона сталкивались две противоположные характеристики времени и пространства, одна из которых фиксировала имманентный пространству и времени момент абсолютности (сейчас это называют относительной самостоятельностью), а вторая воспроизводила момент взаимозависимости. Самостоятельность времени и пространства и их взаимозависимость — это два взаимоотрицающих момента.

Теория относительности, разрешившая это противоречие, показала, что данная антиномия не являлась исчерпывающим знанием о времени и пространстве, но вместе с тем и не опровергла ее истинность.

Аналогичные формы отражения в образах антиномий можно обнаружить, если обратиться к биологии, генетике, психологии, физиологии, теории искусства и т. п. Здесь все-таки не следует забывать тот факт, что философия не искусственно констатирует определение категорий, не умозрительно дедуцирует, а находит их, обобщая логику развития человеческого познания, практики. И внимательное изучение

диалектики развития понятий в конкретных областях знания может способствовать обнаружению тех антиномий, которые являются адекватными образами воспроизведения моментов отрицания, содержащихся не в отношении полярных противоположностей, каждая из которых обладает своей сущностью, а в качественной определенности одной и той же вещи.

Очевидно, на этом материале только и возможно установить, оправдан ли предлагаемый *Ф. Ф. Вяккеревым* путь поиска синтеза крайних позиций, одна из которых фиксирует противоречия в одном отношении, другая же — в разных отношениях.

З. М. Оруджев поддержал точку зрения *Ф. Ф. Вяккерова* о необходимости преодолеть противопоставления друг другу двух форм противоречия, увидев в ней лишь одно упущение: а именно то, что «не включает в свою концепцию диалектического противоречия понятия промежуточных членов, или «посредствующих звеньев»». Однако в этом случае заранее подразумевается, что формула «в разных отношениях» является истинной противоположностью формулы «в одном отношении». Ведь необходимость введения «посредствующих звеньев» возникает тогда, когда вещь превращается в свою противоположность. Однако формулы «в одном отношении» и «в разных отношениях» не являются нам такого превращения. Они отражают противоречия разного типа. Формула в «одном отношении» подразумевает противоречие в сущности одного предмета, а формула «в разных отношениях» выражает отношение между сущностями разного порядка, между крайними, полярными противоположностями. Иными

словами, эти две формулы отражают разные в своей сущности отношения, отношения, которые в равной мере существуют в реальном мире, но тем не менее не исключают и не дополняют друг друга, поскольку одни из них проявляются во внешних, а другие во внутренних связях и взаимодействиях вещей.

В этом смысле данные отношения и выражающие их формулы выступают теми действительными крайностями, по поводу которых К. Маркс писал: «Действительные крайности не могут быть опосредствованы именно потому, что они являются действительными крайностями. Но они и не требуют никакого опосредствования, ибо они противоположны друг другу по своей сущности. Они не имеют между собой ничего общего, они не тяготеют друг к другу, они не дополняют друг друга. Одна крайность не носит в себе самой стремление к другой крайности, потребность в ней или ее предвосхищение»¹. Иными словами, чтобы можно было синтезировать формально-логическую и диалектическую формулы противоречия, для этого они должны быть истинными противоположностями, т. е. они должны представлять «противоположные определения одной и той же сущности, различия одной сущности на высшей ступени ее развития». Они должны обладать тождественной сущностью и представлять одну и ту же «дифференцированную сущность»². В этом контексте формула «в разных отношениях» не является истинной противоположностью формулы «в одном отношении».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 321.

² См. там же.

Часть вторая

**ПОВТОРНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ
БОЛЬШИНСТВА УЧАСТНИКОВ
«КРУГЛОГО СТОЛА»**

**КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ
И ОТВЕТЫ НА НИХ**

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ АНТИНОМИЯ «ОБРАЗОМ» ПРОТИВОРЕЧИЯ

Ф. Ф. Вяккерев

Можно ли считать антиномичные формы высказываний *адекватными* «образами» объективного (предметного) противоречия? Этот вопрос возникает, когда читаешь положения о том, что некоторые антиномичные утверждения отражают объективные диалектические противоречия движения или структуры материи.

С этими положениями нельзя не согласиться, когда речь идет о физике и когда они противопоставляются традиционному взгляду, согласно которому феномен корпускулярно-волнового дуализма есть описание не действительных, а потенциально возможных свойств, состояний микрообъекта. Антиномичная форма высказываний (*KANA*) не является чисто мыслительной формой, но в ряде случаев выступает как существенный момент, форма и ступень отображения предметного противоречия. «Онтологический» статус теоретической антиномии состоит в том, что в ней и через нее предмет отображается как внутренне раздвоенный, содержащий в себе взаимоисключающие стороны, свойства. Но диалектическое противоречие — это не только взаимоисключение, взаимоотрицание, но и «взаимопроникновение полярных противоположностей» (Ф. Энгельс). Именно

эта сторона (взаимопроникновение противоположностей) диалектического противоречия не получает своего непосредственного отображения в антиномии. Отобразить же «взаимопроникновение противоположностей» — значит познать предметное противоречие как разрешающееся и вновь возникающее, т. е. как процесс самодвижения, саморазвития предмета. Как уже подчеркивалось выше, адекватным образом этого процесса могут быть не отдельные высказывания, в том числе антиномичные, но лишь вся структура диалектически построенной научной теории, в которой антиномии не только формулируются, но и разрешаются таким образом, что, подводя к более глубокому уровню исследования объекта, позволяют раскрыть противоречия этого уровня и выявить новые антиномии, которые, в свою очередь, тоже разрешаются, и т. д. Какую же спецификацию эти положения получают при интерпретации корпускулярно-волнового дуализма? Это, конечно, особый и не простой вопрос.

З. М. Оруджев приводит важный и убедительный аргумент против взгляда на диалектическое противоречие как на отношение взаимоисключающих противоположностей «в разных отношениях»: разные отношения так «разводят» стороны противоречия, что исчезает реальное взаимоисключение между ними, без чего не имеет смысла говорить о диалектическом противоречии.

Автор предлагает следующие определения: «...Диалектическое противоречие есть по существу опосредованное промежуточными ступенями отношение различий и противоположностей, взятых в одно и то же время, в одном и том же

отношении, в то время как формально-логическое противоречие есть непосредственное отношение исключających друг друга противоположных утверждений»¹.

Существенное значение автором придается понятию «опосредование противоположностей». Если под опосредованием понимать конкретное тождество, взаимопроникновение и т. п., то перед нами — действительно существенная черта диалектического противоречия. Но вряд ли можно возводить в универсальную форму противоречия, опосредованные «промежуточными ступенями». Диалектическое (предметное) противоречие может быть и «непосредственным» единством противоположностей, например, «товар является непосредственным единством потребительной и меновой стоимости, двух противоположностей. Он поэтому является непосредственным противоречием»². И действительно, между потребительной и меновой стоимостью (вернее, стоимостью) как свойствами товара нет никаких «посредствующих звеньев», поэтому К. Маркс здесь говорит о «непосредственном противоречии».

Но между законом стоимости и законом цен производства существуют (исторически и логически) промежуточные звенья — звенья, которые не были известны буржуазным экономистам. И поскольку они не видели этих звеньев, то указанные законы представлялись как несовместимые, что порождало парадоксы и антиномии в их теоретических построениях, т. е. в этом случае речь шла о теоретических

¹ Настоящее издание, стр. 87.

² К. Маркс. Das Kapital. Bd. 1. Hamburg, 1867, S. 44.

противоречиях. Раскрытие К. Марксом этих промежуточных — между простым товарным и капиталистическим производством — звеньев позволило *теоретически* разрешить антиномии и показать, что закон цен производства — это капиталистически развитая форма закона стоимости. Поэтому здесь можно говорить об опосредовании противоположностей как форме теоретического разрешения противоречия. Тем самым понятие опосредования противоположностей имеет прежде всего гносеологическое содержание, т. е. опосредование выступает как форма теоретического разрешения антиномий. Что касается «онтологического» аспекта, то здесь необходимы существенные уточнения.

Бряд ли имеет смысл применять это понятие к антагонистическим противоположностям, например к отношениям пролетариата и буржуазии, в смысле формы разрешения противоречия между ними. Конечно, и здесь имеются «посредствующие звенья», например в виде мелкой буржуазии. Но эти звенья характеризуют не столько само противоречие, сколько его неразвитость; напротив, развитие антагонистического противоречия может происходить в направлении «размывания» промежуточных звеньев, в данном случае мелкой буржуазии и других слоев, которые разоряются, пополняя армию наемных рабочих. Что касается неантагонистических противоречий, например в условиях социализма, то здесь действительно опосредование может рассматриваться как форма и путь их практического разрешения.

Э. Н. Глаголева стремится доказать, что формула «*A* есть *A* и не-*A*» является адекват-

ным образом предметного противоречия, ссылаясь на марксов анализ генезиса капитала и его движения как самовозрастающей стоимости. Но незаметно для себя она подменяет вопрос: вместо того, чтобы показать, какое предметное противоречие отображает известное антиномичное высказывание Маркса в «Капитале»: «Капитал возникает в обращении и в то же время не в обращении», формулу « A есть A и не- A » она использует как «образ» той серии отрицаний, которые проходит капитал в фазах своего кругооборота. Но в таком случае указанную формулу надо продолжить: « A есть A и не- A » → « A^1 есть A^1 и не- A^1 » → « A^2 есть A^2 и не- A^2 » и т. д. Но это уже не рассуждение о том, что отображает отдельно сформулированная антиномия.

В одних случаях она отображает предметное противоречие, однако, с одной стороны — со стороны наличия взаимоисключающих противоположностей, но не со стороны их взаимопроникновения (именно это обстоятельство мы хотели подчеркнуть, когда говорили об антиномии как негативном срезе предметного противоречия). Например, когда К. Маркс говорит об антиномии, обнаружившейся в буржуазной политической экономии: меновая стоимость определяется рабочим временем и не определяется им (а спросом и предложением)¹, то в этом случае антиномия отображала противоречивое действие двух законов — закона стоимости и закона спроса и предложения.

Что касается антиномии «капитал возникает в обращении и в то же время не в обраще-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 47—48.

нии», то К. Маркс ее сформулировал, чтобы показать внутреннюю необходимую (но в этом случае непротиворечивую) связь между условиями (обращением) и причиной (эксплуатация рабочей силы) производства прибавочной стоимости и тем самым самовозрастания стоимости.

Антиномичная постановка проблемы раскрывала одностороннюю метафизическую ограниченность буржуазной политической экономии в решении вопроса о связи фаз обращения и производства капитала. Говорить же в этом случае о противоречии между условиями и причиной означало бы, что владелец денег в силу каких-то причин не может купить средства производства и рабочую силу, но подобное «противоречие» было бы не условием превращения денег в капитал, а отсутствием такого условия. В положении же из «Экономических рукописей 1857—1859 годов» о том, что «вытекающие из самой природы капитала условия его производства противоречат друг другу», К. Маркс говорит не о *генезисе* (историческом и логическом) капитала, в связи с чем собственно и сформулирована в первом томе «Капитала» указанная антиномия, а о противоречивом характере движения *существующего* капитала. При этом Маркс имеет в виду не вообще противоречивые условия, а противоречивые условия *производства* капитала: непрерывность производства предполагает необходимость снятия времени обращения, однако это невозможно в силу многофазной структуры функционирующего капитала, вследствие чего время его обращения должно являться вычетом из времени производства. И дальше Маркс показывает

формы и средства разрешения этого противоречия, в частности показывает роль кредита¹.

Итак, теоретическая антиномия может отображать как действительное противоречие (но с указанными ограничениями), так и иные формы связей, например, связи необходимые и дополнительные между условиями и причиной данного процесса. В таком понимании нет отступления от принципа конкретного тождества «образа» и отображаемого объекта; оно направлено только против полного, абсолютного тождества — тождества, снимающего тем самым проблему гносеологической специфики «образа»².

Диаметральное противостояние точек зрения, которое возникло при обсуждении пробле-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. II, стр. 42—43.

² Что касается выражений «моментальный снимок», «негативный срез», то они мной истолковываются не в буквальном смысле, не в смысле наглядных образов. Исходя из того, что в принципе невозможно адекватное *наглядное* отображение предметного противоречия, само слово «образ» мной взято в кавычки. У нас еще не перевелись любители рисовать графики, фигуры, схемы, изображающие якобы диалектическое противоречие, в связи с чем особенно важно подчеркивать не-наглядный характер теоретических отображений предметного противоречия. Конечно, вместо слова «образ» можно было употребить другие термины: «конструкт», «концепт» и т. п., чтобы не было злополучных кавычек, однако эти понятия в меньшей мере, чем «образ», подчеркивают и реализуют принцип отображения применительно к предметному противоречию.

Однако даже если образ понимать как наглядный образ предмета, например, как фотографический снимок (буквально моментальный снимок), то и в этом случае не достигается полной адекватности образа отображаемому предмету.

мы: в одном или в разных отношениях совпадают противоположности в противоречии, выступает как конкретная форма антиномии. Вместе с тем рядом философов (П. В. Коппин, Ю. П. Ведин и другие) был намечен один из возможных путей разрешения этой антиномии. По мнению А. А. Сорокина, он является неудачным. Одно из возражений сводится к тому, что формально-логическое противоречие вида «*A* и неверно, что *A*» «может выражать реальную противоречивость действительности. Например, представления меркантилистов (*A*) и отрицающие их представления физиократов (неверно, что *A*) отражают реальное («диалектическое») противоречие капитала...». Конкретизируя содержание, которое он хочет вложить в эту формулу, А. А. Сорокин пишет: «...меркантилисты считали, что капитал (прибавочная стоимость) возникает только в обращении и вне обращения возникнуть не может... Физиократы считали, что капитал возникает только в производстве (сельскохозяйственном труде), а не в процессе обмена»¹. Формула «*A* и неверно, что *A*» выражает не все содержание сказанного, а в лучшем случае лишь часть его: «...меркантилисты считали, что капитал возникает в обращении... физиократы считали, что... не возникает в обращении». Мы говорим «в лучшем случае», так как в более точном значении указанной формуле соответствует: меркантилисты считали, что капитал возникает в обращении и меркантилисты не считали, что капитал возникает в обращении»². Вряд ли можно сказать,

¹ Настоящее издание, стр. 116.

² Формально-логическое противоречие рассмотренного типа наиболее явно проявляется как противоре-

что такое формально-логическое противоречие отображает реальное противоречие.

А. А. Сорокин говорит далее о необходимости обращения при оценке значения антиномий к контексту, к конкретному содержанию теории, вне которой «сама по себе эта формула ничего не говорит о том, имеем ли мы дело с подлинно научным пониманием реальных отношений или с обыкновенной путаницей и эклектикой»¹. Сказанное не только не противоречит нашему пониманию содержания и роли антиномии в познании, а напротив, мы это стремились показать и доказать.

Читая работы, посвященные проблеме диалектического противоречия, все больше убеждаешься в том, что, прежде чем начинать рассуждать о содержании категории противоречия, необходимо в более явной форме ставить вопрос о ее эвристически-методологической функции, вопрос о месте и назначении этой категории в диалектике. Прежде чем спрашивать, что такое диалектическое противоречие, имеет смысл поставить другой вопрос: что призвана отобразить и объяснить категория противоречия? И уже сообразуясь с тем, каково будет решение вопроса о функции категории противоречия в диалектике, следует определять само понятие диалектического противоречия.

Думается, что ответ на поставленный вопрос содержится в известном высказывании В. И. Ленина о сущности диалектической концепции развития: «При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источ-*

чие в рамках одной теории, а не между различными (меркантилисты и физиократы) теориями.

¹ Настоящее издание, стр. 116.

ника «само»движения»¹. Именно тем, насколько адекватно формулируется и отображается «источник самодвижения», следует определять строгость и глубину теоретических определений диалектического противоречия.

Между тем это требование не только недостаточно осознается рядом авторов, но и в целом категории самодвижения (саморазвития) в нашей литературе уделено мало внимания. Во многих работах она незаметно «растворяется» в понятиях движения, развития, прогресса и т. п. Само определение диалектического противоречия, когда в явном виде по отношению к нему не выдвигается указанный критерий (отобразить источник *самодвижения*), становится недостаточно строгим и специфичным. Определениям (широко распространенным в нашей литературе) типа: противоречие есть взаимодействие противоположностей или такое отношение, в котором стороны взаимопредполагают и отрицают друг друга — как раз не хватает указанной специфичности, поскольку их можно относить и к источнику «развития», «движения», а не только «саморазвития», «самодвижения».

С этих же позиций следует оценивать и то определение диалектического противоречия, которое предлагает *З. М. Оруджев*: «Диалектическое противоречие есть опосредованное промежуточными звеньями единство противоположностей, взятых в одно и то же время, в одном и том же отношении (и смысле)»². Можно и нужно задаться вопросом: не приводит ли включение в структуру диалектического противоречия «промежуточных звеньев» к снятию внутренней

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

² Настоящее издание, стр. 94.

напряженности, которым оно характеризуется? Не утрачивает ли противоречие вследствие этого свойство быть «дейтельным соотношением противоположностей» (К. Маркс) и в особенности свойство быть источником самодвижения?

Нам представляется, что в дальнейших дискуссиях о природе диалектического противоречия следует самое пристальное внимание обратить на проблему связи противоречия и самодвижения. Это позволит сделать анализ проблемы противоречия более содержательным и вместе с тем приблизит философские изыскания к актуальным проблемам современной науки.

Показательна в этом отношении ситуация в современной эволюционной биологии. Исследование причин и закономерностей эволюционного процесса в связи с успехами молекулярной биологии, обратившей внимание на внутренние механизмы видообразования, ныне достигло такого уровня, что в ряде случаев ученых уже не удовлетворяют те методологические идеи, которые могут быть выработаны на основе понятий «развитие», «эволюция» и т. п. В различных формах (в форме подчеркивания идеи первичной активности, а не реактивности живого, прогрессирующего роста процессов автономизации и саморегуляции живых систем и т. п.) в явном или в неявном виде в современную биологию проникают идеи самодвижения и саморазвития. Имеется ряд прямых высказываний ученых о необходимости последовательной интерпретации эволюционного процесса с точки зрения концепции самодвижения. Например, И. И. Шмальгаузен, говоря о необходимости использования кибернетических методов в биологии, подчеркивал, что «в применении к биоло-

гии задача кибернетики — построение общей теории регуляции, т. е. *самодвижения и саморазвития биологических систем*»¹.

Последовательное применение принципа самодвижения к проблемам эволюционной теории, несомненно, должно способствовать уточнению и адекватно-диалектическому решению многих общетеоретических проблем биологии, например проблемы соотношения внешних и внутренних факторов эволюции, соотношения условий, инициаторов и причин видообразования и других.

Во многом сходная ситуация возникла в нашей экономической теории, разрабатывающей проблемы социалистической экономики. Так, В. С. Немчинов высказывал мысль о необходимости применения к этим проблемам, в частности к решению проблемы управления развитием социалистической экономики, понятий самодвижения и саморазвития. Повышению интереса у наших экономистов к теории самодвижения во многом способствовало применение кибернетических методов и моделей к решению проблем экономического развития, в которых существенное значение придается таким понятиям, как саморегуляция, самоорганизация и т. п.

Сказанного достаточно, хотя перечень можно и продолжить, чтобы показать, насколько высок в современной науке спрос на материалистическую диалектику, в особенности на «святая святых» диалектики — учение о самодвижении и саморазвитии.

Однако специалисты по противоречию, выясняя свои отношения с формальной логикой, преимущественно рассматривали и рассматривают

¹ И. И. Шмальгаузен. Кибернетические вопросы биологии. Новосибирск, 1968, стр. 217.

логические аспекты категории противоречия и недостаточно обращали внимания на главное — содержательную, объективно - диалектическую сторону «ядра» диалектики, в особенности на разработку концепции самодвижения.

Неразработанность же последней оборачивается тем, что при переходе от анализа логических аспектов противоречия к анализу конкретных форм предметных противоречий, поскольку к ним в явной форме не применяется критерий «отобразить источник самодвижения», сами противоречия в ряде случаев понимаются недостаточно «динамично». В самом деле, разве может в качестве такого источника выступать противоречие, противоположные стороны которого разведены «в разные отношения»? В лучшем случае оно может быть источником движения, изменения, но не самодвижения, самоизменения. Но таковым источником не может быть и противоречие, у которого осуществляется полное тождество сторон и исчезает *противоположность* между ними (исчезает «разное отношение»), ибо в этом случае прекращается вообще всякая деятельность, активность и, следовательно, самодвижение.

Тем, кто главную свою задачу видит в том, чтобы найти еще одно доказательство неколебимости формальной логики и ее лояльности по отношению к диалектике, ответим: мы не будем ждать, когда изобретется еще одно хитроумное исчисление для доказательства непротиворечивости мышления, чтобы снять напряженность и беспокойство, причиняемое диалектическим противоречием мышлению ¹.

¹ Отсюда, конечно, не следует, что подобные исчисления не представляют интереса для диалектики.

Не будем ждать потому, что есть более важные задачи для диалектики—задачи обобщения и осмысления того огромного материала, который дает современная наука и социально-политическая практика, для более глубокого понимания действительной диалектики действительного мира. И пока не созданы более совершенные логические средства для обобщения этой диалектики, нам достаточно и существующих, разумеется с учетом возможных «огрублений» и «омертвлений» и т. п. Иначе философы, которые должны идти в ногу с наукой (а в ряде случаев и впереди), рискуют остаться у нее в хвосте.

Мы пытались показать, что рассмотрение проблемы противоречия с точки зрения последовательной концепции самодвижения приводит к пониманию противоречия как самопротиворечивости, самоотрицательности, свойственной всем предметам и явлениям. Именно самопротиворечивость, самоотрицательность выступает тем импульсом, внутренним «мотором», «изображением» которого, его «наличным бытием» выступает самодвижение, саморазвитие. При этом заметим, что и понятия «самопротиворечивость», «самоотрицательность», как и вообще любые теоретические абстракции, не могут рассматриваться как абсолютно адекватные образы предметного противоречия. Не исключено, что в ходе дальнейшего развития категориального аппарата диалектики будут выработаны более адекватные и более совершенные понятия и термины. Но в современном философском языке понятия «самопротиворечивость», «самоотрицательность», видимо, наиболее адекватно-теоретически отображают сущность источника самодвижения, саморазвития.

ОПОСРЕДОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

З. М. Оруджев

В своих статьях и *Ф. Ф. Вяккерев* и *А. А. Сорокин* выдвигают одно общее возражение против понимания диалектического противоречия как опосредованного единства противоположностей — ссылку на «Капитал» К. Маркса 1867 г. издания, где сказано, что «товар является непосредственным единством потребительной и меновой стоимости, двух противоположностей. Он поэтому является непосредственным противоречием». Но позиции, с которых это возражение выдвигается, у них различны. *Ф. Ф. Вяккерев* считает, что посредствующие звенья и их анализ не имеют всеобщей значимости (ниже мы остановимся на этом более подробно), в то время как *А. А. Сорокин* полагает, что вообще не имеет смысла различать противоречия диалектические и формально-логические, при этом он не дает никакого объяснения тому факту, что К. Маркс в «Капитале» анализирует посредствующие звенья, успешно разрешая, таким образом, теоретические противоречия.

Я готов согласиться с тем, что К. Маркс называл единство потребительной стоимости и меновой стоимости в товаре непосредственным. (Хотелось бы, однако, знать, почему в последующих изданиях «Капитала» Маркс снял это

утверждение?) Ясно, однако, что это единство остается непосредственным до тех пор, пока та или иная вещь рассматривается нами как готовый товар, вне своего движения, становления. Но именно Маркс показал, что и стоимость и потребительная стоимость опосредованы трудом (двойственной природой человеческого труда). «Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда ее полезность для человека не опосредствована трудом»¹. Как известно, в товаре, по Марксу, обе его противоположности — потребительная стоимость и стоимость — опосредованы трудом — конкретным и абстрактным.

Бесспорно, что, чем менее развит предмет, тем менее развита система посредствующих звеньев. Изменение системы посредствующих звеньев (их количественное возрастание и качественное, структурное усложнение) является, на мой взгляд, весьма важным *законом развития*.

Ф. Ф. Ваккерев, с одной стороны, считает анализ промежуточных членов *гносеологическим* способом подхода к диалектическим противоречиям, с другой стороны, допускает для социализма объективное бытие посредствующих звеньев. По его мнению, антагонистические противоречия лишены посредствующих промежуточных членов. Правда, пишет он, в условиях капитализма существует мелкая буржуазия, но она постепенно исчезает, поглощаясь рабочим классом и классом капиталистов. Действительно, представители мелкой буржуазии по мере дальнейшей поляризации буржуазного общества все больше переходят в ряды пролетариата

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 49.*

и класса капиталистов. Но тем не менее мелкая буржуазия не случайное явление буржуазного общества. Именно поэтому слой мелкой буржуазии даже в самых развитых современных капиталистических странах меньше класса пролетариев, но превосходит по своей численности класс капиталистов. В более отсталых странах класс мелкой буржуазии своей численностью превосходит оба названных основных противоположных класса. Таким образом, это посредствующее звено никогда не исчезает.

Это о социальной структуре буржуазного общества. Если же мы возьмем процесс эксплуатации, на полюсах которой находятся пролетарий и капиталист, то и здесь данное социально-экономическое отношение (противоречие) содержит в своем составе такое посредствующее звено, как обмен рабочей силы на авансированный капитал: $D - T$, где T — рабочая сила как товар. Чтобы не было недоразумений, замечу, что эксплуатации подвергается не рабочая сила, а рабочий. Социальный смысл эксплуатации капиталистом рабочей силы приобретает лишь в свете опосредствующего общественного отношения¹, которое, конечно, существует реально, объективно, «онтологически». Противоположными членами отношения эксплуатации являются люди — капиталист и пролетарий.

Выдвинув, с одной стороны, глубокую проблему (задачу) — вскрыть в составе диалектического противоречия внутреннее соотношение между двумя противоположными формулами («в одном отношении» и «в разных отноше-

¹ «Все vermittelt= опосредствовано, связано в едином, связано переходами» (В. И. Ленин. Полн собр. соч., т. 29, стр. 92).

ниях»), *Ф. Ф. Вяккерев* вместе с тем до конца не приемлет именно ту точку зрения, на основе которой только и возможно решение сформулированной им задачи, продвигающей понимание сущности диалектического противоречия.

Сошлюсь лишь на один пример из истории антагонистических общественных отношений, касающийся того же вопроса, который затронули *Ф. Ф. Вяккерев* и *А. А. Сорокин*, и показывающий, что: 1) посредствующие звенья существуют объективно, «онтологически»; 2) они присутствуют в составе диалектического противоречия от начала и до конца его развития; 3) возрастание системы посредствующих звеньев — закон развития диалектического противоречия. Речь идет о развитии противоречия товарной формы.

Первая ступень: $T_1 - T_2$. Два товара обмениваются друг на друга, и общественное отношение обмена возможно благодаря такому посредствующему элементу, как конкретный и абстрактный труд. То, что делает обмен вещей обменом товаров, — это овеществление труда. Этот обмен «отождествляет» такие противоположности, как относительная и эквивалентная формы стоимости.

Расширение обмена приводит первоначально к количественным изменениям, пока не появится такое посредствующее звено, как деньги. «Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющую в товарной природе противоположность между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этой противоположности ведет к возникновению самостоятельной формы товарной стоимости и не

унижается до тех пор, пока задача эта не решена окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги»¹.

Вторая ступень: $T_1—D—T_2$. Обмен развился благодаря появлению опосредующей роли денег. Само появление денег означало не только развитие обмена товаров, но прежде всего развитие труда, опосредовавшего противоречие товарной формы: все большее количество продуктов труда становится товарами потому, что сам труд чаще имеет целью создание продуктов, предназначенных для обмена.

Третья ступень: $T_1—D—T_3—D^1—T_2$. Здесь видно, что противоречие товарной формы поднято на новый уровень именно благодаря усложнению системы посредствующих звеньев ($D—T_3—D^1$). В сфере обращения труд проявляется именно таким образом постольку, поскольку он совершается в условиях капитализма (специфика этой формы труда хорошо всем известна).

Четвертая ступень в развитии противоречия товара неантагонистическая, и *Ф. Ф. Вяккерев* согласен с тем, что объективное опосредование здесь имеет место. В условиях социализма товарное отношение ($T—D—T$) количественно сокращается, т. е. сужается сфера его действия. Это означает, что товарное отношение само выступает как момент более развитых общественных отношений.

Чтобы быть точным, я должен отметить следующее. Возможно, что *Ф. Ф. Вяккерев* не против опосредованного характера противоположностей, а лишь против понимания опосредова-

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 97.*

ния во всех случаях как наличия «промежуточных звеньев». «Если под опосредованием понимать конкретное тождество, взаимопроникновение и т. п., — пишет он, — то перед нами — действительно существенная черта диалектического противоречия»¹. Но слово «взаимопроникновение» (кстати, оно метафора) само нуждается в интерпретации, если его не понимать буквально. А наличие промежуточных членов, или посредствующих звеньев, как раз и помогает нам понять структуру конкретного тождества, «взаимопроникновения» противоположностей. Поскольку конкретное тождество есть тождество различного, противоположного, то ясно, что (с точки зрения *любой* логики) между различными сторонами единого должно быть нечто общее. И поскольку речь идет о диалектическом противоречии, существующем реально, а не о сравнении различных, не связанных друг с другом вещей, то *внутренняя связь* между противоположностями (тождественными между собой) не является мысленной, а представляет собой нечто реально существующее (процесс, вещь и т. д.) и отличающееся по своим свойствам от каждой из противоположностей, отдельно взятой.

Несколько слов по поводу критики А. А. Сорокина. Поскольку он не приводит аргументов против опосредованного характера диалектических противоречий, а ограничивается вышеприведенной цитатой из первого издания (1867 г.) первого тома «Капитала», то я в ответ также могу ограничиться приведением цитат из работ основоположников марксистской философии. «Противоречие между общим законом и более

¹ Настоящее издание, стр. 211.

развитыми конкретными отношениями,— писал К. Маркс,— здесь хотят разрешить не путем нахождения посредствующих звеньев, а путем прямого подведения конкретного под абстрактное и путем непосредственного приспособления конкретного к абстрактному. И этого хотят достигнуть с помощью *словесной фикции*, путем изменения *vera regim vocabula* (правильных наименований вещей.— *Ред.*). (Перед нами, действительно, «спор о словах», но он является спором «о словах» потому, что реальные противоречия, не получившие реального разрешения, здесь пытаются разрешить с помощью фраз.)... Милль прибегает к этому методу только в тех случаях, когда он абсолютно не находит другого выхода. Но основной его метод иной. Где экономическое отношение,— а значит и категории, его выражающие,— заключает в себе противоположности, является противоречием и именно единством противоречий, он подчеркивает момент *единства* противоположностей и отрицает *противоположности*. Единство противоположностей он превращает в непосредственное тождество этих противоположностей»¹.

Положение из «Диалектики природы» Ф. Энгельса относительно того, что «противоположности переходят друг в друга через средство промежуточных членов» и что диалектика «признает в надлежащих случаях наряду с «или-или» также «как то, так и другое» и «опосредствует противоположности», равно как и положение из «Анти-Дюринга», где Энгельс критикует метафизика за то, что он «мыслит сплошными непосредствованными противоположно-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 85—86.

стями», уже приводилось мной. К сожалению, А. А. Сорокин не учитывает их в своих возражениях, защищая взгляд на диалектическое противоречие (об отсутствии различения диалектического и формально-логического противоречия уже говорилось¹) как на непосредственное единство противоположностей.

Правда, в структуре диалектического противоречия есть один важный момент, который, казалось бы, оправдывает такой взгляд. Дело в том, что каждая из противоположностей в составе диалектического противоречия непосредственно совпадает *в самой себе* со своей противоположностью. Но при этом следует заметить, что это непосредственное совпадение, тождество осуществляется в разных отношениях, что вполне допустимо с точки зрения и формальной логики.

Например, производство, как показал К. Маркс, есть непосредственно потребление, но не то, которому оно *противостоит* *внешним образом*, хотя и *внутренне с ним связано*, а иного рода потребление — производственное потребление. Точно так же и *потребление в собственном смысле* непосредственно тождественно производству, но не тому, которому *противостоит* *внешним образом* и благодаря которому оно вообще возможно, а другому рода производству — вос-

¹ А. А. Сорокин ставит следующий вопрос: «Солнце существует или не существует» — диалектическое это противоречие или нет? — и сам же отвечает: «Вопрос смешной». Не совсем понятно, почему вопрос смешной, когда приведен типичный пример формально-логического противоречия, при котором одно из высказываний ложно («Солнце не существует») и поэтому должно быть отброшено. В диалектическом противоречии оба высказывания бывают истинными.

производству рабочей силы, т. е. восстановлению способности работника к труду. Но даже в этом случае абстрактное тождество противоположностей, как показал Маркс, не осуществляется в полной мере, так как общество не потребляет полностью наличного продукта производства. И здесь мы вынуждены для понимания этого факта обратиться к тому противоречию между производством и потреблением, которое осуществляется в движении внешним образом противоположных процессов, взятых в одно и то же время и в одном и том же отношении, но внутренне опосредованных сложной и неразрывной связью — через форму собственности, обмен и распределение.

Другой пример. В системе отношения «товар — деньги» внешняя противоположность товара и денег опосредована их внутренней связью, которая, как уже говорилось, заключена в труде. Деньги непосредственно суть товар, так как представляют собой не только чистую стоимость, но и потребительную стоимость (золото, серебро и т. д.). Но это — не тот товар, которому противостоят деньги (бумажные деньги мы не рассматриваем, так как они суть лишь символ, знак денег), а особый, который в собственном смысле слова не может выступать в качестве товара (если золоту или серебру не придана форма, которая присоединяет к этому веществу дополнительные общественно полезные свойства, а следовательно, и дополнительную стоимость). Производный, зависимый характер этого абстрактного единства, тождества противоположностей (товара и денег) на одном полюсе отношения обмена «товар — деньги» обнаруживается в том, что с устранением этого отношения

золото перестает быть не только представителем «чистой стоимости», но и вообще *особым* товаром. Действительное же противоречие товара — противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью — продолжает сохраняться и в более простой системе отношения «товар — товар».

Наконец, последний пример. Человек есть непосредственное единство социальных и природных свойств. Но это совпадение, непосредственное единство природного и социального в человеке зависит от действительного противоречия, которое существует между человеком и природой, связь которых друг с другом опосредована движением, функционированием средств производства (земледелием, промышленностью и т. д.). Именно эта система посредствующих звеньев (очеловеченная природа) каждый раз объясняет, в какой степени человек принадлежит природе и в какой степени он над ней одновременно возвышается.

Таким образом, непосредственное тождество или единство противоположностей хотя и существует, *но такое тождество не есть противоречие*, так как оно возможно *лишь в разных отношениях*.

ПОЧЕМУ АНТИНОМИЯ РАЗЛУЧАЕТСЯ С ИСТИНОЙ

Г. С. Батищев

Концепция, для которой неприемлема и немислима связь между истинностью антиномии и истинностью результата ее разрешения, получила в рамках данного диспута наиболее четкое свое выражение, пожалуй, у *В. Н. Поруса*. Обращает на себя внимание следующий его тезис: «...процесс познания... может рассматриваться исключительно в своих объективированных формах»¹. Поскольку «объективированными формами» оказываются не что иное, как языковые формы мысли, или структуры «языка науки», т. е. знаково-терминологические средства воплощения «готового знания», постольку выявляется та решающая предпосылка, в силу которой становится неизбежным и обязательным безоговорочное разлучение антиномичности и истинности. Выявление предпосылок, которые прежде были скорее неявными, — это всегда плодотворное дело. А особенно ценно оно для полемики.

Однако прежде чем перейти к ней, сделаем два предварительных возражения.

Возражение первое — *Э. В. Ильенкову*, который утверждает, что «старая формальная логика была «снята» уже гегелевской концепцией» и

¹ Настоящее издание, стр. 159.

что тем самым она была «похоронена» в качестве самостоятельной серьезной науки. Если бы это было так, то была бы невозможна нынешняя формальная логика — математическая; невозможно было бы ее по-своему достаточно плодотворное развитие. Сам же Э. В. Ильенков как будто не склонен отказывать последней в праве на существование, хотя, характеризуя ее предмет, делает это с нарочитым пренебрежением к ней и изображает ее чем-то карикатурно жалким. Правда, он признает за ней то достоинство, что все более явно специальное научное содержание отделяется в ней, освобождается и отмежевывается от чужеродных для него истолкований, притязающих быть новейшей теорией мышления, теорией познания и мировоззренчески-содержательной логикой человеческого духа в целом. Но дело в том, что последовательное признание этого размежевания обязывает распространить его также и на «старую» формальную логику, остающуюся и родительским лоном и условием существования логики математической, т. е. разграничить также и в старой формальной логике специальное знание и философское (или, может быть, нигилистически-философское) истолкование, с ним смешанное и переплетенное.

Ведь вопрос стоит так: *либо* сама формальная логика *вообще* (а не только ее философское истолкование) снята и «похоронена», и тогда надо рассматривать ее современную продолжательницу — логику математическую — как недоразумение, *либо* эта последняя вовсе не есть недоразумение, и тогда надо *положительно* уразуметь ее специфическое отношение к научному знанию и признать ограниченность

Гегеля, а именно то, что он не оставил места для этого специфического отношения, все-таки существующего независимо от всех истолкований.

Уместно напомнить по меньшей мере два вопроса. Во-первых, может ли диалектика позволить себе игнорировать ту относительно внешнюю, «несобственную» форму знания, ту форму его опредмечивания в языке, которая безразлична к истине-процессу и которая образует рассудочную, внешнетерминологическую *статическую* познания, т. е. не развернутую как процесс логику предмета с ее *имманентно-динамичными* формами, а те специфические свойства, которые обретает язык, выражающий знание, включая и тавтологическое движение упорядочивающего свой материал рассуждения, безотносительного к творческому генезису, к порождающему процессу? Во-вторых, вправе ли диалектика не замечать с высоты своего духовного величия тех исторических особенностей развития науки, из-за которых статика познания, или, другими словами, структуры «готового знания», и движение внутри них приобрели громадное развитие и подчас даже господство над познавательным процессом, — особенностей *овеществления* и сопутствующих ему превращенных форм? Судьбы математической логики вряд ли можно верно осмыслить без исследования обоих этих вопросов. Сама эта наука, по-видимому, в существенной мере не исследует, а *выражает собой* и воспроизводит в качестве невыявленной предпосылки *овеществление* знания (стало быть, и познающего человека), то овеществление, которое, однако, вряд ли можно понять как всего лишь следствие «плохой философии». Ведь

влияние последней, в свою очередь, нуждается в объяснении.

Второе возражение — *А. А. Сорокину*, утверждающему, что в диалектике под противоречием имеется в виду то же самое, что и в традиционной логике, идущей от Аристотеля, что это — «одна и та же реальность». Конечно, он прав в том, что, вопреки различным ухищрениям изобразить диалектическое противоречие как лишь *иносказание*, за которым стоит лишь непротиворечивое отношение полярности, воспроизведенное в знании объективное противоречие включает в себя также и антиномическую формулировку, где антитезис высказывается как совпадающий с тезисом во всем, кроме одного — частицы «не».

Разумеется, что эта словесная формулировка, взятая *только сама по себе*, т. е. как *терминологический феномен*, фигурировала также и в традиционной рассудочно-рационалистической логике, причем оказывалась под абстрактным запретом (и в этом опять-таки прав *А. А. Сорокин*). Однако разве в признании или непризнании этой формулировки — настоящая проблема? Разве на этом вообще стоит концентрировать серьезный спор в диалектике? Думаю, что спор на эту тему был в свое время навязан диалектике теми, кто оказался (а может быть, и остается поныне) загнипнотизированным непрерываемостью некоторых символических записей, скажем, в исчислении высказываний. Было упущено из виду, что на деле в математике вообще «все отчетливее проявляется тенденция к ревизии устоявшихся представлений о непротиворечивости... как необходимом атрибуте любой ма-

тематической теории»¹. Процитированное признание самих математиков — хотя оно, конечно, еще вовсе не означает торжества искусственной «диалектизации» в их науке, ибо у них речь идет совсем о другом, тем не менее могло бы дать пищу для поистине не напрасных размышлений и споров. Когда же ломают копья исключительно вокруг признания или непризнания формулы «и да, и нет в одном и том же отношении», остается только согласиться с *В. Н. Порусом*, что «перед нами... хладный труп, посмертная маска» живого, диалектического противоречия.

В чем уже солидарны многие, в том числе *Э. В. Ильенков* и *В. Н. Порус*, — это безосновательность попыток вырастить некий гибрид диалектики с формальной и математической логикой. Равно несостоятельны как эксперименты, нацеленные на «формализацию» философских систем «от Фалеса до Гегеля», так и переложения некоторых разделов математической логики на язык (по словарю-минимуму, разумеется) диалектики. На деле эти области крайне *разнородны* и по предмету и по задачам. Да ведь и *А. А. Сорокин*, по-видимому, соглашается с тем, что *понимание* противоречия в этих областях разное. Но одинаково адекватное предметам разное их понимание возможно только тогда, когда и сами предметы, взятые уже не просто в их проявлении, а в их сущности, разные.

Нет, вовсе не об одной и той же реальности толкуют формальная логика и диалектика, когда упоминают «противоречие». И именно поэтому научной формальной (и математической)

¹ «Философская энциклопедия», т. 4, стр. 60.

логике и *философской* диалектике, по существу, друг с другом спорить не о чем. Спор идет лишь между разными философскими (теоретико-познавательными) истолкованиями философской проблемы. Да будет позволена такая аллегория: музыкальная мелодия, скажем в сонатной форме, воплощает в себе развертываемый во времени живой, диалектический процесс, непрерывное становление напряженно-противоречивого целого. Но существует еще и техника нотной записи, которая конечно же «непротиворечива» и в этом своем качестве служит обеспечением правильности исполнения. Существует, наконец, конструкция фортепиано с ее техническим «языком» и т. п. Однако ценителям музыки пока еще не приходило в голову вступить в борьбу с «формализмом» нотописи или иной техникой, равно как и фортепианные настройщики пока еще не предъявляли композиторам требований, чтобы те во имя модерна-прогресса изжили контрапункт в своих сочинениях.

Другое дело, если бы вдруг — представим себе такую условную антиутопию — началось некое движение за музыку без мелодии, без антинормичности, за техническую музыку. Тогда восторжествовало бы такое овеществление, привыкая к которому люди постепенно изжили бы у себя антропологические и гуманистические пережитки, вроде слуха, и вместо мелодической музыки обменивались бы технически-рациональными и функционально-полезными шумами или же просто нотными записями, разумеется, строго оформленными. Последние фигурировали бы как нечто самодовлеющее, достаточное само по себе, без всяких диалектических мудрствований о распредмечивании духовных смыслов, о

духовности и т. п. «Музыка» стала бы тоже *вещью среди вещей*. Вот в антиутопическом мире духовной глухоты (и немоты) технические «непротиворечивые» алгоритмы действительно были бы превращены в угрозу для мелодического содержания культуры, для диалектики. Там, пожалуй, пришлось бы вести борьбу за право диалектически противоречивой сонатной формы звучать явственно и внятно, без омертвляющего перевода на язык овеществленных функций.

Почему же все-таки дело выглядит так, будто в мире научного знания действуют факторы с тенденцией исключить или заглушить явственное и внятное звучание диалектических противоречий. И что это за факторы?

Прямое и непосредственное, самое острое столкновение тезиса и антитезиса, называемое *антиномией*, являет собой *всего лишь первое действие* той многоактной драмы, имя которой — диалектическое противоречие. Было бы весьма интересно еще раз заняться последующими действиями этой драмы, значение которых уже неоднократно анализировалось. Однако обстоятельства полемики вынуждают сосредоточиться на другом — на причинах вычеркивания или непризнания именно первого действия, по меньшей мере в составе *истинного* знания. При этом, конечно, важно уяснить с самого начала, о какой истинности идет речь.

С точки зрения диалектики, как известно, истинностью не может обладать произвольно или искусственно выделенный фрагмент знания — само такое выделение уже нарушает в нем нечто очень существенное — принадлежность к органическому целому, или место в системе. Внутри системы знания, развертываемой

процессом восхождения и синтеза — процессом построения, — истинность различных положений определяется не независимо, не самостоятельно, а лишь опосредованно — только система знания в целом детерминирует, когда и на каком уровне данное положение становится сопоставимым с эмпирией и т. п. Истинностью знание обладает лишь в его системе, лишь в сугубо конкретных связях — как воспроизведение верно прослеживаемой логики предмета. Это вовсе не означает гарантированности от заблуждений в любом частном вопросе. Это не означает также и того, что нельзя ставить вопрос об истинности и тезиса и антитезиса как вопрос производный, его ставить можно и нужно. Но это означает, что все конституирующие систему элементы связаны узами взаимной истинности — они предполагают верность друг другу. Следовательно, вопрос об истинности антиномии — это прежде всего вопрос об истинности той системы-процесса, которая строится на пути восхождения к конкретной целостности и внутри которой эта антиномия образует необходимый этап движения.

Надо помнить, разумеется, что речь идет о том мыслительном деятельностном движении, в котором не имеют права присутствовать какие-либо влияния, идущие от случайных состояний и индивидуальных настроений исследователя, — это не то движение, которое имеет дело с наслоениями посторонних и чуждых предмету элементов, не движение, проходящее сквозь психологические факторы, предубеждения, установки и т. п., — это движение всецело объективное, чисто предметное. Это не подходы к истине, это сама истина как процесс ее образования, процесс ее выработки. Поэтому если здесь, в этом дви-

жении обнаруживается и необходимым образом формулируется антиномия, то ее истинность, стало быть, равно обоснованная и «законная» истинность тезиса и антитезиса, *предполагается* и служит обязательной предпосылкой истинности результата ее разрешения. Предполагается не в меньшей мере, чем во взаимосвязи между причиной и действием, основанием и следствием, возможностью и действительностью и прочими категориями. С этой точки зрения немыслима и невозможна как раз не взаимность, не обоюдность, а отделение антиномии от результата ее разрешения. Принципиально невозможно получить истинное разрешение для антиномии, понимание которой фактически — пусть неявно, неосознанно, без регистрации в «готовом знании» — не является истинным. Ложные антиномии суть не что иное, как проблемы, формулируемые все еще ложно, все еще не адекватно природе предмета, следовательно, проблемы пока еще не разрешимые. И только антиномия *истинная* дает наконец объективную форму постановки проблемы — выявляет проблемность в ее чистых предметных определениях, без привнесений от «дурной субъективности», от чьих бы то ни было случайно-психологических индивидуальных состояний и посторонних веяний. Антиномия — это выражение проблемности предмета на языке самого предмета.

Но почему же в таком случае эмпирический материал из истории научного познания дает нам вовсе не как правило, а скорее лишь как исключение *эксплицитную* (в явной форме) сопряженность истинной антиномии и истинного результата ее разрешения? Почему история познания щедро снабжает нас богатейшими данными

относительно ложных антиномий, но столь скупа по части истинных? Ответ на этот вопрос может быть получен не иначе как на пути обстоятельной и развернутой *культурно-исторической критики* развития науки и способов фиксации добываемых в ней результатов. Такая критика способна раскрыть те закономерности, согласно которым до сих пор тенденция овеществления знания не позволяла даже большим ученым — за редчайшими исключениями — адекватно воспроизводить весь путь от первоначальной постановки проблемы к ее истинному переосмыслению и решению. Постановка впоследствии решенной проблемы, явно и четко зафиксированная, сохраняется, как правило, в том виде, в каком она была в свое время впервые найдена и зафиксирована на предшествующем уровне познания в старых понятиях и в сопряжении с ними. А это и означает, что она выглядит как достояние ложного, исторически преодоленного знания. Механизм переосмысления остается скрытым от самого исследователя — он отодвинут в сферу так называемой интуиции, куда обычно относят все непонятное и не поддающееся рассудочной рационализации, всю диалектику, и в особенности антиномику познания.

Значительно ухудшает положение дел сознательное принятие ученым несущей на себе печать овеществления парадигмы научности. Согласно последней он рассматривает себя в качестве лишь умственной рабочей силы, функционирование которой сводится к пополнению фонда готового знания и обязывает придавать знанию форму универсальной исползуемости для приложений. В его самосознании фиксируются лишь те его характеристики как субъекта,

в которых он противостоит миру объективированного знания своими негативными способностями и недостатками. Как субъект он обладает ограниченностью, посторонними или мелочными побудительными мотивами, всяческими, могущими скорее мешать делу эмоциями, интересами, далекими от объективной истины, склонностью всячески огрублять ее и т. д. и, следовательно, стремится к максимальному отвлечению от самого себя как от существа, постоянно склонного к субъективизму и привнесению в мир знания чего-нибудь такого, что там неуместно.

При этом посторонним для мира знания и чуждым ему оказываются не только предубеждения и прочий индивидуально-психологический балласт, лишь из преодоления которого вырастает человеческая личность и ее духовная культура, но одновременно также и действительная личностная духовная культура и творческие устремления ее саморазвития. И то и другое одинаково принимается за нечто негативное, подлежащее устранению. Так *все подлинно субъектное в человеке сводится к субъективистскому, к дурной субъективности*. Отсюда понятно, что мир знания предстает после этого как совершенно бессубъектный, существующий самостоятельно по отношению к человеческой деятельности. Этот мир образован совокупностью «объективированных форм», которые так и следует рассматривать — «вне общего процесса предметной деятельности людей» (В. Н. Порус).

В овеществленном, так называемом готовом знании, конечно, нет места для антиномий — там нет и быть не может никакого способа

включеция их в знание в качестве истинных именно потому, что структура готового знания есть всего лишь *статичный* «поперечный срез», в котором стерты следы многомерного духовного процесса человеческой, субъективной, но не субъективистской деятельности. Только возвращая опредмеченные формы из их оторванности от мира субъекта обратно в деятельностный процесс, только восстанавливая всю многомерность этого живого процесса, можно создать ту познавательную атмосферу, в которой субъект обретает способность видеть истинное знание в его *динамике*. Только тогда знание может включать в себя и антиномии, и результаты их разрешения в их взаимосвязи, и переход одних в другие, включать в себя как в целостно-динамичную систему.

Такова природа не только знания, а и всех вообще предметных форм человеческой культуры — они выявляют свою социально-историческую и в этом смысле подлинно человеческую сущность лишь при их возвращении в лоно деятельностного процесса, лишь при извлечении их из изолированного или утилитарно-функционального существования в качестве мертвых вещей, лишь при погружении в жизненный процесс, где они становятся моментами развития людей-субъектов. Чтобы понять культурную ценность, надо ее распредметить, надо, так сказать, помножить ее на деятельность, развернуть ее как живое творческое самостановление. То же относится и к знанию. Но, конечно, феномен овеществления знания в немалой мере затрудняет этот акт пробуждения диалектической истины-процесса в истине-структуре. И это требует специального анализа.

Итак, почему же антиномию разлучают с истиной? Потому разлучают, что истину представляют с точки зрения овеществления знания, а не как диалектический, развертываемый деятельностью процесс и что антиномию отодвигают в сферу дурной субъективности, вместо того чтобы найти ее в объективном составе распределенного знания. А еще потому, что по недоразумению диалектическую идею противоречия воспринимают как рекомендацию «вставлять» антиномии в формализованное знание и терпеть их в его составе, что было бы, конечно, нелепостью.

Когда в ходе дискуссии выявляется новый результат, нечто такое, что не обнаруживалось разрозненными усилиями, тогда и в конечном счете только тогда становится оправданным сам жанр полемики. Результат, прояснить который мне сейчас помогает именно развертывание спора, весьма парадоксален, если судить, придерживаясь ставшего уже привычным размежевания точек зрения. Пока что это размежевание выглядело следующим образом. На одной стороне группировались стойкие и преданные защитники категории противоречия в ее предельно обостренной, антиномической форме выражения. На другой — те, кто не приемлет этой обостренной формы. Получалось, увы, так, что вся борьба велась из-за статуса *словесной* формулировки (а именно антиномической), из-за прав гражданства этой формулировки в составе истинного знания.

Но вот сегодня у некоторых защитников категории противоречия характер и стиль аргументации начинают расходиться с тем, что, по моему убеждению, составляет глубочайший

смысл существования этой категории, ее общемировоззренческую функцию и адекватную ей духовную атмосферу. С тем, без чего «чистое противоречие» делается поразительно созвучным «чистому непротиворечию» (точь-в-точь как чистое бытие — чистому небытию, согласно доказательству Гегеля). Послушав изложение того и другого, хочется воскликнуть: «А какая же разница?»

По-видимому, порой думают, будто у диалектики есть свой безотказный пароль: достаточно только заверить, что признаешь «противоречие в одном и том же отношении», и тебе уже дано приобщиться к ней. Между тем в наше время диалектические слова могут в изобилии наслаиваться и на нечто, так сказать, более обычное, более обиходное. И вообще дело в определенной, целостной и всеохватывающей мировоззренческой позиции, в триединной — познавательно-эстетически-нравственной — культуре, логическим подытоживанием которой выступает развивающаяся открытая система философских категорий. Поэтому-то уместно поинтересоваться, находит ли себе противоречие, которое в области философской словесности торжественно признается и горячо отстаивается, адекватное смысловое и мировоззренческое наполнение как принадлежащее конкретному отношению субъекта к миру, как необходимый человеческий способ бытия в мире. Этот вопрос не должен оставаться в тени.

Противоречие и есть такая категория, которая требует от человека и освоения им всего, что он застал как существующее, как систему предпосылок своего бытия, и одновременно достраивания этих предпосылок, достраивания не-

завершенного мира, открытия и созидания принципиально новых возможностей, новых «измерений» действительности. Противоречие бросает вызов человеку и раскрывает ему мир как *пронизанный проблемностью*: все объективные определения выступают для человека как объективный состав его собственных *задач*, которые сами собой вовсе не решаются и не содержат в себе «универсальной шпиргалки», подсказывающей, как их решать, но которые сам человек должен решать «на свой страх и риск», на свою ответственность как художественно-нравственно-познающий и посредством всего этого практически-творческий субъект. Этот процесс *вбирания* человеком противоречий мира в свой собственный мир и непрерывное разрешение и воспроизведение их есть не что иное, как процесс деятельности. Познание есть лишь момент этого многомерного процесса.

Отсюда понятно, что живущая в процессе деятельности и наполняющая его собой культура (напомним, что культура есть мир, хотя и не созданный никем из богов, но созданный многими людьми) не должна быть сведена к одной из своих ипостасей. Дело обстоит так, что познание, художественность и нравственность одновременно и *снимают* друг друга в себе самих, и тяготеют друг к другу как к *неснятым*, порождая друг друга. И конечно, противоречие есть категория и собственно логическая, и эстетическая, и нравственная.

Упрекнувшей меня в сосредоточении лишь на противоречиях познания Э. Н. Глаголевой, которая видит необходимость выйти в сферу эстетики, приходится ответить, что ее позиция мне представляется недостаточно последова-

тельно преодолевающей сведение целостной культуры к познавательной. Надо бы идти дальше этого — к синтезу познавательной культуры также и с нравственностью. Однако нельзя не вспомнить здесь о серьезной теоретической трудности на этом пути, а именно о том, чтобы не подменить синтез ни обновленной формой унификации, ни простым суммированием безразличных друг к другу, дополнительных друг для друга «сторон».

Что касается возражений *А. А. Сорокина*, то, по его собственному признанию, они связаны с тем, что мне представляется предпочтительным апеллировать к проблеме овеществления знания, тогда как ему такая апелляция кажется неуместной и неприемлемой. Далее мой оппонент принуждает мои высказывания играть роль ответов на совсем не те вопросы, которые ставил я сам. Так, например, мне предъявляется вопрос: какую позицию я занимаю в конфликте между диалектикой и формальной логикой? Но мне уже приходилось высказываться о том, что я такого конфликта как действительно-го события не вижу, не принимаю всерьез и, следовательно, в нем никакой позиции занимать не могу. Конфликты действительные были, есть и, вероятно, будут иметь место, но не между формальной логикой в ее собственном специально-научном содержании и чем-то еще, а между различными гносеологическими истолкованиями формальной логики, ее возможностей и прочих проблем. В какой степени этим истолкованиям удастся обрести достоинства диалектической мыслительной культуры, измеряется вовсе не решительностью, с которой они отрицают формально-логические утверждения и утверждают

нечто обратное им, а тем, насколько они являют нам открытость человеческого мышления, его творческую динамику — в движении от антиномических провозвестников противоречий к содержательному разрешению этих противоречий, насколько в этом движении удерживается генетическое единство антиномий и результатов их разрешения в целостности истины-процесса. И насколько истина представлена в ее внутреннем родстве и взаимопроникновении с нравственной и художественной культурой, с жизнью всех сущностных сил целостно развитого человека.

Однако, если судить по тому, что *А. А. Сорокину*, по-видимому, представляется заслуживающим внимания в моих работах стремление обосновывать «противоречивый характер развития мышления», ему следовало бы обратиться от вопроса о формулировках и статусе антиномий к проблеме разрешения их, которая позволила бы перейти к анализу процесса *деятельности*, проявления сущностных сил человека в творчестве, для которого мир существует как полный противоречий, как мир проблем. Между тем на этом пути, как мне кажется, *А. А. Сорокину* мешает именно неприятие им культурно-исторического подхода к категории противоречия и к тем специфическим особенностям и превращенным формам, внутри которых она выступает на определенных этапах истории познания и не только познания. Внимание же к этим специфическим особенностям подвело бы к раскрытию того, что без проблемы овеществления тут никак не разобраться.

Что же такое овеществление знания? В отличие от опредмечивания как такового овещест-

вленность знания означает не такое воплощение познавательной деятельности человека, которое остается принадлежащим контексту субъект-субъектного общения, а такое, которое из этого контекста как бы выталкивается, наделяется квазисамостоятельным существованием и выступает как некое наличное бытие — как особенное объективное бытие, фиксированное в языке. Овеществленное знание обращается как вещь среди прочих полезных вещей в мире, который построен человеческой деятельностью и принадлежит общественному бытию, но от человеческого своего характера отрекся, скрыл этот характер под превращенными формами. При этом и происходит распадение тесного единства познания, нравственности и художественности.

Как динамический процесс, знание есть не застывшая «картина», а скорее «картина», непрерывно преобразуемая, развиваемая, обогащаемая в глубь самой себя, как картина того же самого предмета, как погружение в его логику. Напротив, овеществленное знание выступает вне процесса своего генезиса, как плоская однозначно фиксированная картина, допускающая лишь тавтологическое движение на этом уровне — движение в одном и том же языке. Здесь статика не есть снятый, подчиненный момент динамического процесса, но сама господствует над ним, подавляет его, оставляя его творческий ритм и многомерность вне пределов своих застывших структур, своих формообразований.

Однако всякое воплощение в языке ограничено небесконечностью пластики языка. И вообще возможности опредмечивания в языке вряд ли стоит оценивать как безграничные. Ведь язык не обладает сам по себе тем содержанием,

которое в нем запечатлевается. Терминологический фетишизм начинается уже с того, что полагают, будто языковые тексты или речь могут быть *полным* «переводом», исчерпывающим богатство живой творящей способности. Вопреки этому я и в самом деле думаю, что есть «вещи», не поддающиеся опредмечиванию, особенно в языке слов. В противном случае торжествовало бы довольно ущербное представление о человеческой духовной жизни и самоустремленности.

Наконец, *А. А. Сорокин* пытается отыскать какую-то рассогласованность в том, что я, с одной стороны, отвожу принципу непротиворечия определенную сферу, а именно рассудочную статику знания, с другой — формулирую следующую антиномию: «диалектическое противоречие необходимо должно быть высказано в формальной антиномии и столь же необходимо — не в формальной антиномии». В этой формулировке *А. А. Сорокин* ищет и резюме моей позиции. Но на самом деле тут формулируется только постановка проблемы, решение которой — в анализе разрешения антиномии. Там и только там следовало бы искать «сведение концов с концами». Когда мы вступаем в многомерный мир динамики знания, тогда оказывается, что непротиворечивость характеризует — и обязательно — лишь «поперечные сечения» познавательного генезиса истины, а не переходы к новому содержанию, опредмечиваемые посредством изменения и обогащения языка теории.

О МАТЕРИАЛЬНОСТИ СОЗНАНИЯ И О ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫХ КОШКАХ

Э. В. Ильенков

Прав *В. Н. Порус*: проблема противоречия «не всегда формулировалась достаточно строго и определено». Что так, то так, не всегда. Но, стало быть, иногда все же формулировалась? Тогда хотелось бы знать, кем и когда. И, главное, *как?*

Гегель, по его мнению, «третировал формальную логику» и выдавал формулу «*A* и *не-A*» за формулу «абсолютной истины», т. е. за логическую формулу разрешения всех и всяких научных проблем, между тем как *И. С. Нарский*, точка зрения которого расценивается как «заслуживающая внимания», истолковывает ее как формулу «постановки проблемы».

Всякий, кто знает Гегеля, сразу же увидит, что *В. Н. Порус* усмотрел противоречие там, где его нет, ибо именно Гегель и утверждал, что абстрактное выражение всякого противоречия (а «*A* и *не-A*» есть самое абстрактное его выражение) — только начало пути мышления, только исходный пункт его восхождения к конкретному пониманию, к «абсолютной истине».

Но идти от Гегеля вперед можно двумя путями. Один путь — путь *материалистического* переосмысления гегелевского учения о противоречии. Этот путь и избрали Маркс, Энгельс и

Ленин. Другой путь — путь критического переосмысления гегелевской концепции с точки зрения постулатов формальной логики, путь формально-логической интерпретации гегелевской диалектики. Но ведь это разные вещи. Естественно, что и результаты оказываются разными. Более того, противоположными, противоречащими друг другу.

Попытаемся же выявить это действительное разногласие («противоречие»), освободив его от словесных «капсул». Чтобы не быть голословными, возьмем для анализа пример, приводимый самим *В. Н. Порусом*, — «антиномию-проблему», сформулированную К. Марксом в «Капитале» («капитал не может возникнуть из обращения и в то же время вне обращения»).

Согласно *В. Н. Порусу*, эта «конъюнкция высказываний» хотя и включает в себе все формальные признаки «логического противоречия», ситуации «*A* и *не-A*», тем не менее *не есть* логическое противоречие. Если вы анализируете эту ситуацию с точки зрения формальной логики, то вы не имеете права на такое высказывание. Вы обязаны четко и ясно сказать: есть тут формальное противоречие или нет его? А то получается, все формальные признаки логического противоречия налицо, а никакого логического противоречия нету. А что же тогда есть?

Есть «противоречивая форма записи проблемы», характерная, как утверждает *В. Н. Порус*, вовсе не для К. Маркса, а для «буржуазной науки». У Маркса эта неправильная форма записи фигурирует лишь в качестве «необязательного риторического приема». Проблема сформулирована в виде противоречия, в виде антиномии только потому, что Маркс при этом

пользовался «неуточненными, а потому совпадающими предикатами». Зачем же он это делал?

Делая это, т. е. формулируя проблему *неправильно*, «он уже знал ее разрешение и вкладывал в термины «возникает» и «обращение» соответствующие этому разрешению смыслы, хотя для читателя эти смыслы делаются явными только позднее»¹.

Вся беда, стало быть, в том, что К. Маркс вслед за «буржуазной наукой» намеренно использует один и тот же «термин» то в одном, то в другом «смысле», т. е. намеренно нарушает элементарное требование элементарной логики.

Если бы Маркс с самого начала пользовался «уточненными предикатами», полагает *В. Н. Порус*, то он записал бы проблему вот так: «Капитал возникает в обращении в том смысле, что обращение является необходимым условием его возникновения, и капитал не возникает исключительно в обращении в том смысле, что последнее не является достаточным условием его возникновения»². Видите, как просто решается проблема-антиномия, о которую «сломала себе шею» буржуазная, т. е. классическая, трудовая теория стоимости, теория Смита — Рикардо!

К. Маркс действительно формулирует в виде «антиномии» центральную проблему, на которой потерпела крушение трудовая теория стоимости в ее буржуазном варианте, т. е. произошло разложение рикардианской школы. Школа эта полагала, что единственным источником стоимости (а стало быть и капитала) является *труд* и только труд, а никак не «обращение».

¹ *И. С. Нарский*. Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969, стр. 27.

² Настоящее издание, стр. 169.

Отсюда-то — из совершенно правильной теоретической констатации объективного факта — и возникали все трудности, и прежде всего противоречие между понятием стоимости вообще и понятием *прибавочной* стоимости («прибыли», как ее именовали рикардианцы). Противоречие между «родом» и его собственным «видом», если выражаться языком формальной логики. Противоречие между законом стоимости, верно понятым как закон обмена эквивалентов, и столь же бесспорно реальным фактом «прибыли», очевидным фактом (законом) *самовозрастания* стоимости капитала, *опровергающим* этот закон, противоречащим ему.

Вот это-то «теоретическое противоречие», отражавшее действительную антиномию между товарно-денежным производством и тем же товарно-денежным производством, развившимся и постоянно развивающимся в *капиталистическое* производство, и притом с необходимостью, заложенной в природе товарно-денежных отношений между людьми, и было сформулировано предельно кратко, предельно остро и предельно абстрактно в виде «конъюнкции», занимающей *В. Н. Поруса*.

Как возможен капитал, если закон стоимости всеобщ, т. е. если он управляет не только «обращением», а и всем производством во всей его «тотальности»? Вот в чем вопрос. Вопрос, если угодно, «онтологического» плана, а вовсе не «гносеологического» только.

Формула «капитал возникает и не возникает в обращении» есть самое краткое и самое абстрактное, а потому именно — самое точное общее выражение реального противоречия развития системы отношений между людьми, именуе-

мой капитализмом, теоретически правильное выражение реальной антиномии, а не «недозволенная конъюнкция», в составе коей один и тот же термин употребляется нечаянно или намеренно «в разных смыслах», «в разных отношениях».

Именно поэтому указанная антиномия и имела (точнее, обрела благодаря сознательному диалектическому ее пониманию у К. Маркса) эвристический, т. е. верно ориентирующий логику исследования, смысл. Это — грамотно, точным языком научной политэкономии выраженное реальное противоречие, в разворачивании коего и *возникает* капитал, капитализм, система наемного труда, решающее противоречие *его возникновения*.

И К. Маркс был первым и единственным, кто его разрешил, именно потому, что первым правильно его сформулировал.

К. Маркс специально подчеркивал, что сформулированная антиномия теоретически разрешается только в том случае, если теоретическое развитие мысли будет строжайшим образом следовать шаг за шагом по тому пути, по которому идет реальный *возникающий* капиталист — «персонифицированный капитал». Как, при каком условии будущий капиталист, т. е. еще не капиталист, а лишь «личинка капиталиста», сможет превратиться в действительно капиталиста? Как вообще возможно возникновение капитала из не-капитала, из суммы его необходимых предпосылок?

Вопрос именно в этом, а не в «уточнении неуточненных предикатов». В том, чтобы совершенно точными словами («терминами») обрисовать ход действительного процесса возникно-

вения капитала (капиталиста). Именно это К. Маркс и делает.

В реальности, в действиях с реальными вещами (а вовсе не с терминами «языка науки») сформулированная в виде антиномии проблема решается одним-единственным способом — если реальному агенту товарно-денежного производства (а стало быть, и теоретику, осмысливающему его мир и его действия) «посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, — такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а следовательно, созданием стоимости»¹. Этот оригинальный товар можно купить только на рынке, только в сфере *обращения* в самом точном и строгом смысле термина «обращение». И если такой товар на рынке обнаруживается, то капитал и *возникает*. И опять-таки в самом точном, строгом и недвусмысленном значении слова «возникает».

Как не трудно убедиться, проблема, остро сформулированная К. Марксом, прямо указывает своим острием, *где именно и что именно* надо теоретику искать, чтобы увидеть и понять, *как именно* реальная антиномия разрешается в ходе реального развития реальных отношений между товаровладельцами-товаропроизводителями.

Такой товар на рынке найден. Тот единственный товар, путем купли и продажи коего разрешается фактическая антиномия — проти-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 177—178.

воречие между законом товарно-денежного производства и законом капиталистического производства, между стоимостью и прибавочной стоимостью. Это — рабочая сила, способность к труду. А не «труд».

И это опять-таки никакой не процесс «уточнения неуточненных предикатов», а точное терминологическое выражение фактического процесса превращения одной формы отношений между людьми в другую, прямо противоположную ей по своей основной характеристике (которая в виде «антиномии» и была зафиксирована, была всем известна, но до этого не была еще понята, т. е. не была еще «схвачена в понятие», в понимании существа дела).

Вот это и есть типичнейший пример применения диалектики в качестве логики. Эта логика ясно очерчивает путь исследования: от остроантиномичного абстрактного выражения реального противоречия к его конкретному пониманию, к выявлению процесса, в ходе коего это противоречие разрешается. Это — материалистически переосмысленная гегелевская логика в действии. Логика автора «Капитала».

А теперь посмотрим, на какие «логические» действия ориентирует формально-логическое переосмысление гегелевской логики.

Какой путь «разрешения» антиномии-проблемы оно рекомендует?

Прежде всего — лишить формулировку реального противоречия ее антиномической остроты, уничтожить неприятную ситуацию «А и не-А». Делается это путем вербальной манипуляции с термином «обращение», с термином «возникает» и со всеми прочими терминами. «Антиномия» в редакции Маркса прямо указы-

вала своим логическим острием на цель: надо искать *на рынке* товар с теоретически-заданным свойством — способностью производить новую стоимость. Куда «указывает» антиномия в этой редакции? Никуда. Поскольку в результате чисто вербальных манипуляций у нее обломано ее логическое острие, постольку она «указывает» во все стороны сразу — не только на рынок (не только на сферу «обращения»), а и на сферу производства, и на сферу потребления, и на сферу распределения. Куда угодно. Только не туда, где *на самом деле* таится секрет «возникновения» *капиталистического* отношения между людьми. Только не на «рынок», только не на «рыночную» форму этих отношений. Да, конечно, «рынок» (сферу обращения) тоже надо «иметь в виду», но зачем же искать только там ответ задачи, зачем не поискать и в сфере производства, в сфере потребления.

Вместе с антиномической остротой формулировки исчезла и сама проблема. Запрет, налагаемый старой (догегелевской) логикой на «конъюнкцию противоречивых высказываний», соблюден. Но какой ценой? Ценой придания научным терминам двусмысленности («обращение в одном смысле, обращение в другом смысле...»).

Вместо строго логичного процесса развития понятий (понимания существа дела) — бесконечное «уточнение» предикатов, терминов, лишенное какого бы то ни было отношения к реальному процессу исследования реального процесса развития объективного — «онтологического» (экономического) — противоречия.

Теперь мы можем подытожить *действительное противоречие* между материалистически-пе-

реосмысленной гегелевской логикой, примененной в «Капитале», и ее формально-логической интерпретацией.

Первая рекомендует четко и с максимальной остротой фиксировать реальные противоположности в составе исследуемого предмета, пользуясь при этом максимально «уточненными» терминами, т. е. доводить «описание» реального противоречия (единства противоположностей) до остроты антиномии, формула коей есть именно « A и $не-A$ », а затем исследовать тот, реальный же, процесс, посредством которого эти противоположности *превращаются* одна в другую, т. е. выражать в языке вашей науки *переход* « A » — в « $не-A$ », или « $не-A$ » — в « A ». Скажем, неживой материи — в живую, немыслящей материи — в материю мыслящую, рыночного хозяйства — в хозяйство капиталистическое, капиталистического производства — в социализм, переход, совершающийся, как известно, «посредством» революции, этого подлинно-диалектического акта. Этот путь и рекомендует диалектика как логика.

При этом рекомендуется не забывать, что противоположности, друг в друга превращающиеся, не перестают быть противоположностями и после того, как между ними обнаружен переход. Не-живое (« $не-A$ ») остается неживым и после того, как из него «возникло» живое (« A »). И в составе конкретного понимания возникновения жизни из неживой материи вы обязаны по-прежнему называть живое живым, а неживое — неживым. Так что в составе «конъюнкции A и $не-A$ » словечко «и» означает попросту *еще не понятый вами переход* одного в другое, хотя и одно, и другое поняты уже как

противоположности и терминологически зафиксированы именно как противоположности внутри одного и того же — а именно исследуемого вами — предмета.

А что рекомендует нам вышеупомянутая «логика» разрешения «противоречий»? Нечто прямо обратное.

Она рекомендует с помощью чисто вербальных операций замазывать противоречие и там, где оно уже выявлено, уже остро зафиксировано, но еще не нашло своего конкретно-научного разрешения. Рецепт таков: если такое противоречие в науке появилось, то оно должно быть любыми средствами из теоретического выражения устранено и объяснено как следствие того факта, что один и тот же термин до сих пор использовался «в разных смыслах», «в разных отношениях».

Но поскольку всякое *еще не разрешенное наукой* противоречие необходимо обретает форму антиномии, необходимо (и совершенно правильно) выражается в логической форме «*A* и *не-A*», постольку все старания тут направляются на порчу *правильного* логического выражения этого еще не разрешенного противоречия. Ибо считается, что антиномия (формула которой именно «*A* и *не-A*») ни в коем случае не может быть правильным выражением реальной, объективной («онтологической») антиномии, реального противоречия. Поэтому любое выявившееся в ходе развития науки противоречие во что бы то ни стало следует словесно переиначивать до тех пор, пока оно не перестанет быть противоречием. Это и должно быть обеспечено техникой «уточнения неуточненных предикатов».

Мы вовсе не против «уточнения терминов», но только там, где эти термины действительно употребляются неточно, неправильно, т. е. вопреки их исторически сложившемуся смыслу и значению. Но мы против «уточнения», способ которого сводится к совершенно произвольному изменению *правильных* названий и есть на самом деле лишь способ разложения «смысла термина», имеющего в наличном языке науки вполне однозначные характеристики, на два, на десять, на сорок «разных смыслов».

Мы видели, к чему приводит эта логическая техника в толковании терминов «обращение» и «возникает», — исключительно к словесному замазыванию остро и правильно сформулированного наукой реального противоречия процесса возникновения капитала. Но точно такой же словесный туман, в котором нельзя уже рассмотреть ни противоречий, ни тем более путей их разрешения, — туман, в котором все кошки трансцендентально-серы, эта логика напускает на любой предмет, попадающий в сферу ее внимания.

Вот, например, как начинает выглядеть, будучи выражена в ее категориях и терминах, проблема отношения *сознания и материи*, или — в другом выражении — отношения материального и идеального. Это, как известно, четкие противоположности. Сознание в точном и строгом смысле этого «слова» не материально, т. е. идеально, и говорить о том, что сознание *материально*, не допускается, ибо, как подчеркивал В. И. Ленин, это ведет к стиранию разницы (и противоположности) материализма и идеализма.

По мнению И. С. Нарского, вполне правомерно говорить о *материальности* сознания и даже конструировать «антиномию-проблему», чтобы затем демонстрировать на ней преимущества такого способа «диалектического разрешения» всех антиномий: «Сознание материально и не материально, т. е. идеально... Сознание идеально и по форме и по содержанию, если иметь в виду, во-первых, его психическую форму, соотносенную с познаваемым (отражаемым) материальным содержанием (содержанием материального мира как объекта отражения), и, во-вторых, сознаваемое содержание сознания. Под последним *имеется в виду* то специфическое, без чего сознание перестает быть сознанием и что соотносится с его материальным генезисом, выражающимся в нейроструктурах.

Сознание материально и по форме и по содержанию, если иметь в виду другую пару из только что намеченных сопоставлений»¹.

Ну, разумеется, если под «сознанием» *иметь в виду* не сознание, а что-то совсем другое (что именно — тут прямо не говорится, но можно догадываться, что это *материальный мир* как «сознаваемое содержание сознания» и *нейроструктуры* как его «форма»), то это «сознание» придется квалифицировать как материальное. Точно так же материальный мир, включая нейроструктуры, придется назвать идеальным (нематериальным), *если иметь в виду* мир как «сознаваемое содержание сознания», как представление.

¹ И. С. Нарский. Диалектическое противоречие и логика познания, стр. 74.

Но ведь с таким же точно правом можно *иметь в виду* под словом «кошка» не кошку, а, к примеру, трансцендентальную апперцепцию или *воображаемую*, трансцендентальную кошку.

В том-то и заключается беда этой концепции противоречия, что она позволяет под одним и тем же словом *иметь в виду* все, что заблагорассудится. И не пытайтесь уличать сторонника этой концепции в «противоречиях», он всякий раз объяснит, что *имел в виду* совсем не то, что говорил, употребляя термины «в ином смысле», «в разных отношениях», «в другой паре сопоставлений».

Мы думаем, что кошку лучше всего называть «кошкой», а трансцендентальную апперцепцию — трансцендентальной апперцепцией, ибо слова эти как в быту, так и в «языке науки» имеют достаточно определенный «смысл», а точнее, значение, с которым не следует обращаться слишком уж вольно. Думаем, что именно в этом и заключается «рациональное зерно» формально-логического запрета противоречия и весь парадокс состоит в том, что именно этот запрет в его рациональном смысле приходится защищать от тех самых его сторонников, которые сначала придают ему абсолютный — не знающий никаких исключений — смысл, а потом сами же вынуждены его преступать.

Поэтому-то мы и видим себя вынужденными категорически возражать против той концепции «противоречия», представителем которой выступает в нашем диспуте *В. Н. Порус*. Эта концепция, объясняя любую антиномию, возникающую в «языке науки», двусмысленностью (или многосмысленностью) употребляемых терминов, наличием «неуточненных, а потому совпа-

дающих предикатов», в то же самое время широко открывает ворота именно использованию терминов «в ином смысле», нежели общепринятый. Диалектическое учение о противоречии и о формах его выражения в «языке науки» превращается в обоснование произвольного манипулирования «разными смыслами» слов, а искусство мыслить диалектически объективные противоречия подменяется чисто лингвистической ловкостью.

Мы думаем, что рекомендации, которые вытекают из рассмотренной нами концепции «противоречия», нацеливают на изменение правильных названий вещей, т. е. на замену их неправильными. А в науке всегда найдутся те, кто старается «отделаться от трудностей, заключающихся в противоречивых определениях самих вещей, и объявляет эти трудности продуктами рефлексии или спором о словесных определениях»¹.

Это старый и испытанный способ избавляться от противоречий в словесно-терминологическом выражении действительности, в определениях понятий (т. е. в составе *понимания существа дела*), объясняя их возникновение «чисто семантическими» причинами.

Маркс в IV томе «Капитала» приводит характернейшую выдержку из книги, изданной в 1821 г., где все дискуссии по поводу теоретического определения стоимости в связи с определением капитала толкуются как «споры о словах»: «Основная мысль этого сочинения сводится к утверждению, что «споры... происходят исключительно из того, что различные

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 133.

лица употребляют слова в разных смыслах, т. е. из того, что спорящие, подобно рыцарям в сказке, смотрят на разные стороны щита»¹.

Само собой понятно, что при таком толковании природы и происхождения теоретических противоречий «реальные противоречия, не получившие реального разрешения, здесь пытаются разрешить с помощью фраз», «с помощью словесной фикции, путем изменения *vera gegum vocabula*»², т. е. «правильных наименований вещей».

На этом мы, по-видимому, и можем поставить точку в нашем споре с *В. Н. Порусом*, точнее, с представляемой им концепцией. Мы можем лишь констатировать, что *В. Н. Порус* стал оспаривать скорее изложенное нами понимание предмета логики вообще, нежели наше понимание противоречия. Но понимание предмета логики вообще и не являлось непосредственным предметом данной книги-диспута, а потому спор по этому вопросу нам придется отложить для более подходящего случая. То же самое мы вынуждены сказать и по поводу сомнения, высказанного *Г. С. Батищевым* в адрес нашего толкования статуса формальной логики и ее отношения к математической логике. Конечно, это тоже важный и достойный обсуждения вопрос, но все же другой.

Иначе обстоит дело с вопросом, поднятым *Б. М. Кедровым* в связи с моим утверждением, что анализ ни в коем случае нельзя рассматривать как особую, по существу и во времени предшествующую синтезу, стадию научного

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 109.

² Там же, стр. 85.

развития. Да, я действительно думаю, что эти «противоположности» (анализ и синтез), по существу, на деле, никогда не обособляются друг от друга так, что одна предшествует другой и создает для нее необходимые предпосылки.

Хотя это и не побуждает меня к спору о единстве противоположностей в общей форме, однако отношение «анализ — синтез» есть достаточно типичный случай единства формально-противоположных форм движения мышления (и не только мышления), а потому он дает достаточный повод для размышления и в самой общей форме.

Б. М. Кедров не сомневается в том, что на высших исторических ступенях развития науки отношение между анализом и синтезом примерно таково, каким я старался изобразить его в ряде случаев, в том числе и в процитированных им выдержках. В истории науки — особенно на ее начальной стадии — дело выглядит, считает он, не так. Там явно превалирует (и вовсе не по недомыслию ученых, конечно, а в силу объективной логики развития знаний) анализ. И *Б. М. Кедров* приводит в подтверждение этого несколько достаточно красноречивых примеров. Тезис, который он противопоставляет моему, гласит: в истории развития знания анализ все-таки предшествует синтезу, подготавливая для него почву и материал: «Хорошо известно из истории науки, что, прежде чем начать синтезировать, т. е. связывать воедино разъединенные ранее части целого, ученые сначала довольно долго, многими десятилетиями, а то и веками, учились правильно анализировать вещи и явления, т. е. развязывать связанное, разделять, разлагать целое на его части, вычленять

отдельные стороны из предмета исследования. Значит, формула «сначала анализ — а потом синтез» не лишена в какой-то степени исторического и логического оправдания»¹.

Против этого факта из истории науки как такового, как вообще против факта, спорить было бы нелепо. И все же мне кажется, что этот факт не может служить доводом против моего тезиса. Дело в том, что те самые примеры, которые *Б. М. Кедров* приводит в обоснование своей правоты, нетрудно обернуть против его общего утверждения, в доказательство антитезы его положению, — использовать как довод в пользу того, что «сначала синтез — а потом уже анализ».

Если сослаться на химию и ее историю, то известно не менее хорошо, что, прежде чем химики XVI—XVII столетий научились вообще выделять в составе достаточно сложных веществ их составные элементы, люди (и не только предшественники химиков — алхимики, а и многочисленные труженики, на практике использовавшие массу химических соединений) достаточно хорошо «изучили» именно «синтетические» свойства тысяч соединений, даже не подозревая об их «синтетической» природе. Люди хорошо знали свойства поваренной соли задолго до того, как выяснили, что она состоит из хлора и натрия.

И Кант в этом обстоятельстве увидел исторический довод в пользу логического тезиса, прямо обратного тому, который защищает *Б. М. Кедров*. А именно — Кант именно синтез посчитал первоначальной «логической» опера-

¹ Настоящее издание, стр. 26.

цией рассудка: «Там, где рассудок ничего предварительно не соединил, там ему нечего и разделять...»

Я не склонен становиться в данном случае ни на сторону тезиса (утверждение И. Канта, согласно которому «сначала синтез — а потом уж анализ»), ни на сторону антитезиса (утверждение *Б. М. Кедрова*, что «сначала анализ — а потом синтез»). Я думал и продолжаю думать, что и тут вопрос не о выборе между тезисом и антитезисом, а в понимании «аналитического» и «синтетического» аспектов мышления как с самого начала и до самого конца взаимно предполагающих внутренних противоположностей.

Думаю, что как логическое положение — впервые четко сформулированное Гегелем в его полемике против кантовского членения операций рассудка на аналитические и синтетические — это положение остается верным и при материалистической трактовке диалектики анализа и синтеза.

Другое дело, что в истории познания мы сплошь и рядом встречаем периоды полного застоя «аналитического» подхода (не чаще, впрочем, чем периоды столь же полного увлечения «синтетическим», «целостным», «интегрирующим» подходом). Однако при сколько-нибудь более конкретном и внимательном рассмотрении оказывается, что люди как одно-сторонне-аналитического, так и одно-сторонне-синтетического увлечения ума просто-напросто не отдают себе сознательного отчета в тех предпосылках, коими исподтишка управляется их ум. Аналитики склонны забывать, что цель их работы задана им предшествующей «синтетической» работой их предшественников. Тот же

грех, только с обратным знаком, совершают энтузиасты «синтеза», забывающие поблагодарить своих предшественников за «кирпичи», за стройматериал своей работы.

Я думаю, что наш спор с *Б. М. Кедровым* можно предварительно решить так: его утверждение касается сознательных логических установок ученых целых эпох и потому имеет как известное историческое, так и известное (хотя и одностороннее) логическое основание. Да, и Р. Бойль, и А. Лавуазье, и все те теоретики, о которых упоминает *Б. М. Кедров*, занимались преимущественно аналитической работой, анализ был их главным, магистральным устроением, их сознательным руководящим логическим принципом. Но нужен был «аналитический» взор Канта, чтобы разглядеть тот не менее бесспорный исторический факт, что, «где рассудок предварительно не соединил, там ему нечего и разлагать».

Вот этого-то аспекта своего собственного «рассудка» ни Бойль, ни Лавуазье не осознавали, не отдавали себе в нем сколько-нибудь ясного логического отчета. А «синтетический момент» тем не менее властно управлял их собственным умом как вполне объективный (хоть и не осознававшийся) логический принцип, как цель, как закон, и именно логический закон. А ведь задачей диалектической логики является именно выявление таких объективных логических форм мышления, которые управляют совокупным процессом мышления ученых даже при том условии, что ни один из них этого и не сознает. «Не сознает» — значит тут не отдает себе в том отчета в адекватных, отработанных философией, логических понятиях, в логиче-

ских категориях, или, вернее, отдает себе в том неверный, неточный отчет, осознавая то, что он на самом деле делает, в обыденных понятиях. Или — что случается еще чаще — в понятиях, усвоенных им из плохой школьной философии. А. Эйнштейн в своих теоретических построениях был все-таки «умнее» (диалектичнее), чем та философия, которую он в молодости сознательно исповедовал. Вопрос же, оставшийся вопросом, состоит, кажется, в следующем: не рискованно ли, когда речь заходит о «парных» диалектических категориях (будь то анализ — синтез, случайность — необходимость, всеобщее — единичное и т. д. и т. п.) спрашивать «что прежде, а что потом»?

НЕ «РАЗЛУЧАТЬ», А РАЗЛИЧАТЬ...

В. Н. Порус

Критика излагаемой нами точки зрения в основном сосредоточена в работах Э. В. Ильенкова, Э. Н. Глаголевой, Г. С. Батищева. Отдельные критические замечания других авторов так или иначе укладываются в понятийные схемы, представленные в упомянутых работах. Поэтому мы ограничимся разбором критических аргументов этих трех участников дискуссии.

Следует отметить, что наряду с аргументацией, затрагивающей действительную суть обсуждаемой проблемы, к сожалению, встречаются критические утверждения, не имеющие достаточного основания, а потому, видимо, представляющие собой известные издержки полемического пафоса. К их числу, например, относится утверждение Э. В. Ильенкова о том, что в нашей работе в качестве оппонентов представлены точки зрения И. С. Нарского, с одной стороны, и Гегеля — с другой. Но мы упомянули Гегеля в связи с критикой попыток отождествления формально-логических средств и методов с шаблонной алгоритмизацией схем рассудочного мышления — никаких других сопоставлений и противопоставлений по отношению к Гегелю мы не делали. Не высказывали мы и приписываемых нам утверждений о том, что

Гегель считал выражения типа «А и не-А» воплощением абсолютной истины.

Не можем мы также отнести к разряду обоснованных адресованные нам обвинения в стремлении выхолостить процесс разрешения проблем-антиномий, причем это стремление выражается якобы в подмене теоретического пути разрешения противоречия посредством перехода к новой, более глубокой системе знания чисто вербальными лингвистическо-синтаксическими ухищрениями («уточнениями»). Проблема уточнения понятий, входящих в состав теоретических определений, нами вообще не рассматривалась.

Заметим только, что уточнение понятий — дело не только бесполезное и поучительное, но и необходимое. Некоторые термины, фигурирующие в работах отдельных авторов, в том числе участников нынешней дискуссии, не худо было бы уточнить как можно тщательней во избежание нередко уводящих от истины аналогий, по выражению Э. Н. Глаголевой. Однако неверно изображать нашу позицию так, как это делает Э. В. Ильенков, когда утверждает, будто логика в нашем понимании призвана заниматься лишь тем, чтобы путем формальных «манипуляций» с предикатами создавать «непротиворечивые иллюзии».

Нами была высказана мысль, что формула К. Маркса: «...капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении»¹, — регистрирует в антиномической форме внутреннюю

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 176.

противоречивость буржуазной экономической науки, являясь в то же время формулировкой проблемы, получающей разрешение в системе теоретических понятий марксистской политической экономии, в результате марксистского конкретного исследования процессов капиталистической экономики. Поскольку эта в сущности простая и очевидная мысль все же вызывает возражения, придется еще раз вернуться к классическому марксову исследованию указанной антиномии.

Раскроем первый том «Капитала». В первом параграфе четвертой главы Маркс указывает, что известный не только буржуазным теоретикам, но и всякому капиталисту факт возрастания стоимости в процессе обращения не получил, однако, правильного теоретического объяснения в сочинениях буржуазных экономистов, не умевших либо не желавших увидеть за этим фактом суть капиталистической эксплуатации. «...В обращении $D-T-D$ и товар и деньги функционируют лишь как различные способы существования самой стоимости: деньги как всеобщий, товар — как особенный и, так сказать, замаскированный способ ее существования»¹. Буржуазные экономисты Г. Маклеод и Дж. Милль фиксировали в обращении лишь эти отдельные формы существования стоимости, отождествляя капитал с одной из них. К. Маркс цитирует: «Обращающиеся деньги [сиггенсу] (!), употребленные с производительной целью, суть капитал» (Маклеод); «Капитал — это товары» (Дж. Милль)². На деле же субъектом процесса обращения является стоимость, по-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 164.

² Там же, стр. 165.

рождающая прибавочную стоимость: «Стоимость становится, таким образом, самодвижущейся стоимостью... и как таковая она — капитал. Она выходит из сферы обращения, снова вступает в нее, сохраняет и умножает себя в ней, возвращается назад в увеличенном виде и снова и снова начинает один и тот же кругооборот»¹. Это было понятно уже Сисмонди. Маркс цитирует высказывание последнего: «Капитал... непрерывно умножающая себя стоимость»². «Таким образом, $D-T-D'$ есть действительно всеобщая формула капитала, как он непосредственно проявляется в сфере обращения». Но эта форма обращения «противоречит всем развитым раньше законам относительно природы товара, стоимости, денег и самого обращения»³.

Тезис антиномии сформулирован, и вместе с ним сформулировано противоречие этого тезиса со всей развитой ранее системой экономических понятий и законов. Факт самовозрастания стоимости остался необъясненным и продолжает быть загадкой для буржуазной теории. Где ключи к этой загадке, каков путь разрешения противоречия? Можно попытаться опровергнуть тезис (доказать антитезис!) — «капитал не возникает в обращении». Этим путем идут буржуазные экономисты: Грэй, Ле Трон, Рамсей, Сэй, Вэйланд и др. Маркс цитирует Сэя, заимствовавшего у физиократов следующий вывод: «Обмен двух равных стоимостей не увеличивает и не уменьшает общей массы стоимостей, имеющих в обществе. Обмен неравных стоимостей... также ничуть не изменяет суммы обще-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 166.

² Там же.

³ Там же.

ственных... стоимостей...»¹, и Рамсея: «Прибыль при обычных условиях рынка не создается обменом. Если бы она не существовала раньше, она не могла бы существовать и после этой сделки»².

Антиномическое «коромысло» перегнулось. Антитезис сформулирован и «обоснован», но проблема не решена, причина возникновения капитала не установлена. Буржуазная теория обречена на шараханье от тезиса к антитезису и обратно, на бесконечное раскачиванье антиномических «качелей». Налицо логический тупик, свидетельствующий о кризисе исходных теоретических допущений, внутренней их противоречивости; этот тупик возникает не из приверженности буржуазных авторов формально-логическим принципам, а из метафизической сущности их рассуждений, имеющих апологетическую классовую подоплеку.

Нужно было идти по другому пути: пересмотреть исходные понятия, вскрыть истинный смысл терминов, фигурирующих в антиномии (в первую очередь — понятия «обращение»), по существу — создать новый понятийный аппарат, раскрывающий действительное положение вещей, волей или неволей искаженное и скрытое буржуазными апологетами, чтобы за спиной обращения увидеть «нечто такое, чего не видно в самом процессе обращения»³, нужно радикально пересмотреть само понятие обращения — нужно отыскать «в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы ори-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 174.

² Там же, стр. 176.

³ Там же.

гинальным свойством быть источником стоимости... это — способность к труду, или рабочая сила»¹.

Таким образом, дело вовсе не в «записи, характерной (?) для буржуазной науки», а в том, что противоречивая конъюнкция тезиса и антитезиса в данном случае является логическим типом для буржуазных ученых, неспособных его преодолеть, и формулировкой проблемы для марксистской политической экономии: «Его (т. е. владельца денег, покупающего и продающего товары.— *В. П.*) превращение... в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения. Таковы условия проблемы»². Но в качестве диалектически поставленной проблемы антиномия перестает быть противоречием в формально-логическом смысле, поскольку налицо не все признаки «запрещаемой» (по терминологии *Э. В. Ильенкова*) в формальной и в математической логике ситуации. Известно, что невозможна двузначная истинностная интерпретация тезиса и антитезиса в рамках абстрактных допущений, применяемых в формально-логических исчислениях.

Но после того как К. Марксом было обнаружено необходимое и главное звено в цепи капиталистической эксплуатации, после того как понятие обращения в его новом, точном смысле было включено в систему понятий «Капитала», после того, наконец, как понятие рабочей силы как товара связало в единое диалектическое целое разрозненные ранее понятия обраще-

¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 23, стр. 177—178.

² Там же, стр. 177.

ния и производства, другими словами, когда была выявлена совокупность необходимых и достаточных условий возникновения прибавочной стоимости, после этого проблема сбрасывает с себя антиномический наряд конъюнкции тезиса и антитезиса.

Совершенно ясно, что формулировка, к которой мы прибегли, имеет смысл *только* в том контексте, в котором она употреблена, т. е. в контексте выявленных основных категорий процесса возникновения капитала: эта формулировка не призвана заменить собой антиномию-проблему, в чем нас упрекает Э. В. Ильенков, она лишь показывает несостоятельность попыток противопоставить последнюю законам формальной логики. «Все условия проблемы соблюдены, и законы товарного обмена нисколько не нарушены... Весь этот процесс, превращение... денег в капитал, совершается в сфере обращения и совершается не в ней. При посредстве обращения — потому что он обуславливается куплей рабочей силы на товарном рынке. Не в обращении — потому что последнее только подготавливает процесс увеличения стоимости, совершается же он в сфере производства»¹. В этих положениях Маркса нет абсолютно никакого логического противоречия.

В чем действительная основа наших разногласий с защищаемой Э. В. Ильенковым и Э. Н. Глаголевой позицией?

На наш взгляд, эта основа прежде всего состоит в различном подходе к принципу отражения объективных диалектических процессов в познающем мышлении. Мы считаем, что отра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 206.

жение диалектически-противоречивых процессов действительности есть процесс, реализующийся в многоступенчатом бесконечном восходящем движении от относительных истин к абсолютным, в ходе развития теоретического знания¹. Принципы формирования этого знания не могут противоречить законам формальной логики, хотя безусловно не исчерпываются и не предопределяются последними. Более того, формальная логика может вполне эффективно развиваться и применяться при решении познавательных задач, только действуя на прочной основе марксистско-ленинского диалектического метода.

Единство противоположных определений, выступающее в качестве антиномии-проблемы, может и должно считаться элементом процесса отражения диалектической действительности, но не может и не должно считаться полным адекватным образом этой действительности, итогом процесса отражения. Ни в коем случае нельзя отождествлять отображаемую диалектику бытия с отображающей ее субъективной диалектикой познания, а тем более со специфическими диалектическими закономерностями гносеологических процессов. Так, антиномия движущегося тела как элемент отражения процессов механического движения есть отправной пункт для критического анализа

¹ При этом мы вовсе не отрицаем значения нетеоретических форм познания (например, искусства) для отражения объективной диалектики. Но в этих формах важнейшую роль играют в качестве структурных элементов художественные образы, специфика отражательных способностей которых весьма велика, и это требует особого рассмотрения, выходящего за рамки нынешней дискуссии.

логических средств познания объективно происходящего движения. «Вопрос не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий»¹. Добившись же этого выражения, мы делаем шаг в сторону познания самого объективного движения.

Критикуемая же нами точка зрения по существу смешивает субъективную и объективную диалектики, делает первую слепком, дубликатом последней. Начиная с верного положения о единстве сфер субъективной и объективной диалектик, наши оппоненты явно или неявно приходят к их тождественности. Отсюда следуют утверждения о том, что «именно *противоречие*, а вовсе не его отсутствие, оказывается той реальной *логической* формой, в рамках которой совершается действительное мышление», что «теоретическое понятие» синтезирует в себе «одинаково истинные противоположные суждения»².

Рассмотренный выше пример из «Капитала» показывает, что «антиномия обращения» является элементом сложного процесса отражения диалектического взаимодействия противоположных сторон, тенденций, свойств капиталистического производства, но не является формальным аналогом, «слепком» с противоречивой ситуации «капитал возникает и не возникает в обращении». Капитал возникает в обращении, понятом в особом, марксовом смысле, т. е. как обращение, включающее куплю-продажу рабочей силы, которая затем функционирует в производстве. Капитал не возникает в обращении, понятом в смысле буржуазной нау-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 230.

² Настоящее издание, стр. 126, 201.

ки, исключаящей из рассмотрения рабочую силу как товар, замазывающей факт эксплуатации, факт присвоения капиталистом прибавочной стоимости словечком «прибыль на капитал» (как это показано, например, в «Анти-Дюринге»¹). Однако и в марксистском смысле капитал возникает в конечном счете все же не в обращении, а в производстве, ибо за фактом купли-продажи рабочей силы стоит процесс потребления последней — процесс производства, играющий решающую роль в образовании прибавочной стоимости.

Очевидно, что приближение к истине неодинаково у тезиса и антитезиса, вопреки утверждению Э. Н. Глаголевой. Но поскольку относительная истинность (отнюдь не в смысле абстрактной истинности, позволяющей интерпретировать антиномию-проблему как тождественно-ложное высказывание!) присуща и тезису и антитезису, может быть, прав Г. С. Батищев, протестующий против «отлучения» антиномии от истины?

Здесь возникает очень интересная и сложная проблема, связанная с трактовкой понятия истины. Г. С. Батищев верно отмечает, что включение антиномий в состав теоретического построения (здесь он, разумеется, неточен, называя последнее «формализованным знанием») было бы нелепостью. «Структура готового знания есть всего лишь статичный «поперечный срез»»², — и с этим высказыванием мы совершенно согласны, если под словом «срез» понимать исторически обусловленный уровень от-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 218—219.

² Настоящее издание, стр. 244.

ражения объективной реальности, объективированный в теории или комплексе теорий. В этом и только в этом смысле мы употребляем термин «объективированный», который, очевидно, не тождествен по смыслу понятию «бес- субъектный», так как просто указывает на принципиальную возможность при изучении процесса развития науки в указанном нами аспекте абстрагироваться от субъективности; это отнюдь не отрицает возможности и необходимости конкретного анализа диалектического взаимодействия субъективной и объективной сторон гносеологических процессов. *Г. С. Батищев* не прав, утверждая, что для нас «неприемлема и невысказима связь между истинностью антиномии и истинностью результата ее разрешения»¹. Ведь все дело в том, какова эта связь! Если это связь между верной поставленной перед наукой проблемой и верным разрешением последней, в результате которого получено истинное знание о действительности, то такая связь не просто приемлема для нас, а вытекает с необходимостью из всего хода изложенных нами рассуждений. Таким образом, мы вовсе не *разлучаем* антиномию-проблему с истиной, а лишь указываем на необходимость *различения* истинного знания, получаемого в процессе и в результате разрешения проблемы, и первого подхода к нему.

Заметим, что «быть элементом истинного отражения» или «процесса отражения истины» не значит еще «обладать самостоятельной истинностью». Сам *Батищев* пишет, что «истинностью знание обладает лишь в его системе...

¹ Настоящее издание, стр. 233.

как воспроизведение верно прослеживаемой логики предмета»¹. Это верно, если под системой здесь понимается некоторая структура, состоящая из элементов (элементарных шагов) адекватного познания. Но из этого правильного утверждения нельзя делать вывод, что истинность в одинаковой степени присуща всем таким элементам, иначе стирается различие между истинностью *правильно поставленной проблемы* и истинностью *результата ее решения*.

«Одинаковая» истинность присуща как раз элементам формализованных «срезов», да и то с существенной оговоркой, что формализация в таком случае должна быть действительно полной, т. е. теория представлена в виде формального исчисления или базируется на нем. «Одинаковая» потому, что в пределах формализованного знания действуют весьма сильные абстракции, позволяющие игнорировать различие между относительными истинами, обеспечивающие истинность демонстративной части теории простым соблюдением логических норм при ее развертывании, при условии допущения «неоспоримой» истинности теоретического базиса (скажем, системы аксиом или исходных положений).

Но такие абстракции оказались бы чересчур сильными, будучи примененными к процессу формирования «готового знания» или «среза». Здесь различие между относительными истинами по степени приближения весьма существенное. Другое дело, что само это различие становится по существу возможным лишь в некотором смысле «ретроспективно», т. е. когда

¹ Настоящее издание, стр. 240.

процесс отражения реальности уже как бы представлен в виде системы, другими словами, когда начинается постепенное устранение субъективной стороны этого процесса («объективирование»). Но без такого различия понятие истины становится настолько расплывчатым, что возникает опасность его растворения в полумистическом «бытии в истине».

Ошибочно было бы и абсолютное противопоставление «истины-процесса» и «истины-структуры» (по терминологии, употребленной *Г. С. Батищевым*). Истинность элементов научной структуры — это не просто застывший результат «истины-процесса»; это прежде всего концентрированное подтверждение того, что познание шло по верному пути, что «срез» сделан с целостного процесса истинного, адекватного отражения. Поэтому диалектике истины незачем «пробуждаться» в овеществленном знании, ибо она присуща ему, а не только знанию распредмеченному (знанию в динамике). Конечно, историко-культурный процесс развития и становления науки нельзя отождествлять с логическими схемами процесса перехода от одних понятийных систем к другим; но нельзя также считать, что диалектичен лишь первый в отличие от второго; напротив, второй есть лишь «объективированный» образ первого.

Нельзя не отдать должного справедливому стремлению *Г. С. Батищева* не упустить из виду субъекта культурно-познавательной деятельности, т. е. сделать объектом непосредственного рассмотрения его диалектико-антиномическую природу. Но при этом не следует забывать о характере взаимосвязи между субъективной и объективной диалектиками, меха-

низм которой раскрывается в теории отражения.

Суммируем сказанное. Антиномия не разлучается с истиной, если это антиномия-проблема, знаменующая собой дальнейшее восхождение от неполного, относительного знания к знанию полному, истинному. В качестве таковой антиномия не играет роль формально-логического противоречия и не может служить аргументом в пользу антагонистического противопоставления формальной логики и диалектики. Антиномия разлучается с истиной, если противоречие тезиса и антитезиса выступает в качестве логического тупика, свидетельствующего о бессилии, «неистинности», противоречивости теории, претендующей на адекватное отражение объективной реальности.

Антиномия-проблема есть элемент истинного отражения действительности, но не является ее адекватным образом, следовательно, ее истинность — это истинность верно поставленной научной проблемы, которая не равносильна истинности результата ее решения. Процесс становления истинной научной теории («формирования среза») не тождествен развертыванию истинных положений внутри овеществленного знания; однако между этими процессами существует глубокое единство, прежде всего состоящее в том, что оба процесса подчинены законам диалектического развития. Законы формальной логики имеют силу в обоих процессах, хотя играют в них неодинаковую роль, если в первом их значение состоит главным образом в фиксации узловых моментов становления (чаще всего через обнаружение антиномий), то во втором они обеспечивают безоговорочную непротиворечивость как условие истинного знания.

СНЯТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ ЛОГИЧЕСКИМ

Б. А. Ласточкин

Традиционный формализм всегда отождествлял противоречие с несуществованием и ложью. Но, странным образом, развитие логических исследований не уменьшало, а, наоборот, увеличивало число всевозможных противоречий, парадоксов, антиномий — и ими все больше приходилось заниматься. А уделять львиную долю времени исследованию несуществующего и ложного — само по себе парадокс. Позиции формализма по необходимости стали смягчаться, открывая дорогу исторической рефлексии: сначала осторожно, допущением равноправия различных аксиоматик, а затем и построением различных языковых иерархий. В настоящее время логические исследования буквально пестрят такими понятиями, как «метавыход», «фальсификация», «свободно становящаяся последовательность» и т. п., понятиями, которые безусловно несут известную диалектическую нагрузку.

И прав *А. А. Сорокин*, когда отказывается проводить принципиальное размежевание между формально-логическим и диалектическим противоречием и решать проблему в том ключе, который предлагается *Г. С. Батищевым*: мол, каждому свое, ибо математическая логика

(являющаяся исторической восприимчивой логикой формальной) и диалектика «крайне разнородны и по предмету, и по задачам»¹.

Нам все-таки представляется, что формально-математическая логика и в настоящее время сохраняет свое значение (и даже огромное значение), но лишь как момент логики диалектической, и развивается современная математическая логика именно в силу оценочной деятельности логиков-творцов, в силу их метатеоретической, т. е. рефлектирующей деятельности по конструированию новых аксиомных посылок. Современный формализм не сохранил свою былую монолитность, породив обширный веер самых разнородных метакоцепций, содержащих осознанные, полусознанные и неосознанные диалектические моменты. И понять жизненную силу современного формализма можно лишь одним путем: осознать его в качестве момента диалектики. Аргумент Г. С. Батищева, утверждающего, что «если бы это было так, то была бы невозможна нынешняя формальная логика — математическая»², не работает, так как тот факт, что многие математики и логики не осознают диалектической природы своей деятельности, никак не свидетельствует о независимости от диалектики.

Г. С. Батищев ограничивает диалектику лишь самыми высокими сферами человеческой деятельности (искусство, культура), а технику создания и настройки инструментов склонен отдать отлученной от диалектики логике формальной. Именно так воспринимается приво-

¹ Настоящее издание, стр. 237.

² Там же, стр. 234.

димая им поясняющая аналогия, в которой диалектико-противоречивое развертывание исполнителем «музыкальной мелодии в сонатной форме» противопоставляется формально-непротиворечивой «нотной записи», «конструкции» и «настройке» фортепьяно. Содержание и форма в этом примере не характеризуют *само исполнение* сонаты (ибо тогда говорилось бы о «приемах», «манере», «школе» и тому подобных формальных моментах самого исполнения), а разнесены по *разным уровням*.

Разрыв содержания и формы может быть либо недосмотром, либо свидетельством некоей концептуальной установки, с которой, однако, трудно согласиться. Ведь то определение исполнения «музыкальной мелодии в сонатной форме», которое дает *Г. С. Батищев* («развертываемый во времени живой, диалектический процесс, непрерывное становление напряженно-противоречивого целого») ¹, вполне может быть применено и к исполнению мелодии, и к сочинению музыки, и к созданию и настройке инструментов, и к процессу эволюции биосферы и звезд и т. п.

Не прав и *В. Н. Порус*, когда он утверждает, будто «формальная логика не претендует на роль законодателя для мышления... Законы формальной логики призваны обеспечить непротиворечивость научных теорий, в процессах создания, совершенствования которых осуществляется, объективируется само мышление» ². Во-первых, претензий у традиционного формализма все еще достаточно — ведь да-

¹ Настоящее издание, стр. 238.

² Там же, стр. 176.

леко не все формальные логики перешли на позицию простого обслуживания повседневной практики научных исследований. А во-вторых, что касается «обеспечения непротиворечивости», то те, кто сколько-нибудь интересуется этой проблемой, хорошо знают: все доказательства непротиворечивости относительны и сводятся к построению моделей в терминах и языке другой теоретической системы, которая по каким-то уже отнюдь не формальным соображениям считается более прозрачной и убедительной. Как показал К. Гёдель, непротиворечивость формальной системы не может быть доказана средствами, формализуемыми в той же системе, так что приходится обращаться к некоторой более содержательной метатеоретической интерпретации, т. е. опять же упираться в диалектическую проблематику. Ничего не проясняет в проблеме противоречия и предлагаемая В. Н. Порусом классификация: а) объективное противоречие, б) отражение противоречия, в) противоречие познания.

Разговор о противоречиях приобретает у нас принципиальный характер, и это вынуждает затронуть самые глубокие и еще мало разработанные проблемы философии и, в частности, проблемы соотношения *исторической формы противоречия* и *логической формы противоречия*. Начать хотя бы с того, что распространенное мнение о примате исторического перед логическим не совсем точно отражает суть дела, так как за этим мнением стоят всевозможные ассоциации, где эта неравноценность очевидна. На самом деле историческое и логическое равноправны. Можно, например, историческое связывать с объективной реальностью (онтологи-

ей), а логическое с познанием этой реальности (гносеологией), и тогда, конечно, историческое будет первичным, а логическое вторичным. Но можно иметь в виду логику (закономерность) развития объекта и историю его познания — тогда очевиден примат логического начала. Возможность такого двойного подхода как раз и показывает относительную независимость категорий «историческое — логическое» от тех или иных объект-субъектных проекций.

По Гегелю, историческое и логическое следует понимать не просто как другие термины для обозначения реальности и познания, но прежде всего как предельное обобщение системы таких парных категорий, как:

рождающееся	рядоположенное
диахрония	синхрония
генезис	состояние
функция	структура
становление	особенность
бытие	сущность

Историческая форма противоречия — это та самая борьба противоположностей, о которой много говорят и пишут. В последние десятилетия так называемая методология науки в лице таких своих представителей, как К. Поппер, И. Лакатос, уделяла много внимания роли «контрпримеров» и «опровержений» в становлении научного знания. Широко известна, например, изданная у нас книга И. Лакатоса «Доказательства и опровержения», где он на примере истории теоремы Эйлера о многогранниках показал некоторые диалектические моменты в развитии математики. Как известно, эта теорема формулируется следующим образом: *для всех многогранников сумма числа вершин и*

граней, за вычетом числа ребер, равна двум. Лакатос показывает, что вся двухсотлетняя история теоремы Эйлера представляет собой чередование *доказательств всеобщности* этой теоремы и непрерывного обнаружения *существования единичных опровергающих контрпримеров*, т. е. таких многогранников, которые теореме Эйлера не подчиняются. Заслугой Лакатоса является то, что появление опровержений он не рассматривает в качестве патологического процесса, а, наоборот, вынужденную этим процессом непрерывную модернизацию доказательств считает причиной развития учения о многогранниках¹.

К сожалению, разрешение главного вопроса, который возникает при рассмотрении исторической формы противоречия: чем же кончается это чередование *утверждающей всеобщности* и *опровергающей единичности*? — фальсификационизму оказалось не под силу. Не владея диалектической категорией снятия исторического логическим, фальсификационизм запутался в биологических аналогиях (К. Поппер: «От амебы до Эйнштейна один шаг»), и этим все завершилось.

Логическая форма противоречия — это форма *особенного*, когда главное внимание обращается уже не на динамику чередования определенности и отрицания, а на их одновременное наличие в *единстве сосуществования «не-что» и «своего иного»*. Гегель писал: «Под конкретно всеобщее не подводится то или другое данное особенное, а в указанном процессе оп-

¹ Подробно схема Лакатоса рассмотрена в статье: «Диалектика мысли и формализация» (сборник «Кибернетика и современное научное познание». М., 1976).

ределения и в разлагании его уже определилось вместе с тем и особенное»¹. Историческое равноправие противоположностей *снимается* их логическим равноправием, «определенность» и «отрицание» превращаются в «ничто» и «свое иное».

Если вернуться к примеру с многогранниками, то дилемма: «эйлеровость *или* неэйлеровость?», в конце концов перестает быть драматической коллизией, требующей неременной победы какой-либо стороны. На смену приходит констатация порождающей исходности: «эйлеровость *и* неэйлеровость», констатация, являющаяся базой качественно нового (топологического) подхода, *в рамках которого* прежняя полемика *снимается* и выглядит просто «непониманием сути». Широко, например, известно, что рождающаяся теория сначала довольно сумбурно и *противоречиво* развивается и только затем обнаруживается (подводится) аксиоматическая база с четко фиксированным *порождающим противоречием*, так что зачастую ранее полученный теоретический результат оказывается следствием позже найденной (созданной) предпосылки. Так, преобразования Лоренца были получены раньше, чем Эйнштейн в исходной позиции совместил несовместимое: всеобщность принципа относительности и неотносительность (постоянство) скорости света. То же самое произошло и с понятием бесконечно-малой величины в классическом анализе, которая, несмотря на практическую плодотворность, в концептуальном плане долгое время балансировала на грани «ничто»

¹ Гегель. Наука логики, т. 1, стр. 79.

и «ничто» (приводя в отчаяние теоретиков и давая пищу для язвительной критики), пока ее суть не была наконец зафиксирована в *строго противоречивом* логическом определении: «становится и в дальнейшем *остаётся* меньше...» или «для всех ϵ существует такое δ , что...»

Аналогичная ситуация и в современной теории множеств: на определенном этапе развития этой теории обнаружили, что ее *логически порождающим* исходным пунктом (абстрактной клеточкой) является противоречиво-парадоксальное (с точки зрения обыденного рассудка) определение бесконечного множества как «множества эквивалентного собственному подмножеству» (целое равно своей части!). И это опять же *строго противоречивое* (с теоретической точки зрения) определение сейчас все чаще берется в качестве основы для конкретно-теоретических разверток (восхождений от абстрактного к конкретному).

То же самое произошло и с понятием капитала, когда К. Маркс своей обнаженно-противоречивой формулировкой (капитал возникает в обращении и не возникает в обращении) *логически снял историческую противоречивость* предшествующей политэкономии.

Внешняя простота снимающей формулировки весьма обманчива, ибо исходная клеточка не является пустой оболочкой, а, как и всякая живая зародышевая клетка, содержит в закодированном виде *исторический опыт и логическую программу*. И без содержательного анализа *сути дела* никакая традиционно понимаемая «схема вывода» не развернет зародышевую клетку в полноценный теоретический организм. Эйнштейн скрупулезно и самым тщательным

образом проанализировал природу *одновременности* пространственно разделенных событий, Коши — природу *производной* функции, в которой исчезают члены отношения и не исчезает само отношение, Кантор — природу *эквивалентности*, допускающей установление взаимно-однозначного соответствия между неравными объектами, Маркс — природу товарного *обращения*.

Для формальной логики сам процесс формирования аксиомных посылок неформализуем и является целиком областью личной инициативы и изобретательности. Поэтому, когда одна схема «работает» хорошо, а другая быстро «выдыхается», то совершенно непонятно, почему это происходит. Чаще всего объясняют короткую жизнь той или иной аксиоматики ее «скрытой внутренней противоречивостью», а идеал логически работоспособных определений видят в «абсолютной непротиворечивости». На самом деле все обстоит как раз наоборот: любая формальная схема только тогда и может быть достаточно жизнеспособной и эффективной *логически-исходной посылкой* в теоретических построениях, когда она явно или неявно содержит *снятое историческое становление*.

Что может быть, например, более капитальным и дольше всего работающим в современной математике, чем *понятие бесконечно малой величины*, которое во всех учебниках формулируется (с незначительными вариациями) следующим образом: «*Бесконечно малой величиной называется такая переменная величина (α), которая при своем изменении по абсолютной величине становится и в дальнейшем остается меньше любого положительного, заранее задан-*

ного, сколь угодно малого постоянного числа (ϵ)», что и записывается в виде неравенства ($|\alpha| < \epsilon$). Спросите любого математика — никакой противоречивости в этом определении он не увидит. Но ведь более ста лет шли ожесточенные споры, пока данное определение не устоялось! И не так уж много проницательности нужно, чтобы увидеть и даже реконструировать историческую полемику, в снятом виде содержащуюся в логике данного определения. Вот эта история:

Становится

— Гм... становление... это, конечно, что-то более значительное, чем простое изменение?

И в дальнейшем остается

— Как это? Перестает становиться?

Меньше

— Ага, начинаю понимать: Вы хотите сказать, что если уж бесконечно малая величина вошла в какой-то числовой интервал, то в дальнейшем из него не выходит. Но ведь, войдя в этот интервал, она может и остановиться, перестав тем самым быть бесконечно малой величиной?

Любого положительного

— Что-то непонятно: ведь меньше любого положительного числа может быть нуль — число заведомо постоянное, а значит, и не бесконечно малая величина?

Заранее заданного

— Конечно, если заранее задаться положительным числом, то всегда можно стать меньше, не обращаясь в нуль. Но ведь тогда, например, половина Вашего «заранее заданного» числа могла бы считаться бесконечно малой величиной?

Сколько угодно малого

— Извините, но это получаются уже какие-то гонки двух бесконечно малых величин — какое же тогда здесь определение?

Постоянного

— Ну, знаете, «постоянность» в сочетании со «сколь-угодной малостью» — это просто означает, что Вы собираетесь двигаться скачками. Сейчас Вы добавите: «ступенчато уменьшающегося», а я в свою очередь попрошу разъяснить, чем ступенчатое уменьшение отличается от обычного, и конца нашей полемике не будет. Так что кончайте Ваши бесконечные уточнения и будем считать, что логика понятия бесконечно малой величины сформировалась. И будем только надеяться, что потомки скоро забудут о нашем так и не завершенном споре.

Итак, определение сформировалось. *Историческое противоречие становления свернулось в логически-противоречивую абстрактную клеточку*, с которой начинается дальнейшее восхождение к конкретной всеобщности (в данном случае, ко всему математическому анализу). И тут возникает кардинальный для всей проблемы противоречия вопрос: пусть нельзя процесс восхождения от абстрактного к конкретному в процессе развертывания новой теории полностью формализовать в традиционном понимании, но ведь и *никак не оформленное содержательное движение* тоже есть чистейшая фикция! Тогда что же все-таки можно сказать о *формальной стороне диалектического дела?* На этот вопрос можно дать лишь один ответ: надо знать и умело использовать логику диалектическую, у которой свои законы и свои рекомендации, и прежде всего надо уважать прин-

цип саморазвития. Как показал еще Гегель, *диалектика — наука точная*, хотя и не в привычно-обиходном смысле. Диалектическая логика *дает вполне определенные и даже формальные рекомендации*, но только селекционеру, дирижеру, организатору, творцу, имеющему дело с живым, самодвижущимся материалом. А если мы имеем в виду онтологический аспект проблемы, то *саморазвитие* объекта становится исходной предпосылкой рассмотрения.

Полагаем, что *В. Н. Порус* не прав, когда противоречивую ячейку особенного («нечто» и «иное») считает только *историческим итогом всей предшествующей фазы развития* и отказывает ей в праве на *активную и длительно работающую в новой фазе логическую исходность*. В таком понимании логическое противоречие — это всего лишь сигнал неблагополучия, красный свет, своеобразный стоп-кадр, немедленно исчезающий, как только вскрыта причина «конфузии». Ею может оказаться и специфический товар, порождающий прибавочную стоимость (рабочая сила), и специфический физический процесс, инвариантный относительно преобразований систем отсчета (распространение света) и т. д.

В. Н. Порус просит *Э. В. Ильенкова* указать, «где и в чем» К. Маркс в своей теории допускает противоречие, т. е. нарушает требование непротиворечивости. Секрет в том, что противоречие и не *допускается*, а, будучи с самого начала *строго логически зафиксировано*, затем *используется до конца*, т. е. развертывается во всем многообразии своих следствий: и при анализе производства прибавочной стоимости, и при анализе заработной платы, и при анализе про-

цесса накопления и т. д. И чтобы понять, как это делается, надо кроме логической импликации владеть еще логикой *разделения деятельности и превращенных форм* — а это в учебниках формальной логики не излагается.

Парадоксальный характер логического противоречия (как абстрактной клеточки особенного) обнаруживается не только в своеобразной логике дальнейшего развертывания (восхождения к конкретному), но и в том, что оно реконструирует свое прошлое, замещая историческое начало логическим началом. Гегель глубоко понимал объективный характер и равноправие исторического и логического начала, а значит и *наличие двух объективных форм следования*, не укладывающихся в линейное представление о времени («сущность есть прошедшее, но вне-временно прошедшее бытие»).

Этот момент снятия исторического чередования противоположностей их логической противоречивостью хорошо виден на примере отрицательной обратной связи, которая, как известно, есть нечто большее, чем простой механизм саморегулирования и стабилизации. Реальное колебание системы около точки равновесия, т. е. чередование плюс-минус отклонений, уже не является для обратной связи необходимой формой ее существования, а становится всего лишь необходимой логической предпосылкой. Так, для сохранения равномерного режима работы любая автоматическая система нуждается в силовом механизме стабилизации, но совсем не обязательно его использует. Таким образом, плюс-минус отклонения хотя и определяют необходимость обратной связи, но в этом определении существенно уже не

временное *чередование* отклонений, а сама *возможность* их равноправного существования. Силовая динамика снимается логикой связи, вещественно-энергетический уровень снимается сигнально-информационным.

Кажущийся неотразимым вопрос: что же в самой реальности, в самом процессе эволюции возникает *до* и что *после* — историческое ли чередование или логическое раздвоение, — этот вопрос с точки зрения диалектики не обладает той абсолютной ясностью, которую ему приписывают. Само «*до*» может быть двойким: историческим и логическим. Так, сколько бы мы ни искали где-то на границе начала биологической эволюции историческую «дату возникновения» феномена обратной связи, каждый раз эта «дата» будет нарушаться обнаружением тех или иных механизмов обратной связи во все более и более глубоких слоях эволюции, причем будет обнаруживаться в качестве логической предпосылки этой самой эволюции. Будучи один раз осмысленной в технических системах, созданных человеком, обратная связь обнаруживается в живой природе, а затем (как авторегуляция, отражение) — во все более глубоких пластах реальности (вспомним слова К. Маркса: «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны»).

Собственно, та же картина прослеживается и при решении проблемы возникновения жизни, которая упорно ускользает от примитивного линейно-временного решения именно потому, что глубина понимания простейших форм жизни определяется развитостью ее высших форм. И нельзя одну (высшую) сторону дела связывать с реальным развитием, а другую (низшую) — заморозить где-то в прошлом.

Если не выходить за рамки познавательного процесса, то дело кажется простым: *объективность исторической полемики* подчас низводится снятием до непонимания сути дела. Онтологическую же интерпретацию снятия дать значительно труднее, но можно попытаться хотя бы почувствовать этот аспект проблемы на примере взаимодействия человека и среды: сначала период конфронтации и борьбы, затем снятие этого периода пониманием подлинной *особенности* экологических взаимоотношений, исходно-противоречивого единства «человек \rightleftharpoons природа», которое *всегда было*.

Снятие — проблема серьезная, ибо снимается не только исторически предшествующее, но и сам вопрос об историческом предшествовании. Не случайно, что гегелевская логика допускает двойную интерпретацию учения о бытии—сущности — понятии: и как описание исторического становления некоторой системы, и как описание логического раскрытия (реконструкции) ее основания.

О РАЗРЕШЕНИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ

А. А. Сорокин

Дискуссия — содержательная, а не словесная — между диалектическим и традиционным пониманием противоречия возможна только при том условии, если под «противоречием» будут иметь в виду *одно и то же*. Выше мною отмечалось, что Гегель, с которого начинается диалектическая традиция в понимании противоречия, развил свою концепцию в полемике с *обычным* в то время истолкованием противоречия как некоей «аномалии» мышления и т. д., и критиковалась точка зрения тех авторов, которые считают, что под «противоречием» в диалектике имеется в виду нечто совершенно иное, нежели в «формальной логике». Г. С. Батищев упрекает меня за то, что я остановился на этом вопросе, поскольку, с его точки зрения, никакой «настоящей проблемы» здесь нет. Тут же он отмечает, что спор «на эту тему был в свое время навязан диалектике» некими «педантами».

Но спор об определении противоречия в диалектике и об отношении его к противоречию в смысле формальной логики имел место не только «в свое время», но продолжается и сейчас. И разобраться в этом споре, в котором участвует большое число специалистов, видимо, нужно. Хотя я согласен с тем, что к обсуждению

вопроса об определении проблема противоречия не сводится, однако без выяснения его она вряд ли может быть успешно решена.

Г. С. Батищев соглашается со мной в том, что диалектическое «противоречие включает в себя также и антиномическую формулировку, где антитезис высказывается как совпадающий с тезисом во всем, кроме одного — частицы «не»»¹. Но если это так, то сразу же встает вопрос: могут ли быть истинными в таком случае тезис и антитезис одновременно? Согласно традиционной логике, нет, не могут. *Г. С. Батищев* с этим как раз и не согласен. И свою статью он посвящает полемике с *В. Н. Порусом* именно по этому вопросу. И само наличие этой полемики противоречит утверждениям *Г. С. Батищева* о том, что противоречие, о котором говорит формальная логика, и противоречие, о котором говорит диалектика, «предметы разные» и что «во все не об одной и той же реальности толкуют формальная логика и диалектика, когда упоминают «противоречие»»².

Разумеется, если мы развиваем особую, диалектическую концепцию противоречия и его роли в мышлении и если мы противопоставляем ее традиционному пониманию *тех же самых* вопросов, то следует показать в самом *предмете* основания как традиционного представления о противоречии, так и нашего собственного, более правильного представления.

Г. С. Батищев стремится «выявить предпосылки» традиционной точки зрения, согласно которой члены антиномии не могут быть одно-

¹ Настоящее издание, стр. 236.

² Там же, стр. 237.

временно истинными. Эти предпосылки он видит в «овеществлении знания». С этим он связывает свое истолкование «научной формальной (и математической) логики» и то представление о противоречии, которое характерно для сторонников формальной логики. С точки зрения *Г. С. Батищева*, формальная логика (и математическая, как ее современная форма) «выражает собой и воспроизводит в качестве невыявленной предпосылки овеществление знания»¹. С этой трактовкой формальной логики он связывает и свою критику традиционного представления о противоречии. Отвечая на вопрос: «Почему же антиномию разлучают с истиной?», он пишет: «Потому разлучают, что истину представляют с точки зрения овеществления знания».

Дело, оказывается, не только в том, что антиномия в рамках «овеществления знания» предстает в особом виде, но и сама истинность знания понимается совершенно по-другому.

Если в рамках «овеществления знания» принцип непротиворечия, который *Г. С. Батищев* принимает как закон «опредмечивания» мышления в языке, вдруг приобретает некое гипертрофированное значение и предстает в сознании самих ученых как закон *мышления*, то в истине-процессе все становится на свои места и никакого смешения не происходит.

Каким же образом можно преодолеть «овеществление» и увидеть истину-процесс? С одной стороны, *Г. С. Батищев* признает возможность перехода с одного уровня анализа на дру-

¹ Настоящее издание, стр. 235.

гой (с уровня «статики», овеществления к истине-процессу и обратно), но, с другой стороны, не показывает, как это делается.

В связи с разбором точки зрения *Ф. Ф. Ваккерера*, согласно которому формально-логические противоречия также ничего не отражают, а диалектические если и являются отражением реальных («предметных») противоречий, то лишь в «специфическом» смысле, можно добавить следующее: прежде чем проводить различие между диалектическим и логическим противоречием *по способу их отношения к действительности* («диалектические — отражают, а логические — не отражают»), следует показать, в чем же именно состоит их различие *самих по себе*, вне этого отношения к действительности. В частности, можно ли говорить о их различии *в способе выражения в языке?*

Что такое *логическое противоречие*? Сказать, что это противоречие «субъективное», значит ничего не сказать, так как речь идет не об отношении этого противоречия к реальности, а о его дефиниции. В традиционной логике, начиная с Аристотеля, противоречие определяется *безотносительно* к указанию его субъективности (в смысле ошибочности, ложности), а именно как утверждение *об одном и том же взаимоприносящих определений*. После того как *противоречие определено*, в традиционной логике высказываются определенные суждения о противоречии, и прежде всего суждение о том, что противоречащие высказывания не могут быть одновременно истинными. Это суждение и называется «законом непротиворечия».

Таким образом, признание ложности противоречия есть определенный вывод (суждение)

о противоречии, и оно не входит в определение самого противоречия. Традиционная логика, как хорошо известно, не признает никаких «исключений» из выдвигаемого ею «закона», и всякое высказывание, удовлетворяющее ее определению логического противоречия, должно считаться ложным («субъективным»).

Как и всякое суждение, утверждение ложности противоречия опирается на *определенные предпосылки*. В частности, предпосылкой этого утверждения, кроме соответствующего определения отрицания, является признание того, что суждение может быть либо истинным, либо ложным и никаким другим. При этой предпосылке тезис о ложности противоречия оказывается просто тавтологией.

Если же считать, что высказывание может быть не только либо истинным, либо ложным, но как-то совмещать эти противоположности, то никакого «запрета» противоречия быть не может. Наоборот, утверждение ложности высказывания, состоящего из утверждения и соответствующего ему отрицания, само является *ложным*. Считать же, что высказывание не может быть одновременно истинным и ложным, *нет никаких оснований*, кроме ссылок опять же на закон противоречия, согласно которому противоположности не могут быть совмещены. Если мы предметом обсуждения делаем принцип непротиворечия, то нельзя в обосновании этого принципа пользоваться им как *средством доказательства*. Это ясно как дважды два — четыре. Иначе просто получается «круг» в доказательстве.

Вопрос состоит в следующем. Подводится ли диалектическое («объективное») противоречие

под определение логического противоречия, как его сформулировал Аристотель?

С моей точки зрения, да, подводится. Поэтому я (вместе с некоторыми другими участниками диспута) говорю: по форме высказываний (по языковому выражению) «диалектическое» противоречие от «логического» ничем не отличается. Если вы говорите «*A* и *не-A*», то нельзя без конкретного содержательного анализа всего контекста, в котором делается это высказывание, сказать, «объективное» (диалектическое) это противоречие или субъективное. Это, конечно, совсем не означает, будто я считаю невозможным и ненужным отличать истину от путаницы, противоречия объективные от противоречий надуманных. Просто я полагаю, что для этого нужен содержательный, предметный анализ.

Для того чтобы отличить один тип противоречий от другого, следует прежде всего определить, что такое противоречие, безотносительно к анализу специфических признаков того или иного вида. Между тем сторонники «четкого различения» диалектических и логических противоречий как раз и не дают общего определения противоречия. Если диалектические и логические противоречия суть два вида одного и того же (противоречия), то встает вопрос об основаниях выделения этих видов, об их специфических признаках и их взаимоотношении. И вот тут-то сторонники «четкого различения», как правило, попадают в сферу весьма нечетких определений и различий. Выступая против «отождествления» различных видов противоречий, они совершенно упускают из виду, что эти «виды» должны иметь место внутри некоторого

единства (тождества), должны быть выведены из него. В результате это единство оказывается лишь номинальным, и становится совершенно непонятным, почему диалектические и логические противоречия называются одним и тем же словом.

Те же авторы, которые как-то осознают потребность в выяснении взаимоотношения различных видов противоречий (как, например, И. С. Нарский и вслед за ним *В. Н. Порус*), приходят к выводу о том, что формально-логическое противоречие, которое, согласно их же собственным определениям, ничего не отражает, является «субъективным», может быть формой выражения «диалектического» (отражающего реальность) противоречия или же «симптомом» такого противоречия (*В. Н. Порус*). Таким образом, один вид противоречия, который следовало бы четко отличать от другого, вдруг оказывается — правда, не всегда, а только «в некоторых случаях» — формой проявления другого. Остается непостижимым, как это может быть, если считается одновременно с этим, что диалектическое и формально-логическое противоречия — вещи совершенно *разнородные*. А с другой стороны, если признается, что формально-логическое противоречие может быть *формой* выражения *диалектического*, то как быть с тезисом о том, что формально-логическое противоречие *ничего в действительности не отражает?*

В. Н. Порус упрекает меня за то, что я придерживаюсь будто бы ошибочного представления о функциях формальной логики¹. Я говорил лишь о том, что согласно традиционной ло-

¹ Настоящее издание, стр. 176.

гике противоречий в мышлении не должно быть и всякое противоречие есть с ее точки зрения свидетельство ошибочности рассуждения. Что это так, легко убедиться, раскрыв любой учебник традиционной логики, и если В. Н. Порусу это представляется ошибочным, то ему следует подвергнуть критике то понимание противоречия, которое характерно для традиционной логики. Если он считает, что в современной формальной логике развивается понимание противоречия, принципиально отличное от традиционного, то было бы интересно узнать, в чем же именно оно состоит.

Размежевание позиций диалектической и традиционной логики в вопросе о противоречии есть первое условие разработки вопроса собственно на диалектической основе. Конечно, к выяснению этого вопроса свести диалектическое понимание противоречия нельзя.

Нам представляется, что основная проблема, стоящая перед диалектической логикой, считающей противоречие законом развития понятий и знания вообще, состоит в разработке конкретной теории разрешения противоречий. Вопрос стоит так: если мы признаем противоречие принципом («душой») развития знания, то надо построить теорию развития знания, а не ограничиваться просто общими декларациями.

Вряд ли у кого-нибудь вызывает сомнение, что после того, как та или иная проблема решена, в результате чего появилась новая система понятий, техническая конструкция и т. д., можно более или менее точно ответить на вопрос, «как это произошло», т. е. рассказать историю появления данного решения. Вопрос состоит в следующем: можно ли говорить о ло-

гике развития научного знания (и творческой деятельности вообще), можно ли построить теорию этой логики? На этот счет существуют различные представления. Некоторые ученые считают, что таинство творчества неподвластно разуму человека, что говорить о закономерностях (логике) развития науки научным же образом нельзя. С этим согласны и многие философы, специалисты по «методологии науки». Они считают, что методология науки может иметь дело лишь с готовым — опредмеченным в языке — знанием, но не с самой деятельностью по производству знания, которая считается в лучшем случае предметом психологии научного познания, но не логики.

Говорить о логике творческого процесса (о логике развития) представляется с этой точки зрения нонсенсом.

Такое представление основывается на определенном понимании «логики» как системы действий в рамках заданных строго определенных правил, как некотором исчислении. Там же, где речь идет о преобразовании этих правил (форм), о поиске новых форм деятельности, там с точки зрения такого понимания логика кончается и начинается нечто алогичное.

Разумеется, вряд ли можно спорить с тем, что научная и вообще всякая творческая деятельность принципиально отлична от деятельности, всецело протекающей в рамках заданного формализма в широком смысле этого слова. Говорить о создании некоего универсального алгоритма творческого процесса, об универсальной отмычке всех проблем столь же нелепо, как говорить о «вечном двигателе» и тому подобных вещах.

Однако вызывает сомнение правомерность абсолютизации этого узкого представления о логике как некотором исчислении. Во всяком случае, в истории философии такое понимание логики давно уже подвергнуто критике. Историческая заслуга в этом отношении принадлежит Гегелю, который создал первый образ совершенно нового типа логического, а именно диалектику. Хорошо известно, что диалектика Гегеля есть логика развития. Гегель соединил эти доселе разнородные вещи, и отныне речь может идти только о более совершенном синтезе логики и развития.

Известно также, что «Капитал» К. Маркса, построенный на основе материалистически переосмысленной логики Гегеля, имеет своим предметом как раз анализ развития самих форм (и структуры в целом) капиталистического способа производства. Процессы развития давно уже стали предметом научного исследования в различных областях науки. Да и в самой методологии науки проблемы развития знания все больше привлекают внимание. Поэтому вряд ли можно сомневаться в возможности научного анализа развития научного знания, творческой деятельности вообще. Более того, речь идет о необходимости разработки конкретной теории творческой деятельности в области науки на основе диалектики.

Между тем вопрос о разрешении противоречий мышления остается, с нашей точки зрения, наиболее слабо разработанным пунктом. А ведь в конечном счете все в него упирается. Если мы сможем сказать, как в процессе решения тех или иных конкретных противоречий науки, техники и т. д. создаются новые понятия, конструк-

ции, развиваются знания и способности человека, то вряд ли у кого-нибудь может возникнуть сомнение в том, что противоречие — принцип творческой созидательной деятельности и в области науки, и в других областях.

Если противоречие естественным образом вырастает в процессе научного освоения действительности и если в форме противоречия перед сознанием возникает конкретная проблема, то сразу же встает вопрос, каким образом формулировка проблемы определяет дальнейшую творческую деятельность ученого, как формулировка проблемы связана с ее решением. Если решение противоречия невозможно на основе лишь того знания, в рамках которого оно сформулировано, то каким образом осуществляется выход за рамки этого знания, т. е. в состав знания вовлекаются новые обстоятельства и факты, обязывающие к перестройке всей системы понятий и их связи? Ответить на эти вопросы не так-то просто. Для этого нужны специальные исследования. Диалектическое понимание противоречий мышления как раз и ориентирует на такое исследование. Если же оставаться в рамках традиционного представления о мышлении и сфере компетенции логики, то эти вопросы даже нельзя сформулировать.

Думается, что дальнейшие исследования проблемы противоречия в рамках диалектической логики должны пойти именно по этому руслу. Если же мы и дальше будем спорить о том, одно и то же имеется в виду под словом «противоречие» в диалектике и в традиционной логике или не одно и то же, то существенно продвинуться в разработке проблемы противоречия не удастся.

**НЕИЗБЕЖНО ЛИ «ОГРУБЛЕНИЕ»
В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ
ПРОТИВОРЕЧИЯ? ЕЩЕ РАЗ
О НАУЧНЫХ ДИСКУССИЯХ**

Б. М. Кедров

Ф. Ф. Вьяккерев считает, что парадокс и антиномия в структуре научной теории представляют известное субъективное «огрубление» объективного противоречия.

Прежде всего нужно выяснить, в каком смысле употребляется понятие «огрубление». Я мог бы указать два существенно различных его значения или рода.

«Огрубление» первого рода понимается как особый прием познания, который соответствует тем последствиям (применительно к данным условиям), которые влечет за собой анализ; если речь идет о движущемся теле, то требуется его остановка («сначала предмет — а потом процесс», «сначала покой — а потом движение»). Более того, изучение остановленного, покоящегося тела есть необходимая предпосылка для того, чтобы изучать то же тело в движущемся, изменчивом состоянии. Значит, «сначала предмет для того, чтобы мог быть потом изучен и познан процесс».

Следовательно, «огрубление» здесь понимается в смысле временного вынужденного отступления от самого объекта, от его исходной целостности и конкретности. Это то, что В. И. Ленин называл — «отойти, чтобы вернее

попасть», отступить, чтобы лучше прыгнуть. Когда необходимый разгон для последующего прыжка к истине достигнут, отступление, отход ликвидируются, а вместе с этим ликвидируется и вынужденное «огрубление», внесенное нами в процесс познания. Другими словами, внесенный анализом разрыв противоположных сторон противоречия ликвидируется путем синтетического их воссоединения в исходное единство противоположностей.

Разумеется, этим вовсе не решается и даже не ставится вопрос о том, насколько исчерпывающе полно отображается противоречие в нашем сознании. В рассмотренном аспекте «огрубление» берется лишь в той связи, что целое (живое противоречие) не может быть познано иначе, как путем предварительного расчленения его на отдельные противоположности.

Так обстоит дело с «огрублением» первого рода.

«Огрубление» второго рода носит существенно иной характер. В данном случае речь идет о неполноте любых научных знаний, о том, что всякое научное положение отражает объективное положение вещей (реальность) лишь приблизительно верно и относительно. Следовательно, речь идет об относительных истинах; они содержат в себе зерна абсолютной истины, и из их суммы складывается эта абсолютная истина, т. е. полное, исчерпывающее знание объекта исследования. «Огрубление» здесь есть неизбежный признак всякой научной абстракции, которая неполно выражает закономерность или свойства изучаемого объекта. Таковы, например, законы идеальных газов, в том числе закон Бойля — Мариотта, выражающий обрат-

ную зависимость между объемом и давлением так называемых идеальных газов (при постоянной температуре). Само понятие «идеальный газ» есть «огрубление» наших представлений о реальных газах; соответственно этому закон Бойля — Мариотта в порядке такого же «огрубления» отражает закономерную связь лишь между отмеченными двумя свойствами газов при полном нашем отвлечении от всех иных их свойств и проявлений.

В порядке некоторого приближения к действительности можно ввести в рассмотрение еще два свойства молекул газа: во-первых, их объем, а во-вторых, силу межмолекулярного взаимодействия. Тогда выражение закона, связывающего давление и объем газа, усложнится и примет вид уравнения Ван дер Ваальса. Но оно все же будет по-прежнему огрублять действительность, хотя и в меньшей степени, нежели обычное выражение закона Бойля — Мариотта.

Можно и дальше уточнять выражение зависимости между объемом и давлением газов путем введения все новых и новых констант и новых параметров; тем не менее никогда не будет составлено такое выражение, которое хотя бы для одного газа, взятого при одной определенной температуре, с абсолютной точностью и исчерпывающей полнотой опишет зависимость между обоими свойствами наблюдаемого нами газа. Мы можем приближаться сколь угодно близко к тому, чтобы исчерпывающим образом выразить эту зависимость, но не сможем никогда достичь этого в абсолютном смысле. Точнее сказать, мы сможем достичь этого в принципе, но лишь в результате бесконечного движения нашей мысли, которая асимптотически

приближается к абсолютному знанию данной зависимости.

Альтернативу можно построить и так, словно имеются только две взаимоисключающие возможности при решении поставленного вопроса: при положительном его решении надо допустить возможность достижения полного, максимально точного соответствия образа, копии объекта оригиналу, т. е. возможность познания абсолютной истины. При отрицательном же решении вопроса надо допустить принципиальную невозможность «схватить», отобразить движение в понятиях во всей его полноте как «живое».

Оба эти крайние решения, предложенные в альтернативном порядке, являются, очевидно, неверными, так как в первом случае решение строится в духе метафизического материализма (допущение исчерпывающего познания абсолютной истины), а во втором—в духе философского релятивизма и агностицизма (допущение принципиальной невозможности познания абсолютной истины, неизбежности довольствоваться лишь одними относительными истинами, касающимися движения с его противоречиями).

Какой же выход может быть найден из создавшегося положения? Да тот, который уже давно указала марксистская философия и который по аналогичному поводу разобрал В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Вспомним, что именно А. А. Богданов в свое время выдвинул махистский довод: раз неправа метафизика, полагающая, будто мы познаем до конца абсолютную истину, значит надо допустить правоту философского релятивизма с его признанием одних лишь относительных истин и с принципиальным отказом от призна-

ния какой бы то ни было абсолютной истины.

Суть же дела состоит в том, что никакой подобной рода альтернативы — либо метафизика, либо философский релятивизм — не существует. На деле имеется третье решение, которое дает марксистско-ленинская диалектика.

Нельзя смешивать два рода «огрубления» — то, которое вызвано членением целого (противоречия) на его части (на противоположные стороны с временным нарушением их нераздельного единства), и то, которое вызвано общим характером человеческого знания: его относительностью, способностью «схватывать» движение в понятиях лишь неполно, ограниченно, а потому огрубленно, «абстрактно», но отражая при этом объективную действительность и заключая в себе в виде отдельных зерен абсолютную истину. Субъект (в своем познании) постоянно и безостановочно движется к объекту, совпадая с ним полностью в итоге бесконечного своего приближения к объекту. Это и означает, что абсолютная истина складывается из бесконечного ряда относительных истин, каждая из которых содержит в себе определенное зерно абсолютной истины.

Я понимаю, что мой ответ может показаться слишком общим, неконкретным. Но я мог бы привести в подтверждение своей мысли большой фактический материал из истории химии, физики, биологии и других естественных наук. Эта тема подробно освещена во многих моих работах, в частности могу сослаться на упоминавшийся уже мною сборник, содержащий соответствующий материал¹.

¹ См. «Противоречия в развитии естествознания». М., 1965.

Тем участникам нашего «круглого стола», которые ставят под сомнение всеобщность пути познания противоречий через их предварительное членение на противоположные части, я предложу следующую задачу: попытаться объяснить, как могло быть познано какое-либо противоречие, если бы оно с самого начала и в течение всего последующего исследования рассматривалось бы только как нерасчлененное и нерасчленяемое целое?

Например, как могла бы возникнуть квантовая механика, если бы предварительно в течение многих десятилетий и даже веков не развивались бы и не разрабатывались бы в физике и химии, с одной стороны, концепция дискретности материи (атомно-молекулярная, а позднее электронная теория строения вещества), а с другой стороны, концепция континуальности (волнообразности) в ее применении к свету (электромагнитному полю)? Только на основе развития обеих концепций, аналитически расчленивших дискретность и континуальность, могла возникнуть в XX в. в порядке высшего теоретического синтеза квантовая механика, отразившая обе противоречивые стороны действительности (микромира) как единство противоположностей.

Пусть противники формулы «сначала анализ, а потом синтез» попытаются как-либо иначе объяснить этот реальный путь проникновения человеческого познания в микромир. Я буду очень рад, если это им удастся сделать. Но, увы, я в этом сомневаюсь, для чего имею достаточно серьезные основания.

Теперь особо хочется сказать о важности творческих научных дискуссий, их острой не-

обходимости в интересах прогрессивного развития науки и об обязательных предпосылках и условиях успешности их проведения. Известное изречение гласит, что «в споре рождается истина». Эту мысль можно продолжить: в споре она не только рождается, но и утверждается в науке, добивается своего признания как истины со стороны ученых. Вот почему в Программе КПСС совершенно правильно говорится: «Необходимым условием развития науки являются свободные товарищеские дискуссии, содействующие творческому решению назревших проблем»¹. На съездах КПСС подчеркивалась важность создания в каждом научном коллективе подлинно творческой обстановки, атмосферы плодотворных дискуссий² и, главное, необходимость решения задач, стоящих перед наукой, в том числе общественной наукой, лишь при условии самой тесной связи ее с жизнью: «Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить наше движение вперед. Только связь с практикой может поднять эффективность науки...»³. Задача создания творческой атмосферы в научной работе «и сегодня остается такой же важной, как и вчера. Разумеется, творческое сопоставление взглядов должно основываться на нашей общей марксистско-ленинской идейной платформе. Важно, чтобы последовательно соблюдались принципы партийности в науке...»⁴.

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1976, стр. 129.

² См. «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 87.

³ «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 73.

⁴ Там же.

Изучение нашего величайшего идейно-теоретического оружия — марксистско-ленинского учения, материалистической диалектики, составляющей «живую душу» марксизма, как ее называл В. И. Ленин, и овладение ею может быть затруднено, если основные понятия диалектики будут толковаться неясно, нечетко или противоречиво, различным образом. К числу таких основных понятий диалектики относится понятие «диалектическое противоречие», которое связано с одним из главных ее законов — законом единства и борьбы противоположностей. Практика пропаганды и преподавания марксистско-ленинского мировоззрения настоятельно требует того, чтобы в такие вопросы была внесена полнейшая ясность и четкость. И здесь, прежде чем возможна организация какой-либо теоретической дискуссии, необходимо учесть ленинское указание: «Спорить о словах, конечно, не умно... Но надо выяснить точно понятия, если хотеть вести дискуссию»¹. Наш «круглый стол» в значительной степени и направлен на реализацию этого указания, высказанного В. И. Лениным в 1916 г. в статье «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»». Совет — не начинать дискуссии, пока не выяснены точно понятия — является очень важным. Ведь хорошо известно, что, прежде чем начинать и разворачивать дискуссию по существу обсуждаемых вопросов, необходимо выполнить именно это предварительное условие. Если понятия будут употребляться в ходе дискуссии в различном значении, сама дискуссия утратит весь свой смысл и ста-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 93.

нет беспредметной. К сожалению, это условие не всегда учитывается должным образом. Вот и создается иногда такая ситуация, что спор уже разгорелся то ли о предмете философии, то ли о теории отражения (о соотношении отражательного и творческого моментов в ней), то ли по другому какому-либо вопросу, а соответствующие понятия оказываются совершенно неуточненными и употребляются спорящими сторонами в самом различном смысле. Неуточненность понятий, которыми оперируют некоторые авторы, доходит порой до того, что принимаются нарочито неопределенные и даже явно двусмысленные определения очень важных философских понятий с тем, чтобы сам читатель мог вложить в них какой угодно смысл по своему усмотрению. Естественно, что все это отнюдь не способствует выяснению вопроса, а лишь еще больше осложняет его.

Между тем в данном случае речь идет о чрезвычайно важном, можно сказать, стержневом положении материалистической диалектики, которая, повторяю еще раз, составляет, по словам В. И. Ленина, «живую душу» марксизма, т. е. всего нашего мировоззрения. Ведь вообще вопрос о понятиях и умении оперировать ими является одним из важнейших в материалистической диалектике как логике и теории познания. Еще Ф. Энгельс отмечал в «Диалектике природы», что «диалектическое мышление... имеет своей предпосылкой исследование природы самих понятий...»¹. В. И. Ленин в «Философских тетрадах», отвечая на поставленный им вопрос, «*в чем состоит диалекти-*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 537—538.

ка?»¹, показывает, что она состоит в диалектике понятий, которая отражает диалектику вещей, диалектику объективного мира.

Среди всех остальных понятий понятие диалектического противоречия занимает совершенно особое положение, играя, как известно, исключительно важную роль в изложении и обосновании материалистической диалектики. Напомню только, что если, как учил В. И. Ленин, раздвоение единого и познание противоречивых его частей составляет самую *суть* диалектики, если ее ядром является учение о единстве противоположностей, то ясно, что от того, как истолковывается понятие диалектического противоречия, прямо зависит, как понимается и суть и ядро диалектики, а значит, и «душа» нашего мировоззрения. Вот почему «круглый стол», помогая выявить различное понимание диалектического противоречия у ряда философов, возможно, сделает шаг в сторону преодоления существующих здесь неясностей и разногласий. А раз так, то он в какой-то мере окажется полезным для практики нашей общей идейно-воспитательной и пропагандистской работы.

Что же касается подлинно научных дискуссий, которые велись и ведутся при наличии ясности применяемых в них понятий, то такие дискуссии нередко начинаются в условиях, когда спорящие стороны первоначально стоят на противоположных позициях. Напомним, что К. Маркс прямо указывает на то, «что полемика предполагает противоположные мнения и что историческая истина может быть выведена не

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 179.

иначе как из противоречивых утверждений»¹. Так бывает особенно часто в естествознании. Объясняется это тем, что сам изучаемый наукой объект природы внутренне противоречив; познать же заключенное в нем противоречие непосредственно, так сказать, «с ходу», невозможно. Чтобы это сделать, нужно сначала «убить» живое противоречие, расчленив его на его противоположные стороны, а затем изучить каждую из них абстрактно, саму по себе, в ее противопоставлении другой его стороне, отрицаемой нацело с позиций признания только одной стороны.

Так, в XVII в. разгорелась научная дискуссия о том, какова природа и структура света: состоит ли свет из особых световых корпускул, как это утверждал Ньютон, или же он представляет собой волновой процесс, на чем настаивал Гюйгенс. С методологической стороны это был спор о том, какой принцип — дискретности или континуальности — должен быть положен в основу учения о свете; в более же широком плане этот спор шел о том, какая категория — прерывности или непрерывности — должна здесь господствовать.

Как это нередко бывает в истории науки, временную победу одержала в данном случае одна из борющихся сторон. Это обстоятельство определялось прежде всего характером изучаемого объекта: обычные макрофизические системы образованы громадным множеством микрочастиц, совокупности которых ведут себя, на первый взгляд, как непрерывные, континуальные образования. В начале XIX в. в оптике на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 303.

основе целого ряда чисто экспериментальных открытий (в частности, явлений дифракции и интерференции света) Френель создал волновую теорию света, которая вполне гармонировала с последующим развитием физики в XIX в.

В химии же в начале того же XIX в. развернулась научная дискуссия о том, каким по своему характеру химическим составом обладают сложные вещества: постоянным, как утверждал Пруст, или переменным, в известных пределах, на чем настаивал Бертолле. По сути дела, по своему методологическому значению в химии шел тот же спор о прерывности (дискретности) или непрерывности (континуальности), только на этот раз в применении к соотношению составных частей в химических соединениях. Но в прямую противоположность тому, как этот спор разрешился тогда в оптике, в химии в начале XIX в. восторжествовала концепция прерывности (дискретности). Это было связано с тем, что в химии как раз тогда утвердилось атомистическое учение. И здесь это обстоятельство также определилось характером изучаемого объекта, ибо простейшие химические соединения, изучавшиеся тогда химиками в первую очередь, демонстрировали свое явное подчинение закону простых кратных отношений. Такие представления вполне гармонировали с последующим развитием химии вплоть до начала XX в.

Итак, в начале XIX в. сложилась, а в течение почти всего XIX в. продолжала сохраняться различная ситуация в двух смежных областях естествознания: с одной стороны, в учении о свете, где была достигнута временная победа

односторонне толкуемой концепции непрерывности (континуальности), и, с другой стороны, в учении о веществе, где временная победа досталась столь же односторонне толкуемой концепции прерывности (дискретности).

Сейчас нам важно подчеркнуть следующее: такое различие ситуаций, как временно достигнутых результатов предшествующих научных дискуссий, зависит отнюдь не от личных качеств участников этих дискуссий, не от их вкусов, их интересов, их научной квалификации и т. д., но исключительно от особенностей самих изучаемых наукой объектов природы — физического (света) и химического (вещества). Поэтому станет понятным то, что писал Планк в 1897 г. почти накануне создания им теории квантов, благодаря которой в оптику и — шире — в физику вообще вошел принцип дискретности, касаясь интересующего нас сейчас вопроса о различий между химическими и физическими объектами: «Прерывистость в изменении эквивалентного веса является, следовательно, характерной для химической природы вещества, в противовес его физическим свойствам; более того, кратко резюмируя, можно сказать: физические изменения протекают непрерывно, химические же — прерывисто. Поэтому в физике приходится иметь дело преимущественно с непрерывными переменными величинами, в химии же — преимущественно с целыми числами»¹.

Но как было уже сказано выше, победа обеих односторонних концепций в физике и химии была только временной, хотя и достаточно

¹ М. Планк. Термодинамика. Л.—М., 1925, стр. 30.

продолжительной. Временной потому, что в том и другом случае изучаемые наукой объекты природы были внутренне противоречивы, представляя собой единство противоположностей, в данном случае единство прерывности и непрерывности, дискретности и континуальности. Поэтому окончательно утвердиться в науке ни та, ни другая односторонняя концепция не могла. Это отлично понимал уже Гегель, который как раз в то самое время, когда в науке, казалось бы, прочно утверждались обе односторонние концепции, предсказывал, что истина не в односторонних воззрениях, не в той или другой абстрактно (изолированно) взятой стороне живого противоречия, а в самом этом противоречии, т. е. в нераздельном единстве обеих противоречивых сторон.

На эти взгляды и высказывания Гегеля, давая им материалистическое истолкование, ссылались и Ф. Энгельс и В. И. Ленин. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» указывал на *«противоречие непрерывной и дискретной материи»*¹. «Гегель,—писал он,—очень легко разделяется с этим вопросом о делимости, говоря, что материя — и то и другое, и делима и непрерывна, и в то же время ни то, ни другое, что вовсе не является ответом, но теперь почти доказано»². В. И. Ленин в «Философских тетрадах» характеризовал как «истинную диалектику» следующее положение Гегеля, касающееся категорий непрерывности и дискретности: «...ни одно из этих определений, взятое отдельно, не истинно, а истинно лишь их единство. Таково

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20. стр. 587.

² Там же, стр. 560.

истинно диалектическое рассмотрение их, так же как их истинный результат»¹.

Весьма интересен «механизм» перехода от односторонней концепции, временно одержавшей победу над своей противницей, к концепции, отражающей собой диалектическое противоречие. В письме К. Шмидту от 1 ноября 1891 г. Ф. Энгельс, ссылаясь опять-таки на Гегеля, рассмотрел «раскрытие абстрактных противоположностей», когда «как только собираешься удержать лишь одну сторону, так она незаметно превращается в другую и т. д.»². Это значит, что тот, кто станет чрезмерно настаивать на своей односторонней концепции и, слишком «крепко» хватаясь за нее, попытается насильно распространить ее на *всю* изучаемую область явлений природы, неизбежно рано или поздно сам же обнаружит, что его концепция совершенно неожиданно для него самого приводит к прямо противоположным ей следствиям, которые до тех пор рассматривались как несовместимые с нею. Так это, в частности, случилось и с М. Планком.

Великие открытия в физике, начиная с конца XIX в., в особенности открытие электрона и создание теории квантов, нанесли концепции непрерывности (континуальности) в ее абстрактной односторонности серьезный удар. С другой стороны, в химии учение о водных растворах Д. И. Менделеева и в особенности учение о физико-химическом анализе Н. С. Курнакова доказали, что концепция прерывности (дискретности) в ее абстрактной односторонности ока-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 106.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 176.

зывается весьма уязвимой. Так, по поводу столкновений между концепциями прерывности и непрерывности в химии Н. С. Курнаков говорил в 1932 г.: «Теперь диалектический принцип единства противоположностей устраняет эти взаимные противоречия. Глубокая мысль Гегеля «величина в непрерывности имеет непосредственно момент дискретности» получает здесь наглядный пример для своего подтверждения»¹.

Иногда образно говорится, что по отношению к двум крайним позициям «истина находится по середине». Но это надо понимать отнюдь не в том смысле, что истину находят эклектическим путем, посредством «примирения» противоположных точек зрения или какого-то «соглашения» между ними (конвенции). Нет, речь идет о полном, решительном и коренном преодолении всех искажений и односторонностей, которые образовались и закрепились в науке, пока эти крайние точки зрения в их абстрактном противопоставлении одна другой отвергали нацело свою противоположность. И новая концепция, основанная на единстве противоположностей, появляется не как простое соединение двух прежних крайних концепций, а как принципиально новая, в корне им противоположная и преодолевающая полностью те крайности и ограниченности, которые им были свойственны.

Ответственную задачу — помочь науке освободиться и очиститься от ложных моментов и крайних определений, которые были присущи

¹ Н. С. Курнаков. Введение в физико-химический анализ. М.—Л., 1940, стр. 188.

прежним воззрениям, и тем самым помочь выработать качественно новые воззрения на изучаемый объект природы — выполняют *научные дискуссии*. Они являются гибким инструментом, выводящим науку на верный путь дальнейшего прогрессивного развития. И чем острее и напряженнее они протекают, тем, как правило, они бывают результативнее. Так в результате острой дискуссии, протекавшей в теоретической физике в конце первой четверти XX в., родилась квантовая механика. Она, как уже отмечалось выше, отразила диалектическое противоречие прерывности и непрерывности, корпускулы и волны, показав, что микрообъекты природы — будь то фотоны (кванты света) или электроны (частицы вещества) — представляют собой одновременно или ведут себя одновременно и как корпускулярные, и как волновые образования материи.

И такое разрешение данной дискуссии в науке было опять-таки обусловлено характером изучаемого наукой объекта природы, его диалектичностью, присущей ему внутренней противоречивостью.

Рассмотрим очень коротко еще одну группу научных дискуссий, которые в середине XIX в. буквально сотрясали здание тогда еще совсем молодой органической химии. Сначала в этой отрасли химии возникла так называемая теория радикалов, которая по-своему отражала момент *устойчивости* химической связи между определенными атомами в органическом соединении. Радикалы представляют собой группы атомов, прежде всего углерода и водорода, которые сохраняются устойчивыми и переходят как неизменные из одних органиче-

ских соединений в другие в результате химических реакций. Однако вскоре были открыты такие реакции, вследствие которых разрушались даже самые прочные радикалы.

Тогда на месте прежней теории возникли новые, в том числе так называемая теория типов, которая отразила собой момент *изменчивости* химических связей между атомами в органическом соединении. В данном случае речь идет о типах химических превращений органических веществ.

Обе названные теории — радикалов и типов — отражали противоположные стороны реального химического объекта — органического вещества, но отражали их абстрактно, в их противопоставлении одна другой: либо только одна устойчивость (в теории радикалов), либо одна изменчивость (в теории типов). Однако сам по себе объект представляет собой в полном смысле этого слова единство обоих противоречивых моментов. В подготовительных материалах к «Анти-Дюрингу» Энгельс указывал на это противоречие: «*Противоположность*, — если вещи присуща противоположность, то эта вещь находится в *противоречии* с самой собой; то же относится и к выражению этой вещи в мысли. Например, в том, что вещь остается той же самой и в то же время непрерывно изменяется, что она содержит в себе противоположность между «*пребыванием одной и той же*» и «*изменением*», заключается *противоречие*»¹.

Поэтому хотя теория типов первоначально и одержала победу над теорией радикалов, одна-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 640.

ко эта победа была временной и преходящей: присущее изучаемому объекту природы внутреннее противоречие обязательно должно было проявиться и дать о себе знать, отразившись в сфере научного познания. Так это и произошло в 1861 г., когда А. М. Бутлеров создал теорию химического строения органических соединений. В этой теории были представлены, в их единстве и взаимной обусловленности, оба противоположных момента, присущих органическому веществу — момент устойчивости химических связей в органической молекуле и момент их изменчивости.

Однако и здесь это произошло не путем сложения или сочетания обеих старых теорий — радикалов и типов, а путем создания принципиально новой теории, качественно отличной от обеих старых, которая в корне преодолевала их недостатки и односторонности. При этом ясно выступает «механизм» перехода от прежних односторонних теорий к новой: как только Кекуле (сторонник теории типов) ввел тип метана и как только вслед за этим началось «введение радикалов в типы» и образование «смешанных типов», так внутри самой же теории типов наметился переход к более совершенной теории, которая включала в себя и то рациональное, что содержалось в теории радикалов. Теперь оставалось сделать только один, причем решающий, шаг и ввести в науку понятие валентности, а затем понятие химического строения органических соединений.

Положительная роль дискуссий в этом научном движении была несомненно очень велика.

Аналогичные ситуации возможны не только в физике и химии, но и в других науках, в том числе и в философии, так как и здесь случается, что истина бывает заслонена в результате односторонней трактовки тех или иных философских положений и понятий, тех или иных сторон предмета философии. Добиться путем деловой товарищеской критики, путем серьезного всестороннего обсуждения спорных вопросов выявления объективной истины — такова цель подлинно научных дискуссий. И эта цель высока и благородна, ибо в области научного познания нет ничего дороже *истины*.

В заключение отвечу *Э. В. Ильенкову*. Наши разногласия касаются того, как познается реальное противоречие, и шире — как надо понимать общий ход познания. *Э. В. Ильенков* считает, что в данном случае неуместен вопрос: «Что прежде, а что потом?» Я же, напротив, продолжаю считать, опираясь на историю науки, что при раскрытии отдельных сторон изучаемых объектов имеется определенная *последовательность* и что категории диалектической логики обобщают собой определенные ступени познания.

Разумеется, в реальной действительности, в природе, все ее стороны существуют в их нераздельном единстве. Это касается и таких ее сторон, как внешнее и внутреннее, явление и сущность, отдельное и общее, единичное, особенное и всеобщее, качество и количество, целое и часть и т. д. Однако человеческая мысль в ходе познания не может схватить и не схватывает их единства сразу, непосредственно во всей его конкретности. Напротив, она подходит к нему лишь постепенно, начиная с познания того, что

в данных условиях доступнее, ближе, понятнее человеку. По этой причине общий ход человеческого познания направлен от изучения явлений к проникновению в их скрытую сущность, т. е. от явлений к сущности, а следовательно, от внешнего к внутреннему, от единичности через особенность к всеобщности, о чем свидетельствует вся история науки и научных открытий, например открытия закона сохранения и превращения энергии, а также периодического закона химических элементов. Сущность вещей как ступень познания постигается лишь после того и на основе того, что было достигнуто в ходе познания соответствующих явлений. До этого же момента сущность может лишь отчасти улавливаться в виде смутной догадки, но отнюдь не в виде уже достигнутой ступени познания. Когда же единство сущности и явлений раскрыто, дальнейшее движение познания совершается уже на основе этого. Точно так же определение качественной стороны вещей и явлений логически и исторически предшествует определению их количественной стороны, поскольку последнее предполагает *отвлечение* от всех свойств сравниваемых вещей, следовательно от их качества, кроме одного свойства, а именно того, по которому ведется сравнение. И только после этого раскрывается мера вещей как единство их качественной и количественной сторон.

Соответственно последовательности познания предмет как целое дважды возникает перед взором человека: сначала непосредственно как нечто хаотически целое, которое люди еще не научились подвергать анализу, и вторично, когда люди, научившись его разлагать, понемногу научаются воспроизводить его вновь — мыслен-

но или физически — путем синтеза из его частей. Э. В. Ильенков в доказательство того, что синтетический подход может предшествовать аналитическому, сослался на то, что множество химически сложных веществ было изучено задолго до того, как был проведен их анализ. Это говорит лишь о том, что целое изучалось тогда только как нечто непосредственно данное. Но это, разумеется, отнюдь не означает, будто в таких случаях оно изучалось синтетически, ибо здесь нет и намека на его воссоединение из его частей.

Познание реального противоречия, как показывает опять-таки история науки, протекает таким же образом: сначала оно выступает перед нами непосредственно как нечто данное, единое и нерасчлененное; затем оно раздваивается на противоположные стороны или части, противостоящие друг другу, и только после этого становится возможным преодоление его разрыва на абстрактные противоположности, соединение их в полном соответствии с тем, как они соединены в самой действительности. Очевидно, что здесь мы имеем дело с соотношением исторического и логического.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА

Итак, десять авторов дали различный анализ диалектического противоречия (хотя число точек зрения, выраженных в книге, все же меньше числа участников диспута).

Мне хотелось бы обратить внимание на следующее. Все участники данного обсуждения исходят из того, что, по крайней мере, многие важные антиномии, фиксируемые в истории познания, и во всяком случае все те антиномии, в которых выражается процесс развития знания, имеют определенную *объективную* основу и так или иначе соотносятся с *объективно* существующими диалектическими противоречиями. В признании наличия объективных диалектических противоречий, в подчеркивании необходимости их воспроизведения в системе знания выражается позиция, составляющая необходимый момент марксистского философского мировоззрения. Конечно, тот факт, что ныне проблема антиномий, вопрос об их соотношении с объективными противоречиями (в частности, на примере парадоксов теории множеств или квантовой механики) столь широко обсуждается в работах по методологии науки, объясняется в значительной мере также и особенностями самого современного научного зна-

ния. Это обстоятельство, однако, свидетельствует о том, что именно современная наука в большей мере, чем раньше, вынуждена осознавать диалектический характер собственных теоретических оснований.

Как смог убедиться читатель, в рамках положений марксистской философии, разделяемых всеми участниками, ведется острый спор, формулируются различные точки зрения. Разумеется, столь большое разнообразие решений данной проблемы объясняется в значительной степени ее недостаточной разработанностью. Однако я хотел бы заметить и другое: развитие науки неотделимо от творческих споров, от сопоставления разных точек зрения, разумеется, при условии следования принципам марксизма, о чем говорилось на XXV съезде КПСС.

Особенность обсуждения, с которым познакомился читатель, состоит в признании всеми его участниками необходимости разрешения логического противоречия. Иными словами, почти все авторы книги считают, что формальная антиномия типа «А и не-А» не является окончательным выражением объективного диалектического противоречия и должна быть разрешена, «снята» в какой-то «иной» структуре. Каковы способы этого разрешения, какова эта «иная» структура, какую роль играет формализация в этом процессе — по всем этим вопросам ведется дискуссия. Однако сама необходимость разрешения формальной антиномии, повторяю, признается почти всеми.

Отмеченная особенность данного обсуждения заслуживает внимания хотя бы по той причине, что не столь давно в нашей философской литературе по этим вопросам сталкива-

лись в основном две точки зрения. Одна из них подчеркивала, что всякое формально-логическое противоречие в мышлении является чисто субъективным и не имеет никакого отношения к познаваемому объекту. Другая склонялась к тому, что подлинно диалектическое мышление состоит в формулировании множества неразрешенных антиномий. Как смог убедиться читатель, в данном обсуждении не представлена ни та, ни другая точка зрения. Спор ведется на новой основе, односторонность и недостаточность старых подходов ясна всем участникам обсуждения. Можно полагать, что дискуссии по данной теме дают определенные результаты и ведут к продвижению философского познания.

Попытаюсь выделить одну из важных линий обсуждения, по которой происходит оттачивание и сближение различных точек зрения. Речь идет об отношении формулируемой в знании антиномии к диалектической структуре реального объекта. В качестве точки зрения, относящейся к одному из крайних пунктов того спектра решений, который можно обнаружить в обсуждении, я выделил бы позицию *В. Н. Поруса*. Формальная антиномия, считает он, имеет определенную объективную основу, но вместе с тем сама по себе (т. е. по своему содержанию и форме) субъективна. Знание, воспроизводящее структуру объекта, не может иметь антиномий в своем составе. Исследователь познания должен иметь дело прежде всего с объективированными системами знания, полагает *В. Н. Порус*, а не с самим познавательным процессом, между тем в системах знания антиномии должны быть устранены.

В. И. Метлов подчеркивает, что антиномии необходимо возникают в процессе познания, ибо этот процесс выражает противоречие между субъектом и объектом. В готовом, «ставшем» знании, по его мнению, антиномии отсутствуют. Вместе с тем в отличие от *В. Н. Поруса* он придает большое значение анализу процесса становления знания как особой, самостоятельной реальности, исследование которой наиболее интересно для философа. Воспроизведение этой реальности необходимо сопровождается логическими антиномиями, подчеркивает *В. И. Метлов*. *Г. С. Батищев* также считает, что антиномии характеризуют процесс становления знания, в то время как в «готовом», овеществленном знании они отсутствуют. Однако само «овеществление» знания в знаковой форме *Г. С. Батищев* рассматривает не в качестве необходимого момента познавательного процесса, а как результат воздействия на познание определенных социально-исторических обстоятельств, которые в известной мере затемняют подлинную сущность познания. Поэтому, с его точки зрения, отсутствие антиномий в «формализованном» знании хотя и совершенно неизбежно, вместе с тем свидетельствует о некоторой неполноценности этого знания по сравнению с тем, в котором процесс движения по логике объекта не получил выражения в виде знаковой формализованной структуры.

З. М. Оруджев считает, что формальная антиномия возникает лишь тогда, когда мы вырываем определенный момент из объективно существующего диалектического противоречия, в котором полюса антиномии реально опосредованы некоторыми звеньями; поэтому, хотя ан-

тиномия и выражает определенный момент реальности (и в этом смысле имеет объективное содержание), но выражает его в субъективной форме, ибо упускает из виду посредствующие звенья. *Ф. Ф. Вяккеро*, как мне представляется, близок в данном пункте к *З. М. Оруджеву*, хотя он в большей мере делает упор на субъективном характере многих антиномий человеческого познания.

Э. В. Ильенков подчеркивает, что содержание, которое выражается в виде логической антиномии, точно воспроизводит определенную сторону самого объекта. В этом смысле антиномия не только имеет объективную основу, но является объективной и по содержанию, и по форме. Вместе с тем, по его мнению, то содержание, которое отражается в антиномии, выступает лишь моментом структуры развивающегося объективного противоречия. Поэтому дальнейшее движение познания означает «разрешение» антиномии, что выражается, однако, не в ее устранении, не в ее модификации, а в ее включении в состав некоторого более широкого целого.

Точки зрения *Б. А. Ласточкина*, *Э. Н. Глаголевой* и *А. А. Сорокина* в данном вопросе, мне представляется, примыкают к точке зрения *Э. В. Ильенкова*.

Читатель заметит, что в книге представлены не все точки зрения по обсуждаемой проблеме, высказанные в советской философской литературе в последние годы. Это относится, например, к концепциям *И. С. Нарского* и *В. И. Свидерского* (хотя отдельные участники «круглого стола» выражают взгляды, близкие к позициям этих авторов).

Не собираюсь здесь приводить аргументы в пользу одной и против другой из перечисленных точек зрения: это заставило бы меня включиться в спор на правах его участника, что противоречило бы припятным условиям обсуждения (см. вступительную статью *Б. М. Кедрова*). Я хотел бы лишь обратить внимание читателей книги на то, что обсуждение вопроса о месте формальной антиномии в структуре познания привело участников «круглого стола» к необходимости постановки более широких философских проблем: антиномия и объективное диалектическое противоречие, соотношение деятельного и предметного аспектов процесса познания, познание как процесс и познание как результат, диалектика содержательного и формального и место процесса логической формализации в познании и др.

В связи с обсуждением основной проблемы в данной книге затрагивались и вопросы диалектики анализа и синтеза, логического и исторического, общего и единичного, возможности и действительности, непосредственного и опосредованного и ряд других. Отмеченное обстоятельство — вовсе не результат недостаточно четкого вычленения предмета обсуждения, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что проблема диалектического противоречия в ее разнообразных аспектах (типы объективных противоречий, выражение противоречия в логике понятий, противоречивый характер процесса познания и т. д.), как известно, занимает одно из центральных мест в системе марксистской диалектики и поэтому необходимо связана со всеми другими ее категориями и проблемами.

Исследование проблемы противоречия — это не только предварительное условие решения других проблем марксистской диалектики. Во многих случаях именно умение связать проблему диалектического противоречия с другими философскими вопросами дает возможность вычленить новые стороны этой проблемы и продвинуться в ее исследовании.

Не следует забывать и того, что давать решение той или иной философской проблемы при полной изоляции от всех других, как правило, оказывается невозможным (по-видимому, в этом одна из специфических особенностей философского знания). Во всяком случае, тот факт, что обсуждение проблемы противоречия заставило его участников затронуть многие важные вопросы марксистской теории диалектики, составляет одну из привлекательных сторон дискуссии. Мне представляется, что успех дальнейшего обсуждения данного вопроса в значительной степени определится тем, в какой мере проблема противоречия будет рассматриваться в широком контексте системы марксистской диалектики в целом, в какой мере она будет рассматриваться не как узкоспециальная, а как выражение основных диалектических характеристик бытия и познания в целом.

Если мне позволено высказать мнение о том, какие стороны обсуждаемой проблемы нуждаются в особенно обстоятельной разработке, то на основании проведенного обсуждения я выделил бы вопрос *о способах и типах разрешения противоречия*. Как известно читателю, все участники данного обсуждения согласны в том, что противоречие должно быть разрешено. Однако, что касается характера этого разреше-

ния, соотношения антиномии и способа ее разрешения, здесь обнаруживается не только различие подходов, но в ряде случаев неясность самой авторской позиции.

В самом деле, что считать разрешением антиномии? Означает ли «встраивание» антиномии в систему теоретического знания факт ее разрешения? Или же разрешение предполагает какую-то «переплавку» самой антиномии (и, может быть, изменение самого ее смысла)? Как соотносятся разрешение объективного противоречия и теоретическое разрешение антиномии? По всем этим вопросам следует продолжить философское исследование.

Еще одно, и весьма важное, условие того, чтобы споры по данной проблеме носили не отвлеченно-схоластический характер, а были научно-содержательны, заключается в философском анализе реально существующего научного познания, современной социальной практики. Данная книга, на мой взгляд, в целом отвечает этому требованию. Большинство авторов не просто декларируют свои взгляды, а пытаются их обосновать путем исследования истории естественных и общественных наук. Таким образом, построение книги о противоречии в форме обсуждения различных подходов помогло выявить и остро сформулировать многие сложные и спорные моменты этого вопроса и вместе с тем выяснить возможности и пути дальнейшего его исследования. Мне остается выразить пожелание, чтобы данная книга способствовала дальнейшей разработке важной и сложной проблемы диалектического противоречия и его выражения в логике понятий.

В. А. Лекторский

Содержание

Вместо вступительного слова. *Б. М. Кедров* 3

Часть первая

*Основные выступления всех участников
«круглого стола».*

*Анализ понятия
диалектического противоречия* 7

Противоречивость познания
и познание противоречия. *Б. М. Кедров* 9

Категория противоречия и ее
мировоззренческая функция. *Г. С. Батищев* 39

Предметное противоречие и его
теоретический «образ». *Ф. Ф. Вяккерев* 59

Формально-логическое
и диалектическое противоречия.
Различные структур. *З. М. Оруджев* 78

О понятии противоречия в диалектике.
А. А. Сорокин 96

Проблема противоречия в логике.
Э. В. Ильенков 122

Ступени становления идеи
диалектической противоречивости
в философии
и современной науке. *В. И. Метлов* 144

Диалектическое противоречие
и принцип отражения. *В. Н. Порус* 156

О диалектическом объекте
о модальной онтологии. *Б. А. Ласточкин* 180
Истинны ли противоположные определения,
входящие в научно-теоретическое
понятие. *Э. Н. Глаголева* 191

Часть вторая

*Повторные выступления большинства
участников «круглого стола».*

Критические замечания и ответы на них 207

Является ли антиномия «образом»
противоречия. *Ф. Ф. Ваккерев* 209

Опосредование и развитие
противоречия. *З. М. Оруджев* 223

Почему антиномия разлучается
с истиной. *Г. С. Батищев* 233

О материальности сознания
и трансцендентальных кошках.
Э. В. Ильенков 252

Не «разлучать»,
а различать... *В. Н. Порус* 272

Снятие исторического противоречия
логическим. *Б. А. Ласточкин* 286.

О разрешении противоречий.
А. А. Сорокин 301

Неизбежно ли «огрубление» в процессе
познания противоречия?

Еще раз
о научных дискуссиях. *Б. М. Кедров* 312

Вместо
заключительного слова. *В. А. Лекторский* 334

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*

Редактор *Г. И. Курбатова* и *В. Г. Голобоков*

Младшие редакторы

Ж. П. Крючкова и *Е. С. Молчанова*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 2055

Сдано в набор 05. 09. 78. Подписано в печать 08. 12. 78. А00212.

Формат 70×90¹/₃₂. Бумага типографская № 1.

Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.

Услови. печ. л. 12,58. Учетно-изд. л. 12,66. Тираж 75 тыс. экз.

Заказ № 7205. Цена 50 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд. «Звезда», г. Пермь, ул. Дружбы, 34.